

ДЭВИД МАРТИН

ОРЛЫ
или
ВОРОНЫ

Дэвид Мартин

Орлы или вороны

«Издательские решения»

Мартин Д.

Орлы или вороны / Д. Мартин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601270-7

В книге Дэвида Мартина «Орлы или вороны» описано детство и взросление главного героя Виктора. Становление его как личности. Вступая во взрослую жизнь, он сталкивается с незнакомым для него миром. Руководствуясь положительными чертами характера, Виктору удаётся найти настоящих друзей и влиться в общество. Но те события, которые ожидают впереди, застают его врасплох. Да и любой бы так реагировал на необычные, а порой мистические и пугающие приключения, которые суждено пройти главному герою. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-601270-7

© Мартин Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	25
Глава третья	34
Глава четвертая	48
Глава пятая	56
Глава шестая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Орлы или вороны

Дэвид Мартин

Редактор Елена Милиенко

Корректор Анна Асонова

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Дэвид Мартин, 2023

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-1270-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мои дорогие читатели, my dear friends! Во-первых, хотелось бы сразу извиниться перед вами за мой стиль изложения. Russian isn't my native language и оставляет желать лучшего. Однако, я как мог старался передать стиль общения моих героев, ход их мыслей и разговорную речь. Возможно, это подаётся не всегда правильным литературным текстом, но это улица, дорогие мои, это наш сленг. Молодые люди, о которых пойдёт речь, так или иначе выросшие без родителей, рано повзрослевшие, но, по сути своей, добрые и отзывчивые. Те, для кого слово «друг» – не просто пустой звук, а что-то святое и из приоритетов стоящее на первом месте. Я старался в своей книге минимизировать появление нецензурных выражений, но иногда они всё же проскакивают. Что поделать, некоторые люди не просто используют мат в своей речи, они на нём разговаривают. Читателей с особо нежным восприятием прошу меня понять и простить.

Во-вторых (а может быть, тоже во-первых), я хотел бы поблагодарить всех тех, кто так или иначе сподвиг меня на написание этой правдивой истории. Мою жену, которая была со мной с первой до последней строчки этой книги. Поддерживала меня в моменты творческих провалов, не давая сойти с правильного пути. Моих родителей и детей – за ту любовь, которую я от них испытываю на протяжении всей моей жизни. Всех тех близких мне людей, кто исподволь, порой даже не осознавая, добавил некую изюминку в сюжет. И самое главное, я бы хотел воздать хвалу Создателю за то, что мы с Виктором пересеклись по жизни, за то, что тогда сидели в самолёте на соседних креслах. За этот удивительный, необычный рассказ, который он мне поведал. За все те чудеса, которые мы не замечаем, теряясь в повседневной рутине забот, выживая в этом, не всегда дружелюбном, мире. И в завершение стоит сказать, что все имена, естественно, изменены. Все события являются фикцией, и любые совпадения, скорее всего, случайны. За исключением, пожалуй, самого главного. Но не будем забегать вперёд. Читайте и наслаждайтесь. God bless you all. С уважением, David Martin.

Глава первая

2 апреля 2005

Виктор шёл по широкой лесной тропинке, справа и слева рос молодняк. Негустая поросль кустарника растянулась на десятки метров. За ней виднелся настоящий хвойный лес. Видимо, когда-то, ещё во времена Советского Союза, эту дорогу накатали лесовозы, потом леспромхоз сгинул вместе с коммунистами, и возить лес из этой глуши стало нерентабельно, да, собственно, строевого леса почти не осталось. Делянки заросли берёзами и кустарником, до ближайшей дороги с твёрдым покрытием – десятки километров. До первого населённого пункта – километров тридцать. «Зато какая тишина! Грибов, наверное, здесь летом, – подумал он, – не унести». При мысли о грибах захотелось есть. Припасов почти не осталось. Последний раз он ел утром, когда свернул с накатанной дороги, вскипятив воду на маленьком складном примусе и заварив крепкий ароматный чай, бросив туда щепотку брусничника. Сейчас уже смеркалось. Голод Виктора несколько не беспокоил, он специально взял с собой провизии по минимуму, чтобы было легче идти. По пересечённой местности ему предстояло пройти около тридцати километров, потом столько же обратно. Причём обратно будет сложнее из-за тяжёлого рюкзака за плечами. Он невольно усмехнулся. Тяжёлого? Неужели он всё ещё верит в эту чушь? Николас, его попутчик в купе, этот удивительный человек с редким именем и со странной манерой говорить, казался таким ненастоящим и таким нелепым, но в то же время...

Виктор нащупал в кармане холодную пятирублевую монетку, снова усмехнулся и зашагал дальше. Перепрыгивая через лужи растаявшего апрельского снега, он вновь и вновь пытался детально вспомнить, как Николас взял из его рук монетку, медленно и с широкой улыбкой на лице, не делая никаких быстрых движений, так что она всё время оставалась на виду...

1970—1980-е. СССР

Виктор Ярский родился и вырос в городе Белозерск Вологодской области. Он не помнил своих родителей. Их не стало, когда ему было чуть больше трёх лет. Позже, когда навоевал справки, он узнал, что отец был следователем, мама тоже работала на должности в милиции. Их убили, когда они расследовали какое-то громкое дело. Деталей ему так и не удалось узнать. Иногда он пытался напрягать память, и тогда всплывали отдельные фрагменты из детства, очень незначительные. Потом ему уже казалось, что это не воспоминания, а плод его воображения, фантазии.

После смерти родителей Виктор остался жить у бабушки. Она видела только одним глазом и уже была на пенсии по инвалидности, поэтому с опекуном возникла целая проблема. Какое-то время она ходила по судам, доказывая свою состоятельность, потом её вроде как оставили в покое, но полного усыновления она так и не получила. Когда Виктору исполнилось семь лет, бабушка умерла, и его забрали в детский дом. Там он и пошёл в первый класс. Бабушку он помнил хорошо. Она была добрая и в то же время очень строгая, хоть никогда и не ругалась. Он помнил, как один раз (ему тогда было лет шесть не больше) они с другом катались на велосипедах и заехали к другу в гости. Его мама покормила их и спросила, не пора ли Виктору домой. Уже вечерело, и на улице было темно. Он отмахнулся: мол, а мне можно хоть до ночи гулять, типа, я уже взрослый. Почему-то тогда это казалось по-геройски круто. Потом ещё долго сидели, и в конце концов мама сказала им обоим собираться, и все вместе пошли его провожать. Идти было далеко, и когда они добрались до дома, Виктору в первый раз по-настоящему попало. Бабушка подняла всех на уши, его искали все соседи и знакомые. Он никогда не видел её такой расстроенной. Уже гораздо позже он понял, насколько глупо было так себя вести.

Ещё у бабушки был Бог. Она прятала его за дверкой огромного трёхстворчатого шкафа. Виктору несколько раз удавалось мельком увидеть Бога. Это была небольшая дощечка с нарисованным на ней разноцветными красками дядькой. Бога он почему-то очень боялся и старался лишний раз не подходить близко к шкафу. В день, когда застрелили родителей, бабушка в прямом смысле была волком. Было реально страшно. Она всё время кричала какой-то небесной царице, чтоб вместо родителей забрала её к себе. Тогда, в трёхлетнем возрасте, было непонятно, что за царица может быть на небе. Сразу представлялась властная женщина в белой шубе и в короне, где-то на верхнем этаже кирпичной пятиэтажки. Виктор вспомнил об этом эпизоде много позже, когда подрос. Тот вечер как-то чётко и во всех деталях представал перед глазами. Наконец он понял, какую Царицу Небесную имела в виду бабушка.

Годы, проведённые в детском доме, научили Виктора быть самостоятельным и отвечать за свои поступки. Условия там были жёсткие. Поначалу он попал в младшую группу. Там содержались дети до семи лет, но, бывало, их не переводили к старшкам до восьми и даже до девяти лет. В младшей группе воспитатели больше следили за порядком и старались пресекать всякие ссоры и разногласия. Виктора никто не обижал, он быстро со всеми познакомился и подружился. В старших группах дети чувствовали себя более вольготно, и воспитателям было уже не уследить за всем происходящим, поэтому там выстраивалась чёткая иерархия. Ребята постарше и посильнее сами устанавливали порядки, и любое неповиновение сразу пресекалось физическим наказанием. Когда Виктора перевели в старшую группу, ему исполнилось уже девять лет. За неполных три года, проведённых в детдоме, он уже кое-чему научился, появилась некая хитринка, он чувствовал ситуацию и подстраивался под неё. Такая способность к выживанию. Дети взрослеют гораздо раньше, чем это кажется взрослым. Ярский уверенно влился в коллектив таких же сорванцов, как и он. Хотя не обошлось и без стычек. Пару раз его, как новенького, пытались зацепить сверстники; конечно, подрались и не раз, но потом приняли за своего, и жизнь потекла дальше. Ребята в детдоме были разные, каждый со своим характером и историей, но всех объединяло одно – нехватка родительского тепла, и каждый жил с этим как мог. А куда деваться?

Когда Виктору исполнилось двенадцать, к ним перевели из другого детдома несколько человек. Один из них – Александр Сипелко. Родом он был из Полтавы. Этот город Ярский хорошо помнил из уроков истории. Там Пётр Первый с корешами, ещё давным-давно так навалили шведам, что у тех только пятки сверкали. Саня Сипелко не сидел тихо, как это обычно делают новички в коллективе, а сразу занял лидирующую позицию в иерархии подростков. Он был на год старше Виктора и почти на пол-головы выше. Худой, жилистый, с длинными, как у орангутанга, руками, с большими кулаками, на которых острые костяшки были постоянно сбиты от частых драк. Саня дрался везде и со всеми. Он щемил малолеток, не давал проходу сверстникам и смертным боем бился со старшими ребятами, несколько им не уступая. Местные крепкие пацаны поначалу пытались поставить его на место, однажды даже устроили ему тёмную. Но он, как-то ловко увернувшись, отмутузил сразу нескольких человек. Одному выбил передний зуб, а другому сломал нос и походу даже вышел из неравной схватки победителем, хоть и сам славно огрёб. Получив в наказание своеобразный карцер от воспитателей (да, был и такой, но об этом, наверное, рассказывать не стоит), он отсидел там пару дней, а потом вернулся в группу как ни в чём не бывало. После этого учить Саню жизни больше ни у кого желания не возникало.

С первого дня к нему прилипли две клички: Сиплый и Хохол. На Сиплого Саня не обижался, а вот Хохлом его называли исключительно за глаза. Такое погоняло Сане почему-то сильно не нравилось, и за это можно было с большой вероятностью хорошо огрести по щам.

Ярского по какой-то причине Сиплый невзлюбил с первого дня и сразу стал цеплять, где бы они ни пересекались. То, что они друг другу – полная противоположность, было видно с первого взгляда. Виктор – с врождённой интеллигентностью, спокойный и рассудительный.

Все его поступки казались продуманными и целенаправленными. И прямая противоположность – Саня. Резкий, наглый, абсолютно безбашенный сорванец. Он делал всё, что ему вздумается, никогда не слушал ничьего мнения, а имел только своё. Ярский хоть и не любил учиться, но схватывал всё на лету. Стоило ему услышать материал в школе, он тут же его запоминал и мог потом ответить, даже не повторяя дома. Любимым предметом Виктора была география. Он с удовольствием разглядывал в учебнике красивые острова в безбрежном море, картинки заморских городов с пальмами и мечтал, что когда-нибудь обязательно там побывает. Ещё ему нравилась математика. Мало кто из учеников любил математику, а Виктор настолько легко научился считать, что уже в десятилетнем возрасте мог быстро перемножать в уме двузначные числа, чем удивлял не только своих друзей, но и учительницу математики. Из оценок Ярский получал в основном четвёрки и то только потому, что учиться ему было неинтересно; а учителя не раз говорили с сожалением: «Эх, Витя, тебе бы немного прилежности, ты бы мог быть отличником».

Сиплый же, наоборот, был двоечником, никогда не открывал дома учебники и порой даже не носил их с собой на уроки. Учёба его не интересовала от слова «совсем». У Сани была мечта: вырасти и стать наёмником. Он услышал от кого-то про Французский легион. Про крутых солдат, воюющих по всему миру. Эта жизнь казалась Сиплому настолько романтической и интересной, настолько другой, в отличие от этого деревенского детдомовского быта, что он с нетерпением ждал своего совершеннолетия, чтобы свалить в далёкую Францию и поступить на службу своей мечты.

Ярского Сиплый задира по-своему. Когда он проходил мимо, делал вид, что не замечает его, но в последний момент внезапно резко и сильно, но как-то незаметно для окружающих бил под дых. У Виктора перехватывало дыхание, но он делал вид, что ничего не случилось, продолжал идти дальше, на ходу пытаясь отдышаться, делая короткие быстрые вздохи. Иногда, Сиплый незаметно бил Виктора ладонью по шее и говорил при этом: «Кайфушка». Удар был несильный, но такой резкий, что по всему позвоночнику сверху донизу прошибала неприятная электрическая дрожь. Каждый раз Виктор думал, что в следующий раз он обязательно развернётся и даст Сиплому в рыло, но потом опять его что-то сдерживало, и он делал вид, что ничего не произошло.

Ещё Виктору очень нравился урок труда. Учителя по труду звали Дмитрий Николаевич. Это был молчаливый мужчина средних лет. Семьи у него не было, вернее, была раньше. Поговаривали, что жена спуталась со столичным профессором и уехала с ним жить в Москву. Взрослый сын тоже жил где-то: то ли в Москве, то ли в Ленинграде. Дмитрий Николаевич всё своё время проводил здесь, с ребятами. И если кто-то из них интересовался чем-нибудь техническим, то он всегда очень внятно и доходчиво объяснял, как устроен тот или иной механизм, – в общем, учил тому, что может пригодиться в жизни, когда они вырастут. А научить он их мог многому. Одет трудовик был всегда в синий длинный халат и тёмно-серые брюки. Больше ни в какой другой одежде его и не видели. Виктор никогда не слышал, чтобы он с кем-то вёл беседу. Он всегда копался в своих ящичках, верстаках, что-то точил, ремонтировал или просто делал уборку в своей большой мастерской. У него Виктор многому научился. Освоил несложные токарный и сверлильный станки, разобрался, какой инструмент как называется, и уверенно всем этим пользовался. В старших классах он ходил на кружок моделирования и даже с помощью Дмитрия Николаевича собрал модель автомобиля с моторчиком. На каникулах, когда ходили в поход с ночёвкой, уже поздно ночью закончились дрова и Дмитрий Николаевич сказал ребятам насобирать немного хвороста. Видя, что Виктор не отходит от костра, спросил его:

– Похоже, ты боишься темноты?

– Да, немного боюсь, – не стал обманывать Виктор. – И леса тоже боюсь.

– Леса бояться не надо, он живой, – сказал учитель. – Лес – друг человека, если ты к нему с чистыми намерениями, то он тебя никогда не даст в обиду.

Эти слова Виктор запомнил на всю жизнь. Позже, когда вырос, ему не раз приходилось ночевать в лесу одному, и, вспоминая слова учителя, он каждый раз желал лесу добра, и лес отвечал ему тем же.

Как-то Дмитрий Николаевич подозвал Виктора, когда закончился урок труда, подождал, когда все ребята уйдут, затем спросил:

– Ярский, ты с Саней Сипелко ведь не дружишь?

– Нет, конечно, – удивился Виктор такому вопросу и добавил: – Он конченный.

– Ты его боишься, походу? – прямо спросил трудовик.

– Ну, не то чтобы боюсь, просто не хочу с ним связываться, он конченный, – снова повторил Виктор.

– Может, тебе пойти в секцию бокса? Позанимаешься и сможешь за себя постоять.

– Но я не люблю бокс, я вообще не люблю драться.

– Ты хороший парень, Витя; я вижу, что ты во многом положительно отличаешься от своих сверстников. Не хочу учить тебя чему-то плохому, но иногда надо проявить характер и сделать что-то, ну как бы это сказать. Я думаю, что ты должен дать ему отпор. Скажу прямо, будет неплохо, если ты с ним подерёшься, проще – набьёшь ему морду, – было видно, что такой совет нелегко даётся Дмитрию Николаевичу, и он тщательно подбирает слова.

– Так он же намного сильнее меня и старше, – удивился такому совету Виктор.

– Это неважно. – Трудовик сел на край скамейки и жестом указал Виктору, чтобы он сел напротив. – Тебе придётся драться, и, даже если он тебя побьёт, тебе придётся драться с ним снова. Тебе придётся много драться в этой жизни, если ты действительно хочешь чего-то добиться. И тебе придётся драться не только кулаками. Самое главное в мужчине – это здесь. – Он ткнул Виктора в лоб указательным пальцем. – И здесь. – Он дотронулся до груди. – Разум и сердце. Ты добрый парень, Витя, это хорошо, но часто люди доброту принимают за слабость, поэтому, помимо доброты, тебе надо воспитывать характер. Приходи ко мне сюда в мастерскую в субботу после уроков, у меня есть кое-что для тебя. Я хочу тебя познакомить с одним человеком. А теперь давай иди на следующий урок.

Слова, сказанные трудовиком, Виктор потом не раз вспоминал, но сегодня он услышал только одно: надо будет драться с Сиплым. А это означало, что его отлупят, как боксёрскую грушу. Он вспомнил длиннющие руки Сани и невольно поморщился. В субботу Ярский шёл в мастерскую только для того, чтобы сказать трудовику, что он сам разберётся с Сиплым и никакой помощи ему не надо. К его удивлению, Дмитрий Николаевич встретил его на пороге, одетый в пальто.

– Пришёл, – сказал он. – Молодец, пойдём со мной.

– Куда? – удивился Виктор.

– Познакомлю тебя кое с кем.

Когда они подошли к покосившемуся старенькому деревянному дому, Виктор понял, к кому они пришли. Это был дом Юрия Ивановича Русанова. В городе его знали многие. Юрий Иванович был коренастый мужчина крепкого телосложения и невысокого роста. На первый взгляд создавалось впечатление, что у него вообще нет шеи, а голова растёт прямо из туловища. Взгляд был суровый, исподлобья, нос, расплюснутый от множественных боёв на ринге. На вид ему было лет пятьдесят. Юрий Иванович был бывший мент. Капитан милиции в отставке. Русанова уважали не только законопослушные граждане, но и криминалитет. Говорили, когда он изловил и посадил целую шайку жуликов-гастролёров и на него кто-то из обиженных готовил покушение, то один криминальный авторитет в городе сказал: «Кто тронет Русанова, будет иметь дело со мной. Русанов правильный чел. Хоть и мент, но живёт по понятиям».

Всю жизнь Юрий занимался боксом, имел кучу всяких медалей и званий. Один раз он приходил в детдом и рассказывал ребятам, как лучше себя вести в тех или иных ситуациях. Когда он вышел на пенсию по возрасту, как-то сразу потерялся из виду. Копался в своём огороде да попивал пивко с бывшими коллегами по службе. Золотым пенсионным парашютом, руководство выделило ему в подарок старенький трёхколёсный мотоцикл «Днепр». Юрий Иванович очень гордился подарком. Говорил: «Трофейный конь. Сейчас таких уже не выпускают». Несколько раз его звали тренером по боксу в местный боксёрский клуб «Атлант», но он почему-то отказывался.

Русанов встретил гостей молчаливо, но приветливо, поздоровавшись за руку. Рука была большая, сухая, рукопожатие сильным.

– Как жизнь? – спросил трудовик.

– Нормально, – лаконично ответил Русанов и добавил: – Весна на дворе, вон, огород вскопал. У вас чего? – он посмотрел на Виктора. – Молодое поколение подрастает.

– Витя, сгоняй через дорогу в ларёк, купи, пожалуйста, бутылку газировки. – Дмитрий Николаевич протянул Виктору бумажный рубль и, когда дверь за ним закрылась, продолжил, обращаясь уже к Русанову: – Да вот привёл тебе парня. Ученик мой. Позаниматься бы ему. Боксом, имею в виду.

– Так, Дима, я же не тренирую, в «Атлант» пусть идёт, там всегда набор открыт.

– Да ты ему просто азы покажи, двигаться научи, удар поставь. Парень неплохой, добрый.

Цепляется там к нему один хлыщ, а этот отпор дать не может.

– Почему в секцию не идёт?

– Да он немного особенный, помнишь, как у Высоцкого в песне? «Бить человека по лицу я с детства не могу».

Юрий понимающе кивнул:

– Но ты же знаешь, одно дело – грушу лупить, другое – в паре работать. Груша ведь сдачи не даст. Пустое это, просто как ОФП, не более.

– Юра, эти ребята растут без родителей, у них фактически нет детства. Они привыкли выживать и приспособливаться. Наша с тобой задача – помочь им найти своё место в этой жизни. Конечно, учить драться – это не то, что выведет их в люди, но в этом случае, думаю, нужно. Я вижу, что у этого парня есть потенциал, мне кажется, что он сможет многого добиться в жизни, если его направить в нужное русло.

– Ладно, пусть приходит, поработаем, – сдался Русанов. – Только не думаю, что из этого выйдет большая польза. Он сам-то хочет, или это больше твоё желание?

– Юра, вот и проверишь на деле, не мне тебя учить.

Дверь открылась, и вошёл Виктор, держа в руке пол-литровую бутылку боржоми.

– Вот сдача. – Он протянул мелочь трудовику, и тот убрал её в карман.

Взяв бутылку у Виктора, Дмитрий Николаевич сказал, чтобы тот остался, а сам, попрощавшись с Русановым, вышел, закрыв за собой дверь.

– Значит, хочешь научиться драться? – спросил Русанов, как-то странно посмотрел на Виктора, будто что-то припоминая. Виктор кивнул, но Русанов больше ничего не говорил, просто смотрел в упор и молчал. Виктору даже стало немного неловко от такой затянувшейся паузы.

– Как фамилия твоя? – вдруг спросил Юрий Иванович.

– Ярский, – сказал Виктор, и ему даже показалось, будто этот грузный непробиваемый человек вздрогнул и весь сжался, словно хотел от чего-то защититься.

Потом опять принял независимый, безразличный вид и спокойно сказал:

– Меня зовут Юрий Иванович.

– Да, я знаю вас. – Виктор смущённо посмотрел в сторону.

Русанов удивлённо поднял бровь:

– Хорошо. Мы с тобой позанимаемся. Я дам тебе домашнее задание. Не выполнишь, можешь больше не приходить. Понял? – Он сурово посмотрел на Виктора.

Тот кивнул.

– Пошли. – Русанов встал и жестом руки показал Виктору следовать за ним.

В конце длинного коридора была дверь. Русанов открыл её, и они зашли в просторную комнату примерно тридцати квадратных метров. Потолок здесь был выше, чем в том помещении, где они разговаривали. Посередине комнаты, на крюке, торчащем из потолка, висел большой боксёрский мешок. В углу к одной и другой стене был приделан турник. На другой стене висело несколько пар боксёрских перчаток. Они были явно старше Виктора. Кожа во многих местах слезла или потрескалась и отходила лепестками. В стороне у окна стоял большой деревянный ларь со всяким инвентарём. Виктор думал, что сейчас Юрий Иванович скажет ему колотить грушу, и даже уже начал присматривать, какую бы пару перчаток снять со стены, но тот, порывшись в сундуке, достал оттуда скакалку и протянул её Виктору.

– Скакать умеешь? – спросил он и добавил: – Прыгай.

Виктор взял в руки скакалку и начал прыгать. Было даже неловко. «Глупость какая-то», – пронеслось в голове. Прыгать не получалось. Прыгнув два-три раза, он наступал на скакалку, или подпрыгивал раньше, или приземлялся позже. Словом, выходило смешно.

– погоди, дай-ка сюда. – Русанов взял скакалку и чуть отрегулировал длину, завязав узелок на одной ручке. – На, теперь попробуй.

Теперь, правда, стало лучше, но Виктор прыгал, топая как слон, приземлялся с таким грохотом, что, наверное, было слышно на улице.

– Ты сейчас мне пол проломишь, прыгай мягче. Постой, дай мне. – Русанов забрал у Виктора скакалку, снял пиджак, повесил его на крючок на стене, снял с ног ботинки. Без пиджака, оставшись в облегающей футболке, он был как грузный комок мышц.

– Смотри, как надо, – сказал он и начал скакать.

Виктор не смог скрыть удивление, как этот тяжёлый, на вид неуклюжий мужик легко прыгал. Это было настолько удивительно и необычно, как будто он не имел веса: легко пританцовывая, прыгал на одной ноге, на другой, на двух. Он приземлялся абсолютно бесшумно, скакалка совершала обороты вокруг тела со свистом, а Русанов спокойно прыгал, как пружинка, грациозно танцуя какой-то свой собственный танец. Иногда он подпрыгивал повыше и успевал прокрутить скакалку два раза. Попрыгав так минут пять, он остановился и протянул скакалку.

– Иди и тренируйся. Возвращайся, когда сможешь пропрыгать тысячу раз без остановки.

– Тысячу? – округлил глаза Виктор.

– Да, тысячу, это не так сложно, как ты думаешь. Также я хочу, чтобы ты каждый день подтягивался на турнике по сто раз, отжимался от пола по двести и приседал по триста. Всё понятно? Потом приходи, будем заниматься.

Виктор шёл домой, держа в руке скакалку. Было радостно от того, что задание не казалось таким уж сложным, ни с кем не надо было драться. Но тысячу раз. Это же очень много.

Начать решил сразу. На пути в школу он не раз ходил через лесопарк, видел там скрытые от постороннего глаза полянки. Почему-то не хотелось, чтобы другие видели, как он целыми днями прыгает. Да бред какой-то. Что он за тренер вообще, не мог показать пару своих коронных ударов? Виктор бы выучил их и, возможно, справился бы с Сиплым. Но внутренний голос ему тут же отвечал:

– Ага, справиться с Сиплым, ну ты и наивняшка! Да он после первого удара тебя так отмудохает, что потом ещё хуже будет.

И тогда вся эта затея со скакалкой казалась ему ещё большим бредом, чем вначале.

Отжиматься было нетрудно: сначала у него получилось отжаться двадцать, потом пару раз по пятнадцать; затем стало тяжелее, и он делал подходы по десять раз; когда счёт подходил к двум сотням, уже отжимался по пять и даже по три раза. В общем, справился. Присел три-

ста – тоже довольно легко, а вот с подтягиванием была проблема. Виктор пошёл в школьный спортзал. Благо дверь там всегда была открыта. К счастью, там никого не было. Подтянулся пять раз, а когда подошёл сделать второй подход, не смог уже подтянуться ни разу. Руки были как ватные.

На прошлом уроке физкультуры, когда все подтягивались на оценку, Виктор подтянулся пять раз, это была оценка четыре. Мало, конечно, но некоторые парни не могли и раза подтянуться. Пять – это был его личный рекорд. Сиплый легко подтянулся десять раз и спрыгнул, получив пятерку. Наверное, мог бы и больше.

– Молодец, – крикнула Машка из параллельного класса, когда Сиплый соскочил с турника, и все посмотрели в её сторону. В Машку были влюблены, наверное, все парни его возраста, включая Виктора. Вот бы ему она так крикнула! Он бы дорого за это заплатил. Что же, вот он сейчас и платит. Подтянуться удалось не сто раз, а только восемь. Пять – и три раза по одному. Дальше дело не шло. Как он ни старался, мышцы отказывались слушаться. Про скакалку и речи быть не могло. Не было сил даже поднять руки, не только прыгать. Решил продолжить тренировки завтра.

На следующий день Виктор проснулся пораньше и направился в лес, на поляну. Для себя он назвал её лесным спортзалом. Начал со скакалки. Прыгалось очень тяжело. Как будто к ногам привязали две тяжёлые гантели, а скакалка весила килограммов десять. Решил передохнуть и перейти к отжиманиям. Отжиматься тоже было очень трудно. Удалось отжаться несколько раз по десять, и на этом силы закончились. Виктор разозлился на себя и на Юрия Ивановича, заодно на Сиплого, и даже на трудовика. К удивлению, это придало немного сил, и он смог выполнить норму по приседанию и наполовину – по отжиманию. Когда он добрался до спортзала, на подтягивание опять не осталось сил.

«Ладно, завтра как раз физкультура, там и подтянусь свою норму», – подумал он.

На следующее утро, когда Виктор проснулся, у него болело всё. От пяток до макушки. Все мышцы были одной сплошной болью, он даже полностью не мог разогнуться, так болел пресс на животе.

– Да пошло оно всё! – сказал он себе. – Не буду тренироваться. Надо отнести этому Юрию Иванычу скакалку и забыть. Это с самого начала была бредовая идея.

На обеде в школьной столовой Ярский шёл к себе за столик, неся поднос с едой. Ужасно болели мышцы. На подносе стояли тарелка борща, второе, пюре с котлетой и стакан компота. Обычный школьный обед. Тут краем глаза он увидел Сиплого, направляющегося в его сторону. Виктор поспешил за свой столик, прибавив шагу, но Сиплый опередил его. Он поднял руку, чтобы ударить Виктора по шее, и уже открыл рот, чтобы сказать: – «Кайфушка», но Виктор сделал шаг в сторону, чтобы увернуться, и ему это почти удалось. Ладонь Сиплого прошла вскользь по плечу и спине Виктора, но он всё же потерял равновесие и, чтобы не упасть, инстинктивно дёрнул руками. Всё, что было на подносе, полетело на пол. Сиплый довольный заржал и пошёл дальше, даже не остановившись. Виктор оглянулся ему вслед и увидел: о боже! – из-за своего столика прямо на него широко открытыми глазами смотрела Машка. Она всё видела и продолжала с интересом наблюдать. Виктора затрясло от ярости, и он вдруг не своим голосом заорал:

– Сиплый! Хохол, ты козёл, сюда иди!

Все, кто был в столовой, обернулись на него, и Сиплый тоже с удивлением, даже немного растерянно, посмотрел на Виктора, потом пришёл в себя, повернулся и прошипел:

– Чего ты сказал? Повтори.

За те несколько мгновений, пока он приближался, ярость Виктора успела смениться на тревогу, он почувствовал предательскую слабость в ногах, но слова уже были сказаны, отступать поздно. Он бросил поднос, сжал кулаки и поднял руки в боксёрскую стойку. Через секунду Сиплый был уже рядом. Ударить Виктор не успел – да какое там ударить, он даже не заметил

удара Сиплого! С ходу, не останавливаясь, размашисто и хлстко, тот справа влепил Виктору боковуху. Как будто граната взорвалась в голове. Виктор упал и на мгновение потерял сознание. Это был лёгкий нокдаун. Очнулся он, когда двое парней из его класса помогли ему встать. Виктор оглядывался по сторонам, приходя в себя. Сиплый довольный скалил зубы, но тут на него закричала Тамара Ивановна. Толстая повариха бросила разливать компот по стаканам и поспешила на шум. Сиплый развернулся и спокойно пошёл прочь, насвистывая, как ни в чём не бывало. Ярский бросил взгляд туда, где сидела Машка. Она ела, уткнувшись в свою тарелку, нарочито низко опустив голову, как будто ничего не случилось. Голова слегка кружилась, во рту Виктор почувствовал солёный привкус крови. Удар получился настолько сильный, что он порвал внутреннюю сторону щеки о зубы, но это сейчас меньше всего волновало Виктора. Сейчас он точно знал, что должен делать.

Стиснув зубы, он с остервенением прыгал и прыгал на грёбаной скакалке, потом, не обращая внимания на боль, отжимался и снова отжимался. Подтягиваться в зал не пошёл, не хотел, чтобы кто-нибудь заметил его за этим занятием. «Позже наверстаю», – думал он. И снова прыгал и прыгал. Боковым зрением Виктор заметил какое-то движение в лесу. Он остановился и резко повернул голову. На краю поляны, метрах в тридцати от него, на задних лапках стоял енот и внимательно за ним наблюдал. Виктор не мог отвести взгляда от мохнатого зверька, такой классный он был. Прикольная острая мордашка с чёрными глазами-бусинками, передние лапки – словно руки у человека, большой пушистый хвост. Виктор никогда в жизни не видел енотов, только на картинке. Он как заворожённый долго смотрел на животное, а енот с таким же интересом наблюдал за человеком. Наконец Виктор позвал его, присев на корточки и похлопав рукой по коленке:

– Шарик, Шарик, иди сюда.

Енот повёл носом, опустился на четыре лапки, развернулся и, виляя шикарным пушистым хвостом, учалал прочь. Виктору показалось, что зверёк даже кивнул ему головой на прощание.

«Бывает же такое, – подумал он. – Прямо как будто дрессированный».

На следующий день боль в мышцах стала ещё сильнее, и Виктор уже подумал: а не повредил ли он чего своими упорными тренировками. Но после школы, когда он опять пришёл на поляну и начал прыгать, боль стала как будто бы меньше. Нет, не меньше, просто привычнее. Он попросту перестал обращать на неё внимания. Приседать было на удивление легко, ноги хоть и побаливали, но не так сильно, как руки и живот. Виктор решил увеличить нагрузку на ноги и вместо отжиманий целый день приседал. Он присел около тысячи раз. Сначала считал, потом сбился со счёту. Как он раньше сам до этого не додумался? Ведь тренироваться – это так просто и так интересно!

Через три дня боль полностью прошла. Виктор с радостью отметил, что, отжимаясь по двадцать раз, он почти не теряет силы, и, отдохнув, попробовал отжаться на рекорд. Получилось аж пятьдесят раз. Прыгать тоже стало намного легче. Уже не так сбивалось дыхание, как вначале. Он попробовал прыгать на одной ноге – получилось. На другой – тоже получилось. Через две недели на уроке физкультуры бегали стометровку, Виктор пробежал неплохо. Потом пошли на турник. Все по очереди начали подтягиваться – кто пять раз, кто семь. Сиплый в этот раз подтянулся двенадцать. Было видно, что он хотел больше, но не хватило силы. Даже двенадцатый вышел не до конца, с натягом.

– Молодец, Сипелко! – Физрук что-то записывал в своём журнале, где Ярский по алфавиту находился в конце списка и подтягивался одним из последних. Когда он запрыгнул и начал, то с удивлением почувствовал необычную легкость, как будто вес тела уменьшился наполовину. Он на одном дыхании подтянулся восемь раз, что вызвало одобрительный ропот в зале. Повисел пару секунд – потом ещё два раза. Ещё повисел – потом ещё раз.

– Э-э, так нельзя, – вдруг ни с того ни с сего сказал Сиплый. – Он отдыхает.

– Отдыхать не воспрещается, – заметил физрук, – если ты продолжаешь висеть на турнике. Давай, Витёк, ещё разик.

Виктор напрягся изо всех сил, собрал всю силу воли, но не смог. Подтянулся, но не до конца.

– Одиннадцать с половиной, – крикнул кто-то из строя.

– Половина не считается, одиннадцать. Молодец, Ярский, – сказал физрук, ставя пятёрку.

– Слабак, – выкрикнул Сиплый, но в голосе его слышались нотки досады. Он явно не ожидал такого от Виктора.

Теперь Виктор тренировался намного интенсивнее – он сам себе поднял планку во всех трёх заданиях, что дал ему тренер. Единственное, что не получалось сделать, это проскакать тысячу раз. Не хватало дышалки. Как и почти все парни, Виктор, конечно же, курил. Это казалось настолько обычным, что бросить даже мысли не возникало. Первый раз он попробовал в десять лет и уже третий год дымил как паровоз, стреляя сигареты у прохожих мужиков. И тут вдруг, ни с того ни с сего, отдышавшись в очередной раз, он подумал: «А зачем? Ведь это же абсолютно противоестественно – вдыхать в себя дым».

Сначала он решил бросить с завтрашнего дня, потом с понедельника, потом с первого мая. Бросить оказалось не так-то просто. Организм по привычке постоянно просил яду.

Прошёл месяц с начала тренировок, когда ему всё же удалось пропрыгать тысячу раз за один подход, и он, гордый и довольный собой, пошёл к тренеру. Там его ждало очередное разочарование. Когда Виктор постучался, и никто не ответил, он толкнул дверь. Она оказалась не заперта. Вошел в дом.

– Есть тут кто? – громко спросил он.

Тишина.

– Юрий Иванович, вы дома? – ещё громче позвал он.

– Кто там? Чего надо? – он вдруг услышал невнятный голос из другой комнаты.

– Это Виктор, – сказал он громко, но уже менее уверенно.

За стеной кто-то зашевелился, заскрипел диван, и затем послышались шаги по скрипучему полу.

– Какой ещё Виктор? – опять спросил Юрий Иванович, когда появился в дверях из другой комнаты. – А, это ты, парень. Ну чего, получилось? Научился прыгать? – Он был чертовски пьян.

Это был как будто совсем другой человек. Осунувшийся, с мешками под глазами. Щетина двухнедельной небритости, наполовину седая, добавляла ему лет десять, если не больше.

– Да, научился, – Виктор был настолько удивлён и в то же время разочарован увиденным, что едва мог говорить. Было обидно. Неужели это всё зря?

– Какой сегодня день? – спросил Русанов.

– Суббота, – ответил Виктор.

– Я тут немного... это. Ну ладно. В общем, приходи в понедельник после школы. Понял? Виктор кивнул.

– Вам, может, надо чего? Может, купить чего? – спросил он.

– Чего? А, нет, ничего не надо, в понедельник приходи, а сейчас давай проваливай.

С нетерпением дождавшись понедельника, Виктор снова пошёл к тренеру. На этот раз Юрий Иванович встретил его в зелёном спортивном костюме и лёгких полукедах. Он был чисто выбрит и выглядел как будто помолодевшим.

– Пришёл? Молодец, пошли в зал. – И, не оборачиваясь, зашагал по уже знакомому коридору.

– Ну, показывай, чему научился, – сказал он, когда зашли в его домашний спортивный зал.

Виктор снял ботинки, чтобы было легче ногам, взял скакалку поудобнее и начал прыгать. Это было теперь таким привычным занятием, что вообще не составляло никакого труда. Теперь ему казалось, что он может прыгать так хоть целый день.

Юрий Иванович молча смотрел, потом сказал:

– Молодец, так гораздо лучше. Достаточно. Остальные упражнения все выполнил?

– Да, – ответил Виктор и с гордостью добавил: – Я стал больше подтягиваться.

– Сколько раз? – спросил Русанов.

– Одиннадцать, – опять с гордостью сказал Виктор.

Но тренер покачал головой:

– Мало. Не переставай заниматься, увеличь нагрузку в два раза.

Виктор посмотрел на боксёрский мешок, на перчатки и спросил:

– А когда мы по-настоящему начнём тренироваться?

Русанов улыбнулся:

– Мы уже давно начали. Теперь будем учиться ходить. Вставай сзади меня, смотри, как я двигаюсь, и повторяй.

И они начали ходить по кругу. Медленно и плавно. Юрий Иванович двигался мягко, крадучись, как кот. Виктор пытался повторить точь-в-точь, но получалось не очень.

– Понаблюдай, как ходят животные, – говорил меж тем Юрий Иванович. – В основном, кошки. Кошка идёт плавно, сначала ставит вперёд правую переднюю лапу, потом левую заднюю, затем переносит на них вес тела и ставит вперёд уже левую переднюю и потом правую заднюю лапы. Мы же, люди, двигаемся так: правая нога – вперёд и одновременно левое плечо – вперёд, потом левая нога – вперёд одновременно с правым плечом. И так и ходим, привыкаем, плавно и размеренно. Вес тела всегда посередине.

Затем он отошёл в сторону и стал поправлять Виктора, если тот делал неправильное движение.

– Так, теперь на каждый шаг за плечом выкидываем руку – и удар. Так – и удар. Неправильно держишь кулак. Смотри, это тебе не карате какое-нибудь, возьми в руку воображаемый молоток и забей гвоздь. Вот, теперь правильно. Вот, так и ходи. На каждый шаг – удар. Шаг – и удар. Занимайся, я вернусь.

Виктор ходил, наверное, целый час и, когда Русанов вернулся, у него уже неплохо получалось.

– На, надевай. – Тренер протянул Виктору пару боксёрских перчаток тёмно-синего цвета. Они были совсем новые, даже пахли краской и кожей.

– Это мне? – Ярский взял перчатки и с нескрываемым удовольствием стал их надевать. Перчатки были неудобные, но совсем не тяжёлые, как он думал.

– Давай поработай по мешку, левая – в защите, правой – удар. – И Русанов показал движение.

Удары получались слабые, двигаться было очень неудобно. Виктор не раз видел, как колотят боксёрский мешок, но на деле это оказалось не таким уж простым занятием. Юрий Иванович остановил его и стал показывать, как правильно:

– Смотри, когда ты стоишь в стойке, распределяй вес посередине. Левая нога – вперед, правая – чуть сзади. Ты бьёшь не просто рукой, ты должен вложить в удар вес всего тела. Удар начинается от носка правой ноги. Ты поворачиваешь пятку, собираешь энергию, дальше – колено, бедро, через мышцы спины энергия идёт на плечо, и уже затем вес всего тела ты направляешь в кулак. Давай работай.

Получилось, конечно, не сразу, но, зная теорию, работать по мешку стало намного интереснее. Время от времени Русанов останавливал Виктора и поправлял, указывая на ошибки.

– Ты бьёшь, как будто хочешь проткнуть мешок насквозь, – говорил он. – Удар должен быть резким, сильным, но сразу возвращай руку в исходное положение. Назад рука должна возвращаться даже быстрее, чем сам удар.

Теперь Виктор почти каждый день приходил к Юрию Ивановичу, и тот каждый раз показывал ему что-то новое. Колотил мешок, работали в паре по лапам, иногда боксировали.

Всего через четыре месяца интенсивных тренировок с Русановым Виктор было уже не узнать. Теперь он легко подтягивался двадцать раз. В любых спортивных играх был если не лучший, то один из лучших. Несколько раз учитель по физкультуре заставлял его в спортзале во внеурочное время. Один раз, после физкультуры, он сказал:

– Ярский, я вижу, тебе интересно заниматься на турнике. Перед зимними каникулами, в декабре, в городе будут проводиться соревнования по силовому троеборью. Это подтягивание, выход силой на две руки и отжимание на брусьях. Есть желание выступить от нашей школы?

– Конечно! – Виктор очень удивился и обрадовался такому предложению.

– Тогда продолжай заниматься, – сказал физрук. – Я тебя внесу в списки участников.

Всё становилось интереснее. Казалось бы, ещё несколько месяцев назад он даже представить не мог, что будет выступать на соревнованиях от школы. Самое удивительное, что даже Сиплый теперь перестал его задевать. Он как почувствовал перемены в характере Виктора. Конечно, драться с Сиплым – это было как выступить в роли боксёрской груши, но перспектива быть битым теперь несколько не беспокоила Виктора. Ему даже самому хотелось схлестнуться со своим недавним обидчиком. Хотелось попробовать свои силы.

Ещё он заметил, что Машка стала смотреть на него по-другому. Виктор раньше даже представить не мог, что она может обратить на него внимание, а тем более заговорить. Как-то в школе произошло интересное совпадение: они с Машкой хоть и учились в параллельных классах, но случайно оказались вместе после занятий. Виктору среди всех уроков больше всего не нравился английский. Он был ему просто неинтересен за ненужностью. Учить эти иностранные слова вообще не хотелось. Надо сказать, учительница Мария Григорьевна была очень требовательна и с самого первого урока заявила:

– Ребята, будет трудно, но английский вы у меня будете знать все.

Виктор тогда ещё посмеялся над такой самоуверенностью училки. Сейчас, усиленно занимаясь спортом, он вообще перестал уделять внимание учебе. Получив очередную двойку за невыученные слова, Виктор был оставлен после уроков. Мария Григорьевна дала ему листок, где было написано около сорока слов, и строго сказала:

– Ярский, пока не выучишь, никуда отсюда не уйдёшь.

Тренировки в этот день не было, но хотелось пойти позаниматься в спортзале, может, пробежаться, а тут такой облом. Виктор сидел на задней парте и смотрел в окно на двух ворон, которые топтались на соседней крыше и громко каркали друг на дружку. Походу, ругались. Перед ним лежал листок, на который он изредка поглядывал, понимая, что это пустое. Всё равно не выучить. Учительница сидела за своим столом и что-то писала. Когда открылась входная дверь, он вяло поднял глаза и увидел. Блин, это была Машка!

– А, Маша, заходи. Сделала всё? – спросила её учительница.

– Да, Мария Григорьевна, я всё перевела. И этот рассказ тоже. – И она положила тетрадь на стол перед учительницей.

– Молодец, я проверю. – Мария Григорьевна подняла глаза на Виктора, увидела, что тот, не отрываясь, смотрит на них. – Вот видишь, Ярский, как надо – человек целые рассказы переводит, а ты трёх слов выучить не можешь.

Машка посмотрела на него, задержала взгляд и вдруг сказала:

– Привет.

– Привет, – еле слышно ответил Виктор, невероятно тушуясь.

И тут Машка удивила его так, что он сначала не поверил своим ушам.

– А давайте, я с ним позанимаюсь, – сказала она уверенным голосом.

– Ой, Маша, было бы замечательно, – обрадовалась Мария Григорьевна. – Позанимайся, а то я уже хочу его здесь ночевать оставить.

У Виктора чуть дыхание не остановилось, когда Машка запросто села рядом, взяла листок со стола и спокойно спросила:

– Чего тут у тебя?

От неё так приятно пахло свежестью и какой-то косметикой или парфюмом, что он невольно вдыхал глубже, чтобы насладиться. Это казалось таким нереальным: Машка сидит рядом и разговаривает с ним. Такая всегда недоступная, а тут вот она. Красивая и умная.

– Выучил уже чего-нибудь? – спросила она.

– Нет пока, – хриплым голосом выдавил из себя Виктор.

– У тебя тут всё вразнобой. – Машка достала из сумочки тетрадь, открыла на чистой странице и пододвинула к нему. – Ты пиши, а я буду диктовать. Сейчас мы все слова рассортируем, неправильные глаголы напишем отдельно и сразу в трёх формах.

Он взял ручку, приготовился писать. Даже от Машкиной тетрадки был приятный аромат каких-то растений. Она придвинулась ближе и начала диктовать. Ну как тут записывать, если сердце колотилось так, что, пожалуй, было слышно в соседнем кабинете? Машка, видя, что у него ничего не получается, забрала тетрадь и быстро красивым почерком написала с десятков глаголов в трёх формах.

– Давай сначала вот эти выучим, – сказала она. – Я буду по-английски говорить, а ты – русский перевод, потом наоборот.

На удивление, запомнил быстро. Даже раза с третьего написал всё без ошибок.

– Ну вот, молодец, – похвалила Машка. – Давай ещё десять слов напишем.

Просидели часа два. Виктор даже не заметил, как ушла Мария Григорьевна. Они были с Машкой вдвоём, сидели рядом и так спокойно общались, как самые настоящие друзья. Потом она сказала:

– Всё, хватит на сегодня. Повторяй эти слова, и давай в следующий раз встретимся и закрепим. А потом можно будет попробовать поговорить. На слух по-другому немного воспринимается.

– А ты где так хорошо английский выучила? – спросил уже осмелевший Виктор.

– Как где? – засмеялась Машка. – Здесь, в школе, просто я много дополнительно занимаюсь. Хочу идеально говорить, так же как по-русски.

– Да ну? Так ведь нельзя выучить, – удивился Виктор.

– Конечно, можно. И ты можешь, если очень захочешь, – сказала она, посмотрев ему прямо в глаза.

Она была так близко, что у Виктора снова появилось волнение. Она замолчала, и они несколько секунд просто смотрели друг на друга. У Виктора даже появилась шальная мысль, а не поцеловать ли Машку, но он тут же отнёс её, как заоблачную нереальность.

– Ладно, Ярский, я пошла. – Машка вдруг резко встала, взяла свои вещи и снова стала далёкая и недоступная. – Давай продолжим здесь же после уроков. – Она задумалась: – После завтра. Только чтобы все слова выучил, а то я с тобой заниматься не буду.

– Давай послезавтра. – Виктор тоже зачем-то встал, нелепо глядя на Машку. – Выучу, конечно.

Он зубрил с утра до вечера, но выучил всё так, что от зубов отлетало. Когда к назначенному времени Виктор пришёл в класс, там никого не было: ни учительницы, ни Машки. Сел на то же место и ещё раз всё повторил. За два дня выучил, ни много ни мало, около сорока слов. Машка зашла так внезапно, что опять волнение захватило с ног до головы.

– Привет, – сказала она, присаживаясь рядом. – Всё выучил?

Он кивнул, не отрывая от неё взгляда. Опять этот аромат лесной свежести. Как ей это удаётся – всегда так суперски выглядеть?

– Давай, Ярский, будем тебя проверять, – с лёгкой иронией в голосе сказала она, беря в руки тетрадку.

Сегодня Машка была строгая, как учительница, и Виктор даже немного растерялся, не зная, как себя с ней вести. Почти всё он ответил без запинки и написал без ошибок, но, когда Машка попробовала с ним поговорить по-английски, Виктор стушевался и ничего не смог ответить. Занимались долго, наверное, часа два. Потом она замолчала, посмотрела прямо в глаза Виктору и, положив свою руку на его запястье, выдержав паузу, тихо, но очень внятно сказала: «Ярский, you are my favorite boy».

Затем встала и ровным шагом, с достоинством вышла из класса. Она даже не попрощалась. Виктор сидел ни жив ни мёртв и смотрел на дверь, куда только что ушла эта загадочная красавица, не похожая ни на одну девушку из его школы. Да что там, она была не похожа ни на одну другую девушку в мире! Первым делом он русскими буквами записал на листке то, что она ему только что сказала: «юа'майфэйворитбой». Как-то так оно звучало. Он знал только одно слово, бой – это мальчик. Что-то подсказывало ему, что она сказала что-то очень интимное и что-то очень приятное. Первым делом он полез в словарь, но ничего даже отдаленно похожего не нашёл. Возможно, если бы словарь мог воспринимать информацию на слух, то он бы мог перевести фразу, но он не мог. Виктор пробовал методом тыка переводить и так и этак, но тщетно. Появился даже соблазн показать слова учительнице, но он тут же отнёс это как полный трэш. Если бы Мария Григорьевна знала, сколько усилий ему понадобилось, чтобы перевести эту фразу на русский, только за усердие поставила бы пятёрку, но она, конечно же, не знала и никогда не узнала. В конце концов он смог перевести незатейливый Машкин квест. По-русски это звучало так: «Ты мой любимый мальчик».

Этот момент Виктор запомнил на всю жизнь. Это было как детское признание в любви. Пожалуй, даже сильнее. Словно одновременно запели все птицы и расцвели все цветы, словно он победил всех соперников и подтянулся миллион раз. Как будто снова были живы родители, и всё вокруг сверкало радостным сиянием. Захотелось тут же найти Машку, обнять её и закружиться в танце, в каком-то невероятно красивом вальсе. Наплевать, что он совсем не умел танцевать. Тогда ему показалась, что он всё умеет, он даже мог летать, если бы захотел. Стоило только расправить руки, и они бы сразу превратились в крылья.

В тот день в вестибюле было полно народу. Уроки только что закончились. Виктор шёл к ней. Он хотел подойти и просто пригласить Машку вместе прогуляться после школы. Почему-то у него даже мысли не возникало, что она может ему отказать. Это было как наваждение, он как заколдованный зомби просто шёл в направлении толпившихся в раздевалке школьников. Обычный шум и гам внезапно смолкли. Возможно, они смолкли лишь в его ушах, когда Виктор увидел её. Красивая и опрятная, длинные распущенные волосы, в руках учебники, сумочка через плечо. Машка не замечала его и говорила с кем-то из своих подруг, когда в этой его придуманной сказке вдруг промелькнула первая тень сомнения. А вдруг Машка выставит его на смех? Вдруг она ничего такого не думала и сказала эту фразу просто так? Стало страшно. Мир придуманных иллюзий замер и стал медленно расплываться, как акварельная картина, на которую попала вода. Яркие краски красивой сказки начали превращаться в чёрно-белое марево. Он замедлил шаг и уже почти остановился, когда перед собой увидел Сиплого. Встреча с Сиплым сейчас была настолько нелепа и нежелательна, что Виктор вначале даже не поверил своим глазам. Он смотрел на Машку, но краем глаза увидел, как Сиплый отвёл правую руку и замахнулся, чтобы ударить его под дых. Это было предсказуемо. Настолько предсказуемо, что у Виктора даже было время увернуться, но он не стал. Успев сделать быстрый короткий вздох, он принял удар, как учил Юрий Иванович. Напряг пресс, сделав левой ногой шаг в сторону и поворачивая корпус вправо. Видя, как открыт Сиплый, Виктор легко мог ударить

правой на опережение. Он бы точно достал Сиплого правым хуком, но не хотелось бить первым. Удар Сани прошёл вскользь, и Виктор, продолжая уходить влево, чуть подтолкнул Сиплого. Саня потерял равновесие и, пролетев мимо него, чуть было не упал вперёд себя. Когда он обернулся, Ярский увидел на лице у того растерянность и недоумение. Уже позже, когда Виктор стал намного старше и побывал во многих уличных потасовках, понял, насколько он был неправ, давая фору своему недругу. Нельзя жалеть своего обидчика. Надо всегда использовать все свои возможности, чтобы победить, – все до единой. Тогда же Виктор внезапно почувствовал своё превосходство над Сиплым, почувствовал, что он сильнее. Он был готов к этому поединку и физически, и морально. Буквально несколько месяцев назад, когда в столовой Виктор вынужденно, хоть и осознанно принял решение драться с Сиплым, он заранее знал исход той драки. Сегодня уже был большой вопрос, кто станет победителем. Вероятно, это понимал и Сиплый. Он медленно повернулся, но не торопился нападать, как в прошлый раз. Просто с лёгкой улыбкой стоял и наблюдал, что тот будет делать. Несколько секунд они оба просто молча стояли в двух метрах друг от друга и ничего не предпринимали. Виктор заметил, что все вокруг так же смотрят на них. Всё сразу затихло, не было привычного школьного шума, ни разговоров, ни суеты. Он очень хотел, чтобы Сиплый напал первым. Тогда бы он знал, что делать, но Сиплый не нападал, и это вновь спутало все карты. Возможно, теперь, после упорных тренировок, Виктор не уступал Сане в физической подготовке, но вот в хитрости уличных драк они были явно на разных уровнях. Всё-таки бокс и драка – это не одно и то же, и Сиплый со своим опытом здесь переигрывал Виктора на порядок. Как только у того начали сдавать нервы в этом молчаливом противостоянии, Саня, сделав обманный маневр, как будто собирается уходить, как-то незаметно быстро приблизился и с остервенением ввязался в драку. Сразу правый, левый, снова правый – и всё по лицу. Это было не то, что они с Юрием Ивановичем отрабатывали в зале, где работали в основном двоечками. Левая – в защите, правая – удар. Нет, Сиплый не занимался боксом, он бил не по канонам боксёрского поединка. Его хаотичные удары были резкими, сильными и непредсказуемыми. Виктор сразу пропустил, наверное, с десятков. Всё, чему он учился, сейчас не пригодилось. Он стал так же хаотично отмахиваться, без каких-либо правил. Никакого распределения веса, никакой защиты, просто получал, пропуская и даже не уворачиваясь, и со всей силы бил обратно. Пару раз Сиплый попал очень точно – в голову у Виктора сверкнуло, но он устоял. Сиплый тоже пропустил хороший и точный удар и на секунду остановился. Он отступил на шаг, переводя дыхание. Этого времени Виктору хватило, чтобы прийти в себя и оценить ситуацию. Моментально вспомнились слова Юрия Ивановича: «Если противник остановился, то он не тебе даёт время восстановиться, а отдыхает сам. Не давай ему это сделать, нападай».

И он напал. Теперь уже как по учебнику: стойка, маятник, несколько обманок левой, и вот он увидел это уже знакомое выражение недоумения на лице Сани. И Виктор ударил. Прямой правый в лицо, сильно и точно, но Сиплый, думая, что предугадал удар, увернулся, закрывая лицо обеими руками. Это и была его ошибка. Отработанным сильнейшим хуком слева, вкладывая вес всего тела, Виктор врезал по открытой печени. Кто хоть раз пропускал такой удар, знает, о чём речь. Это было больно, очень больно. У Сиплого тут же сбилось дыхание, он схватился за бок, не в силах разогнуться, открылся и как-то обречённо посмотрел на противника. Судьба поединка была решена, оставалось только поставить жирную точку. Виктор уже знал, что следующий удар будет последним, и даже мельком прикинул: сбоку – в подбородок или прямой – в нос? Сиплый стоял полусогнутый и часто дышал короткими вздохами. Опять маятник, и, как учил Иваныч, от ноги, от бедра, со всей силы, за все обиды, за Машку – всю злость в один удар. Но видя извиняющееся лицо Сиплого, он не смог. Виктор ударил, но, наверное, в полсилы. Точно, правильно, как многократно отрабатывали на тренировках, но только в полсилы. Сиплый упал как подкошенный. Виктор даже удивился, что ему хватило такого, по сути, несильного тычка, чтобы отрубиться.

Только сейчас, оглядевшись, он увидел, сколько зрителей собралось вокруг. Машка смотрела прямо на него и почему-то улыбалась. Трудовик, стоявший за вешалками в дальнем углу, одобрительно кивнул и вышел из раздевалки. Сильнейшая эйфория нахлынула на Виктора. Необъяснимый восторг первой в жизни значимой победы. Он поднял вверх сжатые кулаки и представил, как дрались спартанцы в древней Греции. Проходили на уроках истории, какие сильные и мужественные они были. Держа руки выше головы, он вдруг закричал:

– Я Зевс! Я Зевс! А-а-а! Я Зевс!

Постепенно приходя в себя, Ярский опустил руки и посмотрел вниз на Сиплого. Тот зашевелился, повернул голову, и их глаза встретились. Сначала Виктору показалось, что Сиплый сейчас встанет и снова полезет драться, но тот только слабо улыбнулся, сел, потрогав челюсть, и вдруг протянул руку. Виктор помедлил. На мгновение показалось, что, подай он руку, Сиплый схватит за неё, а второй точно врежет ему. Но он всё-таки дал Сане руку и помог подняться. Тот встал и огляделся по сторонам. У Сиплого из губы текла кровь, а под обоими глазами уже начинали наливаться синяки. Потом он посмотрел на Виктора и вдруг сказал:

– Ну что, Ярский, дружба?

– Да, – только и смог промолвить Виктор.

– Да уж. Зевс, – ухмыльнулся Сиплый и, качая головой, медленно направился прочь.

Три года спустя. Июнь 1985, Белозерск

Виктор с Саней сидели на ступеньках у входа в школу. Виктор держал в руках учебник по алгебре и пытался читать. На завтра был выпускной экзамен. Надо сдать как минимум на четыре, так как в Череповецкий металлургический техникум, куда он собрался поступать, был конкурс. Там учитывался и средний балл по годовым оценкам, и балл по экзаменам. Сиплый скучал рядом. Он задумчиво курил и смотрел в сторону галёрки, где толпилось несколько негров. Негры приехали из дружественной африканской страны: то ли Замбии, то ли Мозамбика. Их была целая группа. Говорят, их привезли по обмену, человек двадцать или двадцать пять. Кого там на кого меняли, Виктор не знал, да и не интересовался. Они учились в Речном училище, ходили все в одинаковой униформе и говорили по-русски так, что почти ничего было не разобрать. Негры все были рослые, крепкие, чёрные как смоль, но с белыми ладошками, что всегда забавляло Сиплого.

– О, смотри, Зевс, мавры сюда чешут, – он ткнул друга в бок.

Тот, оторвав взгляд от своего учебника, посмотрел на Саню:

– Кто чешет?

– Ну вон, смотри, негры к нам идут, – и показал рукой на двух чёрных пареньков лет восемнадцати-двадцати.

Негры шли по тропинке, намереваясь пройти как раз мимо ребят, и о чём-то тарабанили на своём тарабарском, когда Сиплый сказал:

– Чё, пошли, навалаем им.

– Нафига? – искренне удивился Виктор.

– Чё они тут ходят, как у себя дома, – как-то очень аргументированно заявил Сиплый.

– Да Саня, пусть они идут своей дорогой, остынь.

Виктор пытался отговорить друга от ненужной, казалось бы, неоправданной драки, которая вот-вот готова была вспыхнуть, и снова уткнулся в учебник.

– Да ты задрал уже читать свою ахиною, Ивановна тебе трояк и так поставит, или зассал, что ли? – с ехидной улыбкой съязвил Сиплый. – А-а, Зевс-то – ссыкло!

– Ничего не зассал, пошли, – неожиданно согласился Виктор и первый встал.

Сиплого уговаривать было не надо. Он тут же вскочил на ноги. Два африканских парня как раз поравнялись с ними, когда Саня преградил им путь.

Он не стал ничего говорить, а просто неожиданно и сильно влепил одному из них прямой правый. Негр не ожидал удара и, не успев среагировать, конечно же, словил нокдаун и упал как

подкошенный, Виктор двинулся на второго, но Сиплый его опередил и левым хуком пытался повалить чёрного паренька. Тот увернулся от обоих и отскочил на пару шагов назад. Первый негр, к удивлению, быстро вскочил на ноги, потряс головой и бодро так засветил Сиплому хлесткую боковуху слева, так что было слышно, как чавкнуло ухо или щека. Виктор тоже хорошо попал второму снизу в подбородок, но негр устоял и ответил. Пока они лупцевали друг друга, ещё несколько африканцев уже бежали к ним от галёрки.

Сиплый, размахивая своими кулачищами и пыхтя, кричал что-то матерное. Когда четверо чёрных парней подбежали к ним, стало понятно, что теперь их точно ушатают, но вдруг один из негров, который бился с Сиплым, крикнул им что-то на своём. Виктор не понял слов, но было ясно, что тот сказал, чтоб не ввязывались. Негры остановились вокруг в паре метров и смотрели, как четверо парней уже устали и просто лениво обменивались ударами. Всё остановилось так же быстро, как и началось. Все четверо стояли друг напротив друга, пыхтя и тяжело дыша. К удивлению, оба негра улыбались во всю морду. Им, конечно, здорово досталось, но, похоже, оба были в порядке. На ужасном русском один спросил у Сиплого:

– Всё? Ничья? Или ещё драдца будете?

– Вроде ничья. – Сиплый, трогая рукой челюсть, проверял – на месте ли.

Он выглядел даже каким-то растерянным. Из губы текла кровь, ухо было краснющее. Виктору тоже хорошо попало. Негры были явно постарше их, оказались крепкими малыми и, что немаловажно, имели представление о морали, не дав товарищам вступиться. Двое на двое, всё честно. А может, просто они быстро соображают и просчитали, что если будет нечестно, то этим всё не ограничится и потом им попадёт гораздо сильнее. Один негр протянул Виктору руку и сказал:

– Минья завут Дэвид.

Виктор пожал руку и тоже назвал своё имя. Второго звали Рикардо. Остальные тоже поручкались. Сиплый жал руки неохотно, но пришлось. Он явно не считал, что этот поединок закончился ничьей. Это было поражение, а проигрывать он не любил. Когда уже собрались расходиться, Дэвид подошёл к Виктору, показал на начинающий наливаться синяк и вдруг сказал:

– Извини, бьират.

– Да ващце не парься, бьират, – в тон ему ответил Виктор и широко улыбнулся.

Через несколько дней после инцидента с неграми, в субботу вечером, Виктор стоял недалеко от танцплощадки, высматривая Машку. Танцы по субботам – обычное дело, единственное, наверное, тусовочное место в Белозерске. Правда, танцевать приходили больше девчонки, а парни в основном кучковались по сторонам, выглядывая с кем бы познакомиться. Здесь, как правило, было место выяснения отношений. Драки были обыденным делом, и на них особо никто внимания не обращал. Машки нигде не было, видимо, ещё не пришла, и Виктор, лениво оглядываясь по сторонам, увидел знакомых негров. Они не стояли в сторонке, а лихо выплясывали прямо посреди танцпола. Причём в окружении, пожалуй, десятка девчонок. Негры выдавали что-то поистине профессиональное. Двигались они не хуже Майкла Джексона, видимо, это у них от природы. Было интересно, что же будет дальше. Виктор уже видел косые взгляды местных аборигенов в их сторону. Вопрос, наваяют им или нет, не стоял, было только неясно, сейчас сразу или после танцев. Негров было всего четверо, и несложно было предположить, чем всё закончится. Через какое-то время включили медляк, и местные красавицы чуть не подрались из-за темнокожих парней. Те были просто нарасхват. Виктор видел, как белозерская братва, о чём-то перешёптываясь, не отводила глаз от происходящего на танцплощадке. Тут он увидел Машку с подругой – они шли по аллее и о чём-то мило беседовали. Подошёл к ним. Девчонки были одеты не для танцев и собирались прогуляться на озеро. Виктор сказал, что подождёт Саню и потом они вместе туда подтянутся. На том и порешили. Пока стояли в сторонке и разговаривали с Машкой, он мельком поглядывал на танцпол. Там уже пошла движуха.

Один из пацанов, невысокого роста заводной шкет Тихон, забрался на танцплощадку. Походкой, словно он был весь на шарнирах, Тихон, проходя мимо танцующих, сильно задел чёрного плечом и, не останавливаясь, пошёл дальше. Не сработало – негр не повёлся на заводку, а продолжал плавно и грациозно кружить пухленькую красавицу. Парни издали развели руками, подначивая Тихона: мол, чего как лошара, давай ткни негра ещё раз.

Виктор, глядя вслед удаляющейся Машке с подругой, побрёл обратно туда, где громко играла музыка. Видимо, со второго раза Тихону всё-таки удалось завладеть вниманием чёрного паренька. Он, растопырив пальцы обеих рук, отчаянно жестикулируя, объяснял чего-то мавру, который был почти на голову выше его, слушал и улыбался толстыми губами. Тихон привычно махнул рукой, типа пойдём, поговорим вон там, а чёрный, походу, согласился. Виктор посмотрел на лужайку под клёнами. Там стояла толпа местных, человек десять или больше. Многих Виктор знал. Почему-то стало жалко негров. Вроде нормальные ребята, ведут себя прилично, никого не задевают. Ну пришли, потанцевали, чего здесь такого? Из-за этого не обязательно разбивать им носы. Оглядел толпу. Пара плотных ребят из «Атланта» примерно его возраста, остальные так, уличная шпана. Если бы не эти двое, то у негров, возможно, был бы хоть какой-то шанс, а так вряд ли. Виктор заметил ещё человек пять, что шли по аллее в их сторону. Пригляделся – с ними шёл Сиплый. «Пиздец гостям из Африки», – пронеслось в голове. Вдруг ни с того ни с сего пришло моментальное озорное решение. Надо, пожалуй, встать за негров, да и пошло оно всё! Подражаться желание было, хотелось выпустить пар, а здесь как раз будет интересно. Он прибавил ходу, и, когда подошёл, четверо темнокожих уже стояли полукругом так, что в темноте блестели только белки глаз. Напротив них, потирая руки, местные, как стадо быков, били копытом. Чтобы всё началось, нужна была только искра. Виктор глянул на негров – ни тени испуга. Стояли плечом к плечу, просто красавцы. Подошёл и встал с ними рядом.

– Не понял, – сказал один из «атлантовских» боксёров Захар. – Зевс, ты ничо не попутал? С чего это ты за негров впрягаешься?

– А чего плохого они тебе сделали? – сказал Виктор, незаметно для себя начиная пританцовывать и периферийным зрением оглядывая всё вокруг. В любую секунду должно было всё начаться.

– Ну, они так ведут себя, что сами напросились, – сказал Захар, делая пару шагов вперёд, и тоже начиная переваливаться с ноги на ногу.

Подошла компашка во главе с Сиплым. Было впечатление, что вокруг толстым слоем были насыпаны горы пороха и все стояли, готовые чиркнуть спичкой. Саня, мгновенно оценив ситуацию, почти с точностью повторил слова Захара:

– Чётт я не понял, чё за хрень тут происходит, Зевс, ты чего за мавров, что ли, впрягся?

– Сиплый, они нормальные мужики, ни на кого не борщат, но и никого не боятся. На самом деле им больше уважухи, чем дрищу Тихону, который весь этот движ начал и теперь стоит в сторонке. И вообще, они у нас в гостях. Не пойму, за что их бить.

– Ну ты, Зевс, полный отморозок, – беззлобно сказал Саня, словно не слышал ни одного слова, что только что сказал Виктор.

Он прошёл мимо Захара, развернулся и, грубо раздвинув негров, встал между ними, потирая кулаки. Виктор улыбнулся, видя, как помрачнел Захар. С Сиплым никто не хотел драться. Ещё один паренёк, который только что пришёл, встал рядом с Виктором. На закуску второй боксёр из «Атланта», улыбаясь, тоже перешёл на их сторону.

– Игорян, ты-то куда? – опешил Захар, но тот только молча пожал плечами.

Виктору стало реально смешно от всего этого. Никто не хотел бить первым. Всё потихоньку начинало сходиться на ха-ха. Обе стороны уже просто беззлобно переговаривались, кто-то пошутил – типа неплохо бы пивка. Дэвид, что стоял рядом с Виктором, сказал, неимоверно коверкая слова:

– А у нас в апыцяге бьяржки два битона стайит, пайдомьте пить.

– Пайдомьте, – подхватил кто-то.

В тот вечер так никто и не подрался. Все от пуза нарезались бражки, было весело. Подвыпивший Виктор просил Дэвида, чтобы тот научил его, как у них получается так клёво танцевать. Чёрные наперебой стали показывать ему разные прикольные движения, но Виктор никак не мог скопировать и двигался, как косолапый медведь. Ну что ж, видимо, каждому своё. Много позже Виктор не раз вспоминал то весёлое беззаботное время и дружелюбных чернокожих парней. Время пролетело незаметно, все выросли и потерялись в лабиринтах взрослой жизни. Бывали, конечно, моменты, за которые было немного стыдно, но именно в тот вечер он несомненно поступил правильно. Это он точно знал – и тогда, и позже, когда повзрослел.

Глава вторая

Двадцать лет спустя. 30 января 2005

Железнодорожному вокзалу города Череповца больше ста лет. Типовое архитектурное решение начала двадцатого века. Во многих городах России вы увидите похожие строения. Несколько лет назад сделали реконструкцию, покрасили снаружи, обновили внутри. Строителям удалось, не изменив исторического облика, сделать вокзал современным и красивым.

Виктор рассчитался с таксистом и пошёл к своему вагону. Поезд Череповец-Москва отправлялся в 22:00, ехать ночь, прибытие около девяти утра. Обычно Виктор брал плацкарт, недорого и по-спартански сердито, но иногда хотелось комфорта, и он покупал билет в купейный вагон. Шиковать было не с чего, но так захотелось. Это один из спонтанных поступков, которые Виктор никогда не мог объяснить даже себе. В Москве дел было много, в основном, это были встречи, собеседования с потенциальными работодателями. Причем по диаметрально разным направлениям. Он отправил резюме в несколько компаний на абсолютно разные профессии. Виктор искал работу в качестве водителя такси или грузовика. Рассматривал офисные вакансии, такие как сотрудник страховой компании или агент по продаже недвижимости. Даже отправил резюме в какой-то банк, на должность менеджера по работе с клиентами в отдел инвестиций. Как говорится, на все руки от скуки. Также хотелось походить по выставкам новых технологий. По итогу предстояло выбрать одно направление и на нём уже остановиться. С работой в последнее время что-то не ладилось. С тех пор, как уволился с «Северстали», где была какая-никакая стабильность, он находился в перманентном поиске и долго нигде не задерживался.

Поздоровавшись с проводницей, Виктор протянул ей билет и паспорт. Симпатичная девушка в опрятной униформе, проверив документы, попросила сразу пройти на своё место.

– Отправляемся через пять минут, – вежливо сообщила она.

Виктор кивнул и, поднявшись по лестнице, нырнул в приятное тепло купейного вагона.

Чистый тамбур, и вагон, похоже, новенький. Красная ковровая дорожка вдоль всего коридора, на окнах занавески, комфортно и уютно. Дверь в купе была открыта. У окна, уткнувшись в компьютер, сидел мужчина. Слегка за пятьдесят, с аккуратной бородкой, короткой стрижкой и начинающими седеть волосами. Весь такой опрятный, интеллигент, словом. Ярский поздоровался и поставил свою небольшую дорожную сумку на вторую полку. Больше никого в купе не было. Мужчина тоже вежливо кивнул и продолжил что-то читать в своём ноутбуке. Виктор выложил два бутерброда с толсто нарезанной ветчиной и сыром и поставил на стол поллитровую бутылку колы. Он всё никак не мог избавиться от привычки пить эти газированные напитки, где сахара больше, чем жидкости. «Ну, что может заменить стакан холодной пепси или колы, когда у тебя жажда?» – часто повторял он. Весь мир твердит, что это вредно, и все пьют. Поезд тем временем слегка качнулся и плавно, почти незаметно начал движение, оставляя позади провожающих, здание вокзала, часовню. Виктор заметил мужчину, бежавшего вдоль перрона. В одной руке он сжимал несуразно большой портфель, в другой, видимо, билет. Выразительно махая им в воздухе, человек что-то громко кричал. Потом он запнулся, смешно упал, уронив и саквояж, и билеты. Даже в сумерках Виктор увидел, как грустно и растерянно товарищ смотрел вслед отъезжающему поезду.

«Опоздал, – подумал Виктор. – Не повезло». Поезд уже набрал ход, и колеса мерно застучали по стыкам рельс. Вошла проводница. На бейджике у неё было написано имя «Мария». «Просто Мария», – пронеслось в голове название какой-то старинной мыльной оперы.

– Приготовьте ваши билеты и паспорта, – объявила она довольно приятным голосом.

– Пожалуйста, – Виктор протянул документы.

Сосед по купе оторвался от своего ноутбука, закрыл крышку и полез в карман пальто.

– Возьмите, пожалуйста, – сказал он с довольно сильным прибалтийским акцентом.

– Всё в порядке. – Проводница вставила билеты в ячейки своей кожаной сумочки с множеством отделений и вернула паспорта мужчинам. Паспорт соседа тоже был темно-красного цвета, но явно не русский.

– Чай-кофе принесу чуть позже, – выходя из купе, сказала она и прикрыла дверь.

– Николас, – протянул руку сосед с дружелюбной улыбкой.

– Виктор, – улынувшись в ответ, он пожал руку соседу.

Рукопожатие было коротким, сильным и в то же время каким-то вежливым, интеллигентным, что ли. Вообще, человек излучал очень комфортное дружелюбие и уверенность в себе. Как будто профессор на лекции со студентами.

– Вы до Москвы едете, Виктор? – спросил он.

– Да, по работе, а вы?

– Ну нэт, я нэ по работе, – задумчиво ответил Николас, и Виктор так и не понял, он едет до Москвы или нет, но переспрашивать не стал. Да собственно, какая ему разница. Все эти вопросы риторичны и задаются только с целью нарушить неловкое молчание.

– Надолго? – не унимался сосед, совсем не к месту задав несуразный вопрос.

– Да нет, – уклончиво ответил Виктор, а Николас вдруг рассмеялся:

– Интэресный русский язык! Вы сказали да нэт, вот и как понять, да или нэт?

Виктор тоже улынулся.

– Вообще-то всё просто: второе слово «нет», поэтому оно отрицает первое да, а я, собственно, еду только искать работу, поэтому как повезёт. Может, останусь там, а может, в Череповец вернусь. Так что на пару дней, а может, чуть дольше, – это уже был, достаточно развернутый ответ, на, казалось бы, ещё один риторический вопрос.

– А живёте в городе Череповец? – спросил Николас. – Здесь разве нет работы?

– Работы валом, можно даже без выходных пахать, – в свою очередь рассмеялся Виктор и уже серьёзно добавил:

– Зарплаты другие. А вы сами откуда?

– Я из юга, – сказал Николас. – Родился в Греция, потом, когда вырос, учился в Лондон, сейчас живу на остров Крит, это в Средиземное море.

– Да знаю я, где Крит. Ничего себе, а я думал вы из Эстонии откуда-нибудь, судя по акценту. А в Череповце что делали?

– Много лет перед сейчас я жил здесь, в деревня на севере Вологодский область. Женщина у меня была. The girlfriend, – пояснил он. —Русский забывать стал, давно не говорил.

– Да нормально вы говорите. Ничего себе, а сейчас к ней в гости ездили? – спросил Виктор необычного собеседника.

– Да, на могилу был, – нахмурился сосед.

– Блин, сорри, сожалею. А давно она умерла? – участливо спросил Виктор.

– Да, давно, почти двадцать лет перед сейчас. Убили её, – грустно сказал Николас и посмотрел в окно. – Но это прошлое. – Он попытался сменить тему и снова спросил: – Так, значит, в Москве работа есть и дорого оплата, да?

– Да, пожалуй, дорого, – в тон ему ответил Виктор. – Раза в три больше, чем здесь.

– Тогда конечно, я вас понимаю, вы молодой, энергичный, вам надо там, где много люди, много работа. И оплата много хорошо, – и он снова улынулся.

Виктор поймал себя на мысли, что общение с этим импортным соседом доставляет удовольствие, таким необычным он казался и таким позитивным. В дверь постучали, и к ним заглянула проводница Мария. На тележке у неё было несколько стаканов в подстаканниках с дымящимся чаем и белых чашечек с кофе.

– Чай, кофе? – осведомилась она.

– Мне кофе, please, – сказал Николас. – Сладкий и молоко.

– Молока нет, – каким-то обиженным тоном ответила Мария, поставила на стол чашку растворимого кофе и два бумажных пакетика сахарного песка.

– А мне чай, пожалуйста. – Виктор взял стакан в блестящем подстаканнике.

Когда дверь в купе закрылась, Николас сказал:

– Так подавали чай всегда, и много лет перед сейчас, в этих железный ручка.

– Подстаканник, – поправил Виктор, улыбнувшись.

Что-то шkodное было в этом акценте и ошибках в произношении слов. Он предложил один бутерброд Николасу, а сам развернул другой и начал есть. Николас поблагодарил и стал размешивать сахар в своём кофе, потом вдруг, как будто что-то вспомнил, полез в свою дорожную сумку и выудил оттуда красивую бутылку виски 0.7 и батончик швейцарского треугольного шоколада Toblerone. Виктор не особо хорошо разбирался в виски, но с первого взгляда было видно, что это реально дорогой напиток. Бутылка была початая, и содержимого там оставалось не больше половины.

– Хочу вас угостить, Виктор, это очень хороший виски, называется Balvenie, пробовали такой?

– Нет вроде. Ни разу перед сейчас, – улыбнувшись пошутил Виктор, взяв бутылку в руки. На этикетке было написано «30 years», в ладонь легко ложилось пузатое горлышко.

– Я пробовал Ballantines, – сказал Виктор, – а такую ни разу.

Николас тут же замахал руками:

– Нет, нет, этот другой, этот виски лучше, если вы попробуете, вам точно понравится. Только... – замешкался он, – нет этих... румок.

Виктор, улыбнувшись, встал:

– Минуточку, схожу к Марии за румками.

Через пару минут он вернулся с двумя пустыми гранёными стаканами и поставил их на стол:

– Вот, только такие румки.

– Это хорошо, – улыбнулся Николас. – Главное не то, что изнаружи, а то, что изнутри.

– Что внутри, – поправил Виктор.

– Да, так. Я раньше лучшее говорил по-русски. Давно. Теперь забывать стал, нет практики. – Открыв бутылку, Николас налил себе и Виктору.

– Да-а, такой виски не из гранёных стаканов пить. – Виктор поднял свой: – Будем здоровы.

– Чин чин, – подтвердил Николас, и они выпили.

Виктор отпил немного. Виски, конечно, был отменный, настолько мягкий и ароматный, что он даже не стал закусывать, а просто сидел и смаковал послевкусье.

– Хорошо пошло, так у вас говорят? – засмеялся Николас.

– Класс, суперское вино, – Виктор поднял два больших пальца вверх.

– Виски, – поправил Николас и по-гусарски налил ещё по полстакана.

Николас так запросто разлил с абсолютно незнакомым человеком полбутылки виски стоимостью тысяч под сорок, не меньше. Виктору было даже немного неловко.

– Давайте, мой друг, за всё хорошее, что есть в вашей большой стране, – сказал Николас.

Он отпил немного виски, развернул шоколадку и, поломав её на треугольники, отправил один в рот. Виктор тоже отпил немного и взял шоколадку.

– Шикарно просто, – вслух сказал он свои мысли.

– Да, gorgeous, – подтвердил Николас.

Доели бутерброды. За окном в темноте появился мост через реку. «Шексна», – подумал Виктор. Лёгкий хмель поднял настроение, стало весело и легко. Проблемы стали казаться незначительными, а жизнь прекрасной. Вот такой алкогольный самообман.

– А вы долго жили с... Ну, в этой деревне? – спросил он у Николаса.

– Почти три года.

– Расскажите, как вам жизнь в российской глубинке?

– Чуть позже, – Николас вдруг стал серьезным. Он пристально посмотрел в глаза Виктору, как бы оценивая, говорить что-то важное или нет. Виктору вдруг стало не по себе от этого взгляда. Он увидел в этом человеке такую волю, такой характер, что холодок прошёл по телу, а на голове слегка зашевелились волосы, словно наэлектризованные. Да, это не кроткий, интеллигентный офисный работник, как ему показалось вначале, этот парень для достижения своих целей свернёт любую гору. Даже мелькнуло в голове: не гипнотизёр ли какой этот товарищ? Уж больно взгляд тяжёлый. Николас как будто прочитал мысли Виктора и улыбнулся самыми уголками губ.

– Вы верите в Бога? – внезапно спросил он.

Надо сказать, вопрос застал Виктора врасплох. – Как сказать. Что-то или кто-то там, может быть, и есть, – он невнятно указал рукой вверх. – Хотя как ты можешь верить в то, чего никто не видел? Нет, пожалуй, не верю.

Похоже, этот ответ вполне удовлетворил Николаса, и он продолжил:

– А десять заповедей знаете?

– Знаю. Наверное. Там не убей, не укради...

Николас отрицательно покачал головой:

– Первая заповедь: возлюби Бога твоего всем сердцем твоим.

«Ну, начинается», – пронеслось в голове у Виктора. Теперь он понимал, что сосед оказался каким-то церковным служителем, и сейчас последует долгая проповедь с отеческими наставлениями, что такое хорошо, и что такое плохо. Но он ошибался, и никаких наставлений не последовало. Наоборот, Николас, как будто снова прочитав мысли Виктора, не стал развивать религиозную тему, а открыл свой ноутбук и защелкал по клавиатуре. В дверь легонько постучали.

– Да-да, входите, – сказал Виктор.

Дверь немного приоткрылась, и Мария спросила тихонько:

– Ещё чаю? – Затем увидела на столе бутылку, погрозила пальцем и снисходительно добавила: – Смотрите, чтоб не шуметь!

Николас перевёл взгляд на проводницу и дружелюбно, с улыбкой предложил: – Может вам налить румку, дэвушка?

– Нет, спасибо, – уже более сурово ответила Мария. – Я стаканы пустые заберу, а вы смотрите, не шумите, – затем вышла, с лёгким щелчком прикрыв за собой дверь.

– Я вроде что-то не так ей сказал? – Николас вопросительно посмотрел на Виктора.

– Это у неё профессиональное. Русские люди если выпивают в поезде, то это нередко заканчивается шумной попойкой, и как результат – проблемами для окружающих, поэтому алкоголь в поездах не приветствуется, хотя есть вагон-ресторан, там хоть упейся, никто слова не скажет.

Николас кивнул, потом добавил:

– Россия – очень интересная страна, я бы хотел в следующей жизни здесь родиться.

– А что, думаете, бывают следующие жизни? – с ухмылкой спросил Виктор.

– Я полагаю, что да, – серьезно ответил Николас. – А иначе какой смысл во всём этом? – он провёл рукой вокруг купе.

– Ну, я не знаю, как-то не верится, хоть и отрицать смысла нет. – Виктор отпил ещё немного виски, откусил шоколадку. – Я думаю, что здорово было бы каждому человеку проявить свои таланты в этой жизни, порадовать себя и близких, а не ждать следующих жизней или рая какого-то там непонятного.

– В чём-то вы правы, – Николас явно оживился. – Но посмотрите, как мы живём. Вокруг обман, жажда наживы, зависть, борьба за власть. Сейчас в University учат, как правильно

обманывать своих клиентов. Это теперь называется маркетинг. А мне кажется, должно называться «Как лучше обмануть ближнего». Мы производим товаров столько, что можно три раза одеть, обуть и накормить досыта всех людей, и тем не менее добрая треть людей в мире живёт в нищете. Почему? Я вам скажу – это жадность! А сколько мы производим мусора, это же уму непостижимо! И всем плевать, как будто мы живём так, что завтра уже не наступит, и если ничего не поменять, то рано или поздно это случится. Каждого волнует только то, чтобы у него было больше, чем у соседа. Вот вы, Виктор, чего хотите больше всего в жизни?

Николас теперь говорил быстро, на правильном русском и почти без акцента, но Виктор, не обратив на это внимания, задумался над вопросом, потом сказал:

– Прямо так сразу и не сказать. Может, яхту? Или лучше большой корабль.

Николас округлил глаза, но видя, что Виктор улыбается, понял, что он шутит. Посмеялись.

– Ну, а если серьезно, – продолжая тему, сказал Виктор, – я вырос в детдоме и все, что у меня было и есть, заработал своими руками. Конечно, хочется побывать в других странах, хочется хорошую квартиру, машину. Что в этом плохого? И я, правда, всегда мечтал прокатиться на большой парусной яхте.

– А разве вам не хотелось что-то создать для других, что-то большое, чтобы от этого была польза? Чтобы о вас потом помнили. – Николас опять посмотрел прямо в глаза Виктору.

– Не-е, не думал об этом. Да и некогда мне фигней заниматься. Пахал я всю жизнь как папа Карло. Мы университетов не кончали, – сказал он фразой из какого-то старого фильма.

– А кто это папа Карло? – спросил Николас.

Виктор засмеялся и махнул рукой:

– Буратину разве не читали?

– У вас семья есть? – спросил Николас тоном, как будто это собеседование при устройстве на работу.

– Нет, – ответил Виктор. – Детдомовский я, говорю же, а женой пока не обзавёлся. Детей тоже нет.

– Я вас понял, а девушка хоть есть? – спросил Николас.

– Девушка есть, – улыбнулся Виктор. – Вернее, ну как бы это... была. В общем, решили пожить отдельно, – не стал он вдаваться в подробности.

Со своей подружкой Аней Виктор не виделся с Нового года. «Решили пожить отдельно» – это было мягко сказано. Скорее всего, расстались навсегда. Да и ладно. Те два года, что они прожили вместе, для Виктора были как ежедневная борьба характеров. Анна, красивая, стройная блондинка, была на три года младше Виктора и работала в управлении образования. Анна мечтала о дорогих шубах, пляжах на курортах с пятизвёздочными отелями, дорогих кольцах с бриллиантами и прочим гламуром, к которому Виктор был не то чтобы равнодушен, но не считал это пределом мечтаний. Хотя, наверное, всё же в некотором смысле он был реалистом и трезво оценивал свои финансовые возможности. Вообще, с Анейкой было классно. На столе всегда вкусный и красивый ужин, дома – порядок и уют. Она была продуманная и, в отличие от Виктора, каждый свой шаг планировала, хоть и была способна на разного рода авантюры.

– Я понял, – сказал Николас. – Бывает. А в Москву едете работу искать. Какую именно?

– Да, собственно, любая устроит, я немного на мели сейчас. – Виктор посмотрел на Николаса, но, похоже, ответ того вполне устроил и он кивнул.

«Любознательный он, однако, товарищ», – подумал Виктор и тоже сидел молча. Наверное, пора и спать – за разговором как-то незаметно перевалило за полночь. Подъезжали к Вологде.

– Остановка сейчас будет, – прервал тишину Виктор. – Подсадят к нам соседей, скорее всего. У меня верхняя полка, так что, наверное, пора укладываться.

– Да, конечно, – ответил Николас, думая о чём-то своём.

Поезд остановился. Пассажиры копошились в проходе, в соседнем купе было слышно, как кто-то приглушённо разговаривал и брякал полками. К ним так никого и не подселили. Николас перевёл взгляд от окна на Виктора и опять, внезапно сменив тему, спросил:

– А вы не задумывались, почему Россия, такая огромная, такая богатая ресурсами страна, так скажем... – Он, кажется, подбирал слова, чтобы корректно выразиться и не обидеть. – Почему уровень жизни такой низкий?

– Я бы не сказал, что низкий, – парировал Виктор. – Просто распределение доходов неравномерное, есть очень богатые, те, кто у кормушки. А есть такие, как я, кто всего пытается добиться своим трудом.

– А богатые – это, наверное, правительство?

– Сложно сказать, я всегда был далёк от политики, – махнул рукой Виктор, – но думаю, они тоже мимо рта не пронесут, то есть они-то как раз ближе всех к кормушке.

Николас кивнул и спросил:

– А что нужно для того, чтобы... ну, чтобы стало хорошо?

– Да особо ничего. Надо просто мотивировать людей хорошо делать свою работу. Это значит, чтобы они достойно зарабатывали, надо защитить собственность, ну и чтоб власти не мешали. Не говоря уже о помощи. Хотя бы не мешали, – выпалил Виктор пламенно, как с трибуны, и сам удивился своему энтузиазму.

Николас даже тихонько зааплодировал.

– Вы знаете, мой друг, – после небольшой паузы сказал он, – у меня есть для вас предложение. Хотите заработать?

– Ну, кто же не хочет, если ничего криминального, – улыбнулся Виктор, а сам подумал: «Пора прекращать этот трёп и ложиться спать. Да, неоднозначный типок оказался этот Николас. Точно, казачок засланный».

– Нет, нет, конечно. Соблюдать закон – это важно. – Николас поднял обе руки вверх. – Предложение такое. В одной глухой деревне живёт семья пожилых людей, которым я обязан. Нет, я скорее чувствую вину перед ними. – Он сделал паузу, убедился, что Виктор слушает, и продолжил: – Они живут очень бедно и, если бы вы могли как-то помочь им, может, материально, или, ну я не знаю, съездите к ним, посмотрите, что можно сделать, чтобы улучшить их жизнь. Они живут в глуши, в старом доме. Детей у них нет. А я бы вас отблагодарил, заплатил бы хорошо, вы же как раз работу искали. Сам я этого сделать, к сожалению, не могу. Они от меня ничего не примут.

– Какое-то необычное предложение. – Виктор задумался. – Материально мне бы кто помог, да и, честно говоря, сиделка из меня не очень.

– Что вы, какая сиделка?! Это муж с женой, они нестарые и вполне самостоятельные. Им, наверное, лет по шестьдесят пять, просто, как и многие пенсионеры, живут очень скромно.

– Тогда давайте немного конкретней, расскажите, чего, где, сколько. – Виктору не очень нравилась вся эта идея, но было уже просто интересно, что там ещё расскажет этот необычный товарищ.

– Да всё просто, – оживился Николас. Он вырвал из блокнота лист с написанным адресом и именами. Затем подумал и, ещё что-то дописав на обратной стороне, протянул листок Виктору. – Это вот адрес моих знакомых в деревне, а вот это – координаты другого места. Там есть старый заброшенный дом. Ни на каких картах он даже не обозначен, так что найти непросто, но по GPS-навигатору несложно. Вот на рисунке есть схема.

– Как-то всё необычно. – Виктор взял в руки листок, с одной стороны весь изрисованный дорогами, реками, где также были обозначены названия деревень. С другой стороны был написан адрес, имена людей, рисунок со стрелками и ещё много чего неразборчиво, на незнакомом иностранном языке.

– Это пахнет несусветной интригой. – Он даже слегка поморщился, так уж всё это нелепо выглядело.

Но, похоже, Николаса нисколько не смутил явно недоверчивый настрой Виктора, и он продолжил:

– В этом доме я не был почти двадцать лет и не знаю, что там сейчас, но тогда я спрятал в погребе, что под домом, ящик. Закопал его так, что даже если кто-то был там, то он бы его не нашёл. На листочке, что я вам дал, есть схема, где он находится. Вы разберётесь. Там есть всё, что нужно. Просто сделайте так, чтобы им было комфортно.

– А что там, клад, что ли? – спросил Виктор с явным сарказмом в голосе.

– Да, в некотором роде клад. Вы всё увидите. – Николай загадочно улыбнулся. – Просто поверьте мне.

– Как-то с трудом верится. – Ярскому абсолютно не нравилась вся эта затея. – Вы знаете, я, пожалуй, пас, – сказал он.

Это ничуть не удивило его собеседника, он даже, казалось, обрадовался такому недоверию со стороны Виктора.

– Хорошо, давайте так: если я сейчас смогу вас удивить, вы пообещаете подумать над моим предложением.

– Не вопрос, подумать я и так обещаю. Такого мне ещё никто не предлагал. Даже интересно.

– Хорошо, – сказал Николай. – У вас есть мелочь?

– Что?

– Ну, мелочь, там два рубля или пять?

Виктор порылся в карманах и, достав несколько монеток, положил их на стол.

– Вот эту оставьте, остальные уберите, – показал на пятирублевую монетку Николай.

– Вы знакомы немного с физикой, Виктор?

– Да, немного знаком.

– Тогда слушайте. Многие знают, что эта монетка сделана из медно-никелевого сплава, весит около шести грамм, ну и т. д. – Он посмотрел вопросительно на Виктора, и тот кивнул.

– Итак, если копнуть глубже, то мы понимаем, что металл состоит из молекулярной сетки, которая в свою очередь состоит из атомов, вокруг которых вращаются электроны, протоны и ещё бог знает что. Мы также знаем, что расстояние между всеми этими частицами, по сравнению с их размерами, просто огромное. А раз так, то фактически на столе лежит не монетка, а девяносто девять – запятая и много девяток – процентов пустоты и только мизерная часть вещества, которое держится одним куском благодаря силе магнетизма, которую создают все эти крошечные частицы. Вы ловите?

– Да, конечно, – улыбнулся Виктор. – Только не могу пока связать это с вашим предложением сходить туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что, и, кстати, тому, не знаю кому.

– Человеческие возможности абсолютно безграничны, – не обращая внимания на сарказм, продолжал Николай. – Вы даже не представляете, насколько. Иисус ходил по воде, воскрешал мёртвых, он говорил, что все могут делать то же самое.

– Ну, это же легенды, не более, – усмехнулся Виктор.

– Ничуть! И я вам сейчас это докажу. Возьмите монетку в руки и попробуйте, ну, скажем, попробуйте согнуть её.

– Это очень сложно, – улыбнулся Виктор. – Имея силу, можно согнуть чуть-чуть, и то, если перед этим её несколько раз нагревать и остужать.

– По вере вашей вам дано будет, – сказал Николай. – Следите внимательно.

Он взял монетку большим и указательным пальцами за край, поднял её так, что она оказалась прямо у Виктора перед лицом и широко улыбнулся. Тот думал, что Николай будет показывать свою сноровку. Однажды он видел как здоровенный мужик сгибал монетку. Долго пытался,

напрягая всю свою силищу, мял и мял этот кусок железа толстыми пальцами. В результате ему всё-таки удалось её немного согнуть. Николас же, продолжая держать монетку одной рукой, молча смотрел на Виктора. Вдруг верх пятирублёвки стал плавно загибаться вниз, словно она нагрелась до температуры плавления и начала обтекать под своим весом. Через несколько секунд от монетки получился ровный полукруг. Пятирублёвка сложилась напополам. Сложилась сама, без какого-либо физического усилия. Положив монетку на стол, он спокойно спросил:

– Сделаете это для меня? Поможете хорошим людям?

Сказать, что Ярский сидел в оцепенении, это ничего не сказать; по-научному это называют когнитивный диссонанс – отрицание действительного. Глаза отказывались верить, а разум – понимать. Как? как? – твердил он себе. Этого же не может быть! Это либо гипноз какой, либо он сошёл с ума. Это просто не могло быть реальностью.

– Я обещаю подумать, – наконец удалось сказать хриплым голосом. Он взял монетку в руки, стал её рассматривать: ничего необычного, просто половинка – и всё. Попробовал разогнуть. Тщетно. Да бред какой-то! Николас же спокойно продолжал:

– И это только малая часть того... да это вообще ничего по сравнению с тем, на что способен человек. Люди не задействуют и одного процента своих возможностей, даже не подозревая о них.

Затем он взял со стола листок и, дописав в него ещё несколько строк, сказал:

– Виктор, я уверен, что если вы поверите мне и сделаете то, о чём я вас попросил, то у вас возникнет много вопросов. Я здесь написал мой адрес на Крите, а ещё летом, где-то в начале августа, я буду две или три недели в Ново-Валаамском монастыре. Слышали про такой?

Ярский отрицательно покачал головой. Слова Николаса доносились фоном, как сквозь дымку помутнения разума. Он слышал, что тот продолжает говорить, но смысл слов проходил мимо, не задерживаясь в мозгу.

– Вижу, согнутая монетка не даёт вам покоя, – тихо усмехнулся Николас. – Ладно, я написал адрес, это Финляндия, очень красивые места. Если захотите получить ответы, я буду рад встрече. – Он посмотрел на Виктора и как-то по-отечески добавил: – Мне кажется, всё у вас будет хорошо. – Помолчав немного, Николас вдруг сказал: – Спокойной ночи, – лёг на свою полку и мгновенно заснул.

Виктор только покачал головой, машинально сунул исписанный вдоль и поперёк листок в карман джинсов, вздохнул и тоже полез на свою полку. Поезд подъезжал к Ярославлю.

* * *

Проснулся Виктор от громкого голоса проводницы: – Просыпаемся, подъезжаем к Москве.

В купе разговаривали, тихо, вполголоса. Он повернул голову. Внизу сидела молодая женщина приятной внешности и что-то рассказывала девочке лет семи-восьми, видимо, своей дочке, а та слушала и что-то рисовала на листочке цветными карандашами. Мама заметила, что сосед не спит, поздоровалась.

– Доброе утро, – ответил Виктор.

– Пойдём, Лана, прогуляемся, пусть дядя одевается, – сказала она девочке, и они вежливо удалились, оставив его одного.

Он спрыгнул с полки и, быстро одевшись, пошёл умываться, на ходу сказав спасибо новой соседке. Виктор думал, что на самом деле это признак хорошего тона и воспитанности – вот так ненавязчиво удалиться, оставив его одного в купе. Когда он вернулся, новые соседи продолжали мирно беседовать за столиком. Девочка отложила свои рисунки и смотрела в окно.

– А где мужчина? – спросил даму Виктор, указывая на нижнюю полку, где несколько часов назад сидел его новый странный знакомый.

– Какой мужчина? – не сразу поняла девушка, потом добавила: – Мы в Ярославле сели, вы спали, а больше никого не было.

– Конечно же, – задумчиво ответил Виктор и замолчал.

Он потёр лоб, пытаясь вспомнить. Хотя прекрасно помнил, на чём закончили разговор с Николасом. Может, приснилось? Какое там! Все было наяву. Но почему? Почему этот странный сосед лёг спать, а через несколько минут встал и вышел в Ярославле? Чем дальше, тем больше вопросов. Виктор посмотрел вверх. На третьей полке лежала его сумка. Куртка висела на вешалке. Всё было на месте. Да и не похож он был на воришку уж, это точно. А если всё это – игра воображения? И тут он вспомнил про карту, что Николас передал ему на смятом блокнотном листочке. Сунул руку в карман – листок был на месте. «Ладно, – подумал Виктор, – хватит этих ребусов, надо забыть про этого чудика. Следует делать то, зачем он сюда ехал. Надо устроиться на работу».

Поезд замедлил скорость и плавно подъезжал к перрону. Он накинул на плечо сумку и, попрощавшись со своими соседками, уже собирался выходить, когда девочка спросила:

– Это ваше?

Виктор обернулся. Как только он увидел, что она держит в руке, холодок пробежал по спине, и каким-то не своим голосом ответил:

– Да, моё. Спасибо.

Девочка протянула ему пятирублевую монетку, согнутую пополам.

Глава третья

Апрель 2005 года, Где-то на севере Вологодской области

Уже почти стемнело, когда Виктор вышел к реке. Это означало, что он почти пришёл. Навигатор показывал, что реку переходить не надо, а идти следует вдоль неё. Это был хороший ориентир. В темноте в лесу легко было заблудиться, а река являлась отличным доказательством, что он на правильном пути. Ночевать в лесу Виктор не боялся, но и желания большего не испытывал. Хотя ни в каких леших и призраков он не верил, но в этой глуши мог повстречаться кто угодно из живых: хоть медведь, хоть стая волков – а это бы означало почти верную смерть. Погода радовала. Апрель в этом году выдался тёплым, солнечным. Снег почти растаял, что намного упростило движение. Сначала Виктор хотел дождаться лета и двинуть в свой поход где-нибудь в начале июня, но потом подумал, что сейчас даже лучше. Вроде уже не холодно, и к тому же нет комаров. Честно говоря, он шёл больше для того, чтобы убедиться, что ничего интересного там не найдёт. Что всё это глупая шутка или странная фантазия чуждого товарища по имени Николас. Несколько раз он собирался и каждый раз останавливал себя, говоря: не надо никуда идти. Но в конце концов понял, что эта интрига так никогда и не оставит его в покое, если он сам не удостоверится, что это всё бред сивой кобылы. Тогда он поставит жирный крест на всей этой глупой истории и продолжит жить своей жизнью. Вспомнились слова учительницы географии Тамары Александровны: «Ярский, ты многого добьёшься в жизни, если не будешь останавливаться на достигнутом. С твоим упорством ты сможешь. Сними шоры и смотри по сторонам. Мир – это не только этот город. Мир гораздо больше и интереснее. Путешествуй, побывай везде».

Только потом, когда Виктор переехал на учёбу в Череповец, он понял, насколько маленьким был городок, где он вырос. И чем больше он ездил по стране, тем дальше ему хотелось побывать.

Совсем стемнело. Экономя батарейки в фонарике, Виктор шёл прямо по краю реки. Лёд ещё не сошёл, но был весь в проталинах, и вероятно, ступать дальше от берега было небезопасно. Навигатор показывал не точно, а только примерное направление. Было понятно, что место уже совсем рядом, не более пары километров. Но надо было повернуть от реки напрямик в лес. Виктор даже подумал: а не нарубить ли веток, сделать лежанку, разжечь костер и заночевать прямо здесь. Утром по рассвету было бы легче найти этот непонятный дом из сказки Николаса. Он поборол соблазн остаться на берегу, включил фонарик и зашагал в темноту. Фонарь светил ярко, белым лучом отбрасывая у темноты несколько метров. Снега в лесу было больше, чем на реке. Идти гораздо труднее. Через час ходьбы Виктор уже пожалел, что не остался на берегу. Потом деревья стали реже и даже появилось что-то наподобие тропы. Здесь было больше проталин, но земля мокрая, и идти по ней не легче, чем по снегу. Вдруг фонарь осветил покосившуюся деревянную постройку. Виктор с радостью подошёл ближе. Это был полуразвалившийся сарай. Крыша наполовину упала внутрь. Стены тоже готовы были рухнуть. Посветив вокруг, он увидел ещё какое-то строение, выглядевшее как гараж. И, наконец, вот он. Чуть поодаль стоял добротный одноэтажный бревенчатый дом. По сравнению с другими постройками он не выглядел таким уж старым. Наоборот, дом смотрелся, как будто вполне даже жилой. Виктор не был труслив, не имел предрассудков, связанных с какими-то духами или привидениями. Он проделал такой путь один по лесу без малейшего намека на страх, но тут вдруг почувствовал, что ему некомфортно заходить внутрь. Более того, он ощутил какую-то явную тревогу. Хотелось отойти подальше от этого дома. Это чувство он не мог сам себе объяснить. Прямо мурашки по коже. Опять вспомнилось, как кто-то из учителей сказал: «Если тебе страшно, подумай о чём-то хорошем, о самом лучшем эпизоде твоей жизни». Попробовал подумать о море: тёплый песок, яркое солнце, зеленоватые волны и счастливая заго-

релая Анька. Правда, беспокойство стало пропадать, страх немного отходить. Виктор подошёл к двери, подергал. Закрыто. Светя фонариком, пошёл вокруг дома. Некоторые окна были закрыты ставнями, некоторые нет. Ни одного разбитого стекла, всё как новенькое. Николас говорил, что был здесь лет двадцать назад. Значит, возможно, после него здесь ещё кто-то жил. Виктор обошёл вокруг. С другой стороны был небольшой дровяник и ещё одна дверь в дом. Эта дверь тоже была закрыта, но, когда Виктор подёргал сильнее, она немного подалась. Посветив фонариком в щель, он увидел, что она закрыта изнутри деревянной задвижкой. Нашёл в дровянике несколько досок, достал из рюкзака маленький походный топорик, вставил в щель, отжал сильнее. Затем, просунув в открывшийся проём доску, при помощи рычага надавил. Что-то хрустнуло, и дверь приоткрылась. Виктор приподнял задвижку, освободив петли, вошёл. Похоже на сеновал или коровник. Прошёл дальше. Добротная дверь на мост. Открыта. Вдоль стен стояли столы, на вешалке из обычных гвоздей, вбитых в стену, висела верхняя одежда. Ещё одна дверь. Плотная, мощная, гладко обструганная. Открыл. Пригнувшись, зашёл. Комната была огромная, не меньше пятидесяти квадратных метров. На полу – ковровые дорожки. У стен – широкие деревянные скамейки, в углу – большой обеденный стол. На стенах – рамки с фотографиями, несколько икон. Больше всего Виктора поразила печь. Огромная русская печь стояла посреди избы. Он слышал, что раньше люди мылись в таких печах, но видеть не доводилось. Виктор уловил слабый запах пыли. Такой запах обычно бывает в нежилых местах. Похоже, здесь всё-таки давно никого не было. Однако, несмотря на заброшенность, всё здесь было таким по-хозяйски основательным, таким суровым и в то же время уютным, что на душе сразу потеплело. Немного напрягала мысль, что он, по сути, вломился в чей-то дом. Это была чья-то собственность, хоть и находилась в жопе мира. О том, что дом никому не принадлежит и никто здесь не живёт, ему поведал человек, с которым он был знаком всего несколько часов. Особенно теперь, здесь, на месте дом не выглядел заброшенным, наоборот, всё было на своих местах. Как будто хозяин сделал уборку, собрался и ушёл. И не вернулся. Ладно, хватит на сегодня ребусов, он подумает об этом завтра. Включил мобильник. Связи, конечно же, нет, но часы показывали около трёх ночи. Самое время забраться спать. Было, конечно, прохладно, но Виктор разулся и даже снял верхнюю одежду, оставшись только в трико и свитере. На большой заправленной кровати ромбиками стояли больше десятка подушек разного размера. Аккуратно сложив их на скамейку, Виктор забрался под толстенное ватное одеяло, вытянул ноги и только теперь почувствовал, как он устал. Он закрыл глаза и почти сразу же уснул.

Усталость взяла своё, и, когда Ярский проснулся, было уже около полудня. В окна ярко светило весеннее солнце, но в доме было прохладно. Вылезать из-под тёплого одеяла не хотелось. Виктор позволил себе немного поваляться, но потом быстро встал и оделся. В конце концов, не для того он сюда шёл, чтоб полдня греться под одеялом. Днём дом выглядел гораздо веселее. Появилось желание сразу растопить печь, но не стал. Мало ли чего. Огляделся. В углу, прямо под иконой, на деревянной полочке стояла большая, высотой в полметра, запylённая скульптура – символ буддизма. В позе лотоса, с добрым лицом, сидел китайского вида дядька. На стене Виктор увидел чёрно-белый символ Инь-янь, два завитка с точками. Получалось, что здесь всё было перемешано: и православные иконы, и символы восточной религии. Стал рассматривать изображения в рамках на стене. На старых чёрно-белых фотографиях позировали разные люди – в основном, китайцы, а может, корейцы – все они были с суровыми лицами, ни одной улыбки. По одеждам было видно, что фотографии сделаны давно, скорее всего, в середине прошлого века, а некоторые ещё раньше. Мужчины были в традиционных китайских безворотниковых одеждах, женщины – в длинных платьях. Многие фотографии выцвели, и на них было ничего не разобрать. В углу, прямо над статуей Будды, висела большая деревянная икона с лампадкой под ней. Рядом – несколько икон поменьше. Виктор был не силен в религии, но святых, изображенных на иконах, узнал. Раньше видел. Он не знал их имен, но не раз бывал в православной церкви и даже считал себя немного христианином. Совсем чуть-чуть. Да уж,

даже ему, далёкому от религии, это всё казалось по меньшей мере странным. Можно представить негодование, какого-нибудь ревностного православного батюшки, случись ему оказаться в этом необычном месте. Прошёл по комнате, с интересом оглядывая интерьер. У стены красовался большой деревянный старинный сервант. В нём, за пыльными стеклянными дверцами, стояла посуда. Он выдвинул ящик. Там один к одному сложены столовые приборы: вилки, ножи.

– Хоть заезжай и живи, – Виктор улыбнулся.

Николас говорил, что *то*, за чем надо было переться в эту глушь, спрятано где-то в погребе под домом. Оставалось найти этот погреб. Метр за метром он обошёл всю комнату, поднимая пыльные ковровые дорожки, тщательно обследуя пол из ровных широких досок. Никакого люка или двери не обнаружил. Он уже пожалел, что точно не расспросил Николааса, в каком хотя бы месте этот злополучный подвал (или как он там называется). Но тогда, в поезде, ему и в голову не приходило, что он всё же соберётся в этот загадочный путь. Тогда это просто казалось хохмой, сказкой подвыпившего фантазёра. Но позже зерно интриги, умело посаженное Николасом, проросло и дало свои плоды. Дня не проходило, чтобы Виктор хоть раз не вспомнил о том разговоре. И вот результат. Он находится в загадочном доме, в десятках километров от людей и пытается разгадать очередной квест. Найти то, не знаю что.

Наверное, около двух часов он ходил по дому, исследовал комнату за комнатой, освещая фонариком каждый метр, но так и не нашёл ничего похожего на дверь в погреб. Достал из рюкзака складной примус, уже не раз выручавший его в дороге, поставил чайник. Вода почти закончилась, поэтому пришлось натопить снега. Заварил крепкий чай. Открыл банку консервов и с удовольствием умял тунца в масле, зажевав последним куском хлеба. Виктор ходил по комнате, отпивая маленькими глотками горячий ароматный чай, и думал, задаваясь только одним вопросом: что дальше?

Солнце медленно скрывалось за лесом. Идти обратно сегодня уже не имело смысла. Он выпится, а завтра встанет пораньше и, как только забрезжит рассвет, двинет в обратный путь. Лёгкое разочарование охватывало Виктора, он достал из кармана согнутую напополам пятирублёвку и стал её разглядывать. Что же это было? Каким бы фокусником ни был этот Николаас, ну не мог он подменить, не мог! Виктор это точно знал. Ведь он очень внимательно тогда смотрел за всем происходящим, а значит, это было какое-то чудо. Или нет? Может, гипноз какой. Все эти вопросы роем крутились в голове, когда взгляд его упал на коврик около кровати. Кровать стояла спинкой к стене, но примерно в метре от угла, и когда Виктор вчера ложился спать, как и утром, когда вставал, не мудрено, что он не обратил на него внимания. Коврик лежал с другой стороны, между кроватью и стенкой. Он был странной полукруглой формы, как и согнутая пятирублевка. Лежал он настолько обыкновенно и неприметно, что Виктор даже удивился, как он, проходя мимо, не заглянул под него. Так часто бывает: мы долго что-то ищем, а потом оказывается, что оно всё время было на виду. Отодвинув коврик, он почти сразу заметил, что расстояние между половицами здесь больше. Пол был везде ровным, без щелей, а здесь расстояние почти в сантиметр. Встав на колени, Виктор посветил фонариком в щель, но ничего не увидел. Только пустоту. Приглядевшись внимательнее, он разглядел деревянные лаги примерно в полуметре ниже пола. Там явно была пустота. Собственно, ничего удивительного в этом не было, раньше так и строили. Сначала Виктор собрался было выйти на улицу и посмотреть со стороны – может, там есть какое вентиляционное окно и можно будет разглядеть, что там есть под полом. Но тут возникла ещё одна идея. Он достал свой походный топорик, просунул его в щель между половицами и слегка надавил в сторону. Половица подалась. Он надавил сильнее. Половица сдвинулась почти на сантиметр.

– Она не приколочена гвоздями, – не заметил, как вслух сказал Виктор.

Отложив топор, он попробовал сдвинуть кровать. Она была очень тяжёлая, но немного отодвинулась. Ярский увидел, что пять досок короткие, как раз в длину кровати, и их стык

скрывали ножки, вернее, это была одна ножка – широкая деревянная спинка кровати. Не без труда он отодвинул кровать почти на полтора метра и попробовал ещё раз подцепить доску топором. Теперь, когда ей ничего не мешало, она легко приподнялась, открыв внизу тёмную пустоту. Уже с азартом Виктор одну за другой достал остальные четыре доски, и его взору открылось небольшое тёмное помещение около четырех квадратных метров. Пахло холодом и затхлостью. Внизу, к стене была приставлена деревянная лестница. Глубина была чуть больше двух метров. Сначала он хотел немедленно по ней спуститься, но, подумав, достал из своих запасов кусок верёвки, привязал один конец к кровати, второй бросил вниз. Глупо было бы остаться внизу навсегда, если лестница вдруг сломается под его весом. Достал складную сапёрную лопатку, бросил вниз. Лопатка воткнулась в земляной пол. Следом за ней полетел и топорик. Батарейки в фонарике были ещё нормальные, но Виктор на всякий случай заменил их на новые из своего запаса. Когда поставил ногу на первую ступеньку, проверяя, крепкая ли лестница, взгляд его остановился на иконе в углу. На него строго смотрел святой, то ли Николай, то ли Серафим.

– Какой я суеверный стал, – опять чуть вслух не сказал Виктор и, держась руками за край пола, медленно стал спускаться. Лестница выдержала.

Внизу было на удивление сухо, немного прохладнее, чем в доме, но не холодно. Он огляделся. Стены покрыты слоем белого мха, под которым угадывалась деревянная опалубка. Видимо, раньше они были обрамлены досками, но со временем доски сгнили и были сплошь покрыты плесенью или ещё какими паразитами. Виктор ткнул лопаткой в одну из них, лопатка вошла как в мягкий песок. Потыкал в пол. Никакого бетона или другого покрытия не было, под ногами просто земля. Выкопал небольшие ямки по всем четырем углам. Просто попробовал наугад. Лопата входила мягко, нигде ничего не задев. Посередине образовалась кучка земли. «Так я здесь все перерою, – подумал Виктор. – Надо копать где-нибудь в одном месте». Очертил лопатой чуть больше полуметра вдоль всей дальней стены и начал рыть. Землю кидал в кучу посередине. Получилась глубокая канава, почти метр в глубину. Ничего. Попробовал копать глубже – ниже была вода. Тщательно протыкал лопаткой дно вновь выкопанной им траншеи. Опять ничего. Он усмехнулся, но несколько не расстроился. Надо было скинуть всю землю обратно и приступить к следующей части его раскопок. Наверху стало смеркаться. Фонарь хорошо освещал погреб, и приближение вечера Виктора не сильно волновало. Когда закончил с первой частью, начертил следующие полметра, потом добавил ещё полметра – так показалось рентабельнее. Уже собирался начать копать дальше, как вдруг пришла мысль: а где лежал коврик? Может, попробовать копать прямо под этим местом? В конце концов, какая разница, где сначала, а где потом. Развернулся к стене напротив, очертил расстояние почти метр и начал. Копать становилось труднее. Уже почувствовалась первая мозоль на руке. Не заметил, как натёр. Виктор пыхтел, выкидывая одну за другой порции земли, и уже углубился больше чем на полметра, когда что-то наконец звякнуло. Не останавливаясь, в порыве азарта он увеличил темп. Там что-то определённо было. Что-то металлическое. Это был лист металла. Когда Виктор освободил его по периметру и поднял, его ждало разочарование. Это оказался просто ржавый кусок железа, а под ним земля. «Но зачем здесь это?» – подумал он и, придерживаясь предыдущего плана, продолжил копать глубже. Лопата опять наткнулась на что-то. Это было не железо. Уже не обращая внимания на сорванную мозоль, Виктор быстро откопал небольшой ящик из непонятного плотного материала. По размеру он напоминал ящик, в котором перевозят пол-литровые бутылки пива или лимонада по двадцать штук. Только этот ящик был как будто бы герметично закрыт, не было ни ручки, ни какой-либо крышки. Хотя нет, крышка всё же была. Когда Виктор обтёр землю, он увидел, что ящик плотно закрыт. Достал нож, попробовал просунуть его под крышку. Не сразу, но ему удалось её слегка приоткрыть. Дальше не получалось. Нужны были ещё инструменты. Привязал ящик к концу веревки и стал выбираться вверх. Когда он вылез из погреба, уже совсем стемнело. Потянул за веревку. Ящик

был не сильно тяжёлый, наверное, не больше двадцати килограммов и Виктор легко вытянул его вверх.

Поставил ящик посреди комнаты. Сердце бешено колотилось. Оставляя грязные земляные следы на полу, он вышел в сени. Здесь, в углу, стоял стол, заваленный всяким хламом. К столу были прикручены тиски. На стене рядами висели ключи, отвертки, разные слесарные инструменты. Виктор взял небольшой гвоздоёр с загнутыми лапками, взял молоток, пару больших отвёрток, стамеску. Вооружившись, вернулся обратно в комнату. Возился с крышкой долго. Закрыта она была очень плотно и никак не хотела поддаваться. В конце концов между ящиком и крышкой образовалась небольшая щель, и, засунув туда отвёртку, он нажал при помощи рычага, и крышка упала на пол. Под крышкой содержимое скрывалось полиэтиленовой плёнкой. Без промедления он, как обертку с новогоднего подарка, рванул плёнку – и обомлел. Ровными пачками там лежали деньги.

Так говорят об изумлении человека: челюсть отпала. У Виктора реально отвисла челюсть. Видимо, в такие моменты мозг не даёт правильные сигналы мышцам конечностей, и человек не замечает, как с открывшимся ртом смотрит на что-то необычное. Сколько это продолжалось, он никогда не узнает, но время остановилось. Деятельность мозга замедлилась. В полной тишине Виктор сидел и тупо смотрел перед собой. Накатила усталость. Какая-то приятная нега окутала его. Как будто он бежал длительный марафон – и вот она, заветная финишная лента. И больше не надо никуда бежать. Всё уже позади: упорные тренировки, нервы и сомнения перед забегом. Всё в прошлом. Он смотрел на аккуратно сложенные разноцветные пачки денег и ни о чём не думал. Значит, всё это правда, значит, не обманывал Николас, когда говорил, что ты там найдёшь всё, что тебе нужно.

Оцепенение понемногу стало проходить, и Виктор дрожащей рукой взял пачку. Это были старые деньги. Сторублевые купюры, аккуратно перевязанные банковскими пачками по сто штук. Эйфория мгновенно сменилась ужасом. Да это же... Это же старые. Не-ет. Он стал быстро вынимать банковские пачки и бросать их на пол. Под ними ровными рядами лежали доллары, потом – немецкие марки. В конце концов он вытащил весь полиэтиленовый пакет и высыпал остатки пачек на пол. Дальше был лист грубого холщового материала. Виктор приподнял его. Под ним лежали ровным слоем, один к одному, золотые слитки. Яркий взял один из них в руки. На нём были выбиты маркировки, смысл которых он не знал, но чётко отчеканенный вес 1000 г был понятен без слов. С другой стороны герб и буквы «СССР». Пересчитал – шестнадцать слитков по килограмму чистого золота. По одному он достал все слитки, складывая их домиком на полу, достал такой же холщовый лист, на котором было золото. Под ним, на дне ящика, лежал большой конверт из плотного картона. Белый, без каких-либо надписей и марок, он был герметично заклеен. Отложил в сторону. Снова взял в руки золотой слиток. Захотелось попробовать на зуб. Виктор много раз видел, как в старых вестернах люди кусали золотые монетки. Как они там проверяли, настоящее это золото или нет, он понятия не имел, но укусить попробовал. Стало смешно. Нет, стало весело. Сильнейшая эйфория накатилась на Виктора, и он в голос засмеялся. Взяв два слитка золота в руки, он встал во весь рост и что есть силы закричал:

– Я Зевс! А-а-а! Я Зевс!

Он кричал и кричал одну и ту же фразу и потом замолчал. Стало тихо, и от тишины зазвенело в ушах. Он стоял с широкой улыбкой и уже тихо, шёпотом повторял:

– Я Зевс, я Зевс.

Наконец, понемногу успокоившись, он опять сел на пол, и взгляд его снова упал на белый конверт. Взял его в руки, открыл. Конверт был плотно запечатан, и пришлось его разорвать, чтобы достать содержимое. Внутри оказался маленький мешочек из синего шёлка и рукописное письмо. Виктор стал читать. Письмо было написано печатными буквами, почерк аккурат-

ный, но ошибки чуть ли не в каждом слове. Дабы не мучать читателя, автор великодушно исправил почти все ошибки:

«Дорогой друг! Если ты читаешь это письмо, значит, мы с тобой знакомы и ты уже многое знаешь. Возможно, ты нашёл это письмо случайно, это тоже не исключено. Хочу тебе сказать, что величайший дар – это возможность творить добро. Все богатства мира – это тлен по сравнению с одним-единственным добрым делом, сотворённым от всего сердца. Возьми этот подарок. Прими его как дар Божий. Пользуйся им во имя добра. Не сотвори зла в любом его облики. Сотворив зло даже во имя добра, ты теряешь силу. Не делай этого. Я сделал это и очень жалею. Но обратного хода нет. У тебя будут вопросы. Много вопросов. Но ты найдёшь ответы. Просто поверь мне. Помни всегда, что добро сильнее зла. Ты не можешь победить зло злом. Зло можно победить только добром. Так же как и свет побеждает тьму.

С любовью, твой друг Николас».

Виктор перечитал текст ещё раз.

– Как-то больно мудрёно, – вслух сказал он. Взял в руки синий мешочек. Он был из приятного на ощупь материала и завязан красивым кожаным шнурком. Развязал шнурок. Внутри лежала светлая цепочка с кулоном. Цепочка, скорее всего, из серебра. Кулон матовый тёмно-зелёного цвета, овальной формы, в диаметре около трёх сантиметров и миллиметров пять-шесть в толщину. С одной стороны какие-то непонятные иероглифы, то ли на китайском, то ли на японском. С другой стороны еле заметно был выгравирован глаз. Виктору даже показалось, что кулончик тёплый. Он точно был теплее температуры тела. Может, на два-три градуса, но точно теплее.

«Как такое возможно?» – подумал Виктор.

Зажал кулон в руке – такой приятный на ощупь, что его не хотелось выпускать из рук. Стал рассматривать ближе. Кулон оказался правильной формы, на нём были видны грани, много граней. Словно обработанный алмаз изумрудного цвета.

«Мистика, – подумал Виктор. – Ну да ладно, наплевать на мистику. Я же теперь богат. Да я, кажется, сказочно богат».

Опять приступ эйфории отбросил далеко назад все неразрешённые загадки, и он огляделся вокруг. Мозг опять начал соображать трезво и чётко. Рубли старые. Скорее всего, их нигде не поменять, Немецкие марки тоже. В Германии давно уже евро. Вот доллары – это хорошо, их вроде не меняли. Сколько их здесь? Двенадцать пачек по сто штук – это сто двадцать тысяч. Неплохо. Шестнадцать кило золота – это вообще здорово. Сколько это в рублях, он понятия не имел, но понимал, что очень много. Немного подумав, скидал обратно в ящик все рубли и марки. Затем, сам не понимая зачем, положил туда две пачки долларов и слиток золота. Почему-то это показалось правильным. Виктор сам не понимал, зачем он это делает, но делал машинально, по интуиции. Подумал и положил ещё один слиток, сверху положил холщовые обёртки. Повертел в руках письмо, конверт положил в ящик, а письмо свернул и убрал во внутренний карман куртки.

– Что с кулоном? Конечно, себе. Прикольная вещь. – Убрал в мешочек, завязал и положил в карман на рюкзаке, застегнув на молнию. Так, вроде всё. Теперь всё убрать. Плотно закрыл крышку. Даже пришлось притопнуть сверху ногой – так туго она закрывалась. Деньги и слитки аккуратно сложил в рюкзак. Попробовал на вес – получилось тяжело.

– Ладно, дотащу, – улыбнулся Виктор.

Аккуратно на верёвке спустил ящик в яму. Спустился сам. Поместив ящик на то же самое место, стал закапывать. Разровнял, положил обратно железный лист, попрыгал на нем, утрамбовал типа. Пришлось повозиться, но всё выровнял и разрыхлил следы от сапог. Огляделся. Вроде как всё чисто. Вылез наверх. Посмотрел на часы: полночь. Ладно, на сегодня хватит. Полы помыть – это уже завтра. Закрыл вход в подвал досками. С последней пришлось пому-

читься, но всё же затолкал. Задвинул кровать, положил коврик. Огляделся. Вроде всё ровно. Ладно, теперь надо выспаться, завтра долгий день. Вышел на улицу, насколько это было возможно, вымыл руки снегом. Сорванная мозоль болела. Это мелочи. Огляделся. На безоблачном небе светила почти полная луна. Подмигнув луне, зашёл внутрь. Теперь спать. Забравшись под одеяло, попытался уснуть, но не тут-то было. Все мысли были о богатстве. Теперь ему доступны все чудеса мира. Теперь он Зевс.

– Я Зевс, – шёпотом сказал Виктор и зевнул. Надо было выспаться и рано утром выдвигаться в путь. В голове мысли вихрем сменяли одна другую. Сна не было и в помине. Включил фонарь, дотянулся до рюкзака, выудил пачку стодолларовых банкнот, стал разглядывать. Купюры старые, выпуск восьмидесятых годов прошлого века. Большеглазый мужик с длинными волосами ехидно смотрел на Виктора. «Франклин» – прочитал он. Разорвал бумажную обёртку, вытащил одну купюру, посмотрел на свет, потёр пальцем плотную, приятную на ощупь бумагу. Купюры как новенькие. Вставил сотку обратно в пачку, положил в рюкзак. Нашупал золотой слиток, поднёс к глазам. При свете фонаря слиток блестел как солнце, он был гладкий и такой приятный на ощупь, что не хотелось выпускать его из рук.

– Кто же ты такой, Николас, и что ты здесь делал? – Виктор на вытянутой руке держал золотой слиток, в другой руке – фонарь. Солнечный зайчик бегал по стене. Ярский попытался вспомнить дословно разговор в поезде. Ему было поручено часть денег передать людям, этим знакомым Николаса. Он не сказал конкретно, сколько, вроде речь шла о половине суммы, вернее, он вообще не говорил давать деньги. Надо что-то там сделать, дом, что ли, починить или что-то в этом роде. Адрес есть, надо съездить туда, посмотреть, познакомиться. Что делать с золотом, как его продать? Кому? Сколько оно сейчас стоит? Это же не колечко или цепочка, это, мать его, четырнадцать килограммов в слитках. Подумал о том золоте и деньгах, что закопал обратно. Правильно ли сделал? Вроде правильно. Зачем? Попытался сам себе объяснить свой странный порыв, но не смог. Хотя нет, где-то в глубине сознания вертелась мысль: а вдруг что-то пойдёт не так? Тогда у него останется какой-никакой запас. Нет, конечно же, правильно. А себе он купит дом... нет, лучше квартиру. Большую квартиру, метров на сто... нет, лучше на сто двадцать. Где? Может, в Питере. Да, точно, в Питере, прямо на какой-нибудь набережной. Питер Виктору нравился, нравился даже больше, чем Москва. Город, где каждое здание имеет свою историю, свою индивидуальность. Конечно, Питер, это не обсуждается. Машину. Да, он купит себе хорошую машину. Может, «Мерседес». Какой-нибудь полноприводник. Или, может, спортивную машину, например, «Порше». Да всё равно, можно купить и то и другое. Денег-то куча. И съездить на море. Точно, он поедет на самый дорогой курорт. Думая и мечтая, Виктор гладил слиток золота, улыбаясь во весь рот и, не заметил, как плавно погрузился в сон.

Проснулся он мгновенно от грохота. Вскочил на кровати – в окно ярко светило солнце. По полу медленно катился фонарик, рядом лежал слиток золота, видимо, только что упал. Виктор встал, поднял фонарь. Он уныло светил остатками севших батареек. Забыл вчера выключить. Ладно, есть ещё комплект, не новый, но пойдёт. Надо было собираться в обратный путь. Натопил снега. В старинном заварном пузатом чайнике заварил чай. Горячий крепкий чай с веточками брусники приятно пах лесом и уютным пикником. Настроение было отличное. Ходил по комнате и, улыбаясь, рассматривал фотографии на стенах. Затем нашёл кусок тряпки, обильно смочил остатками кипятка, принялся вытирать пол. Не хотелось оставлять после себя никаких следов. Надел рюкзак на обе лямки. Тяжеловато. Критически оглядел комнату. Вроде всё на месте, никаких следов. Кровать чисто и аккуратно, по-армейски, заправлена. Бросил взгляд на доброго дядьку Будду, затем поднял глаза на икону в углу. Почему-то захотелось что-то сказать обоим. Типа:

– Извините, если что не так.

Будда по-доброму улыбался, а святой с иконы смотрел на Виктора мудрым взглядом с чуть заметной ухмылкой.

– Ладно, брат, не поминай лихом, – непонятно кому сказал Виктор. Затем усмехнулся про себя: надо же, он разговаривает с иконами! – плотно закрыв за собой дверь, вышел в сени. Когда выходил из дома, получилось приподнять засов вверх, и когда Виктор, закрывая дверь, придерживал его ножом через щель, засов чётко лёг на старое место.

«Как в аптеке», – подумал он.

Вокруг дома оставалось много его следов, но тут уж ничего было не сделать. Через неделю-другую остатки снега растают и ничего уже не будет напоминать о его присутствии здесь. Ну, разве что пропажа части содержимого подземного хранилища. Виктор посмотрел на мобильник – почти десять утра. Поздновато, хотел выдвинуться гораздо раньше, но да ладно.

– Вперёд, – сказал он себе и быстрым шагом пошёл от дома в сторону чащи.

Снег стал рыхлым. Идти было труднее, чем ночью, когда он шагал, не проваливаясь через наст. Если приглядеться, то можно даже увидеть его следы. По ним и шёл. Когда вышел к реке, уже реально чувствовалась усталость. Хоть и говорят, что своя ноша не тянет, но она тянула. Ой как тянула! Виктор пробовал и так и этак перекидывать вес своего богатства, но мышцы спины явно говорили, что это будет нелёгкий путь. Пройдя ещё пару километров вдоль реки, он присел на привал. Наломал сухих веток, зажёл костер. Уже привычно растопил снег, вскипятил воду. Когда она немного остыла, залил кипятком в бутылку. Затем повторил процедуру ещё раз. Получилась полная полторашка тёплого кипятка. Без еды можно прожить долго, а вот без воды сложнее. Опять заварил крепкий чай. Попил. Потом сложил весь свой нехитрый скарб под ель. Чайник, кружку, термос, складную плитку, ещё пару вещей. Топорик решил оставить. Кто его знает, вдруг пригодится. Завалил всё это снегом. Снова надел рюкзак. Легче он не стал, но Виктор знал, что килограмма четыре точно убавилось. Пошёл дальше. Через несколько часов пожалел, что выбросил лёгкий плед, которым можно было укрыться в случае ночлега. Судя по всему, ночевать всё же придется в лесу. Солнце уже давно скрылось за лесом, и Виктор мог только угадывать, что оно вот-вот скроется за горизонтом и будет смеркаться. Сколько прошёл, он не знал. Надеялся, что больше половины. Шёл по компасу, навигатор безбожно глючил, ориентиров никаких не было, только лес. Проталины и снег. Сумерки сгущались, и Ярский решил всё же остановиться на ночлег. Выбрал полянку, нашёл сломанное дерево, которое лежало примерно в метре от земли, наломал молодых веточек на подстилку, накидал веток сверху, завалил всё это снегом. Получилась неплохая берлога. В метре от неё зажёл костер. Забрался на свою лежанку. Пожалел про выброшенный чайник. Ну да ладно. Смотрел на пляшущие языки пламени и почему-то вспомнил своего друга Сиплого. Сколько уже они не виделись? Давно.

Сиплый ушёл в армию в восемьдесят седьмом. Собственно, армия спасла его от тюрьмы, куда бы он с большой вероятностью присел за очередную драку. Но судьба распорядилась так, что он попал в последний призыв ребят, ушедших в Афганистан. Отслужил два года. Дембельнулся весной восемьдесят девятого в звании старшего сержанта. Он был в роте, покидавшей Афган последней. Если и до войны Сиплый был, мягко сказать, не подарок, то, вернувшись, стал совершенно неуправляемым. Виктор никак не мог найти общего языка со своим лучшим другом. Сиплый постоянно попадал в разные скандалы, ходил по острию ножа и как будто бы сам искал приключений на свою голову. Его присмотрели силовики и предложили должность в питерском ОМОНе с неплохой карьерой. Виктор даже обрадовался, когда Саня уехал на учебу в Лугу на какие-то сборы. Думал, может, он найдёт себя на этом близком ему поприще в силовых структурах. Но Сиплый вернулся буквально через неделю. Кому-то там хорошо навалил, кого-то послал. В общем, не срослось. Не удивительно, что очень быстро Саня оказался в бойцах одной из криминальных ОПГ. Ещё несколько раз они пересекались, но потом Сиплый уехал в Москву, и связь с ним потерялась. Виктор не раз пытался найти своего друга, но общих знакомых больше не осталось. Саня нигде не светился. Правда, где-то

в середине девяностых один раз он заявился к их общей знакомой Машке. Она тогда ещё жила в Москве, собиралась замуж за успешного бизнесмена, то ли за австрийца, то ли за венгра. Она позвонила Виктору и рассказала, что Сиплый в тот день приехал на шестисотом мерсе, крутой, весь в толстых золотых цепях. Привёз огромный букет роз. Звал в ресторан. Но она не пошла. Сказал, что обязательно женится на ней когда-нибудь. Никаких координат не оставил. Машка ещё заметила, что при всей бравате он был потерянный и грустный. Виктор наказал ей, чтоб сразу звонила, если тот заявится снова. Но потом, когда Машка вышла замуж и свалила за границу, Виктор её след тоже потерял. После этого про Сиплого не было слышно уже больше десяти лет. Виктор втайне надеялся, что когда-нибудь Саня появится на пороге со своей обычной улыбкой и скажет: «Ну что, Зевс, как ты? А пошли гулять. Пива попьем, что-нибудь замутим».

При всей своей импульсивности и скандальном характере Сиплый был добряком. Виктор помнил случай с собакем ещё в детдоме: они увидели на обочине щенка, которого сбила машина. Все говорили: «Ой, какой бедненький», – и проходили мимо. Сиплый же взял грязнящего пса и отнёс его в школьную подсобку. Потом они по очереди таскали туда еду. Пёсик выздоровел и так и остался жить у них возле столовой.

Костёр догорал. Красные угли медленно темнели. Уже не было видно рядом стоящих деревьев. Лес погрузился в темноту. Устроившись поудобнее, насколько это было возможно на жёстких ветках, Виктор погрузился в полусон. Нет, уснуть полностью ему не удастся, это он понимал, чутко прислушиваясь к любому шороху, к любому скрипу деревьев, но даже просто вот так полежать с закрытыми глазами несколько часов, и он наберётся сил пройти остаток пути. Ночью стало совсем холодно, ноги затекли, спина болела от жёстких веток, втыкающихся то здесь, то там. До рассвета ещё далеко, а идти по темноте желания не было никакого. Как медведь, Виктор выполз из своего импровизированного убежища, насобирал сушняка, разжёл костер. Согревшись, размял ноги, прыгая вокруг пламени, набросал крупных дров, чтобы подольше горели, снова забрался в свою берлогу, укутался поудобнее. Теперь можно было попробовать заснуть, костра хватит на несколько часов. Собственно, так и получилось. Он погрузился в полноценный сон и проспал часа два или три. Когда проснулся, небо не было уже фиолетово-чёрным. Светло-серый оттенок давал понять, что скоро рассвет. Можно собираться в путь.

Расцвело быстро. Ярский шёл и шёл, время от времени сверяясь с компасом. Где-то здесь он должен был пересечь ручей – и дальше прямо на юг. Там за речкой старая леспромхозная дорога. По ней идти будет гораздо легче. Но то ли он сбился с пути, то ли ещё не дошёл. Впереди, насколько хватало глаз, однообразно простирался сосновый бор. Вода закончилась. Попробовал есть снег, ну так, то ещё удовольствие.

Наконец лес стал редеть, сменяясь кустарником, и скоро Виктор вышел к реке. Неширокий ручей, не больше десяти метров в русле, был подо льдом. Снег почти растаял, оставив тёмные пятна проталин. В это время года ходить по льду опасно, но выбора особо не было. Снял рюкзак, понёс в руке. Перебравшись на другой берег, почти сразу заметил дорогу. Дорога была не ездая, но он увидел следы – не то от трактора, не то от квадроцикла. Ну вот, теперь всё прямо, и километров через семь-восемь он должен выйти к глухой деревеньке. Летом там полно народу, в основном дачники, а зимой, скорее всего, никого нет. Но это уже неважно, потом, если повезёт, можно будет остановить попутку, там начинались жилые деревни до самого Борисово. Дальше ходит автобус до Бабаево. Там цивилизация. Но пока приходилось идти. Идти пешком. Других вариантов не было.

Уже совсем стемнело, когда, на пригорке показалась деревенька. Виктор прибавил ходу. Ноги едва слушались его, когда он увидел табличку «д. Кийново». В некоторых домах горел свет, из труб шёл дым, топили печки. Деревня явно была жилая, дорога чищенная, более того, впереди проехала машина и, моргнув стоп-сигналами, свернула куда-то в переулок. Надо было

решать вопрос с транспортом. Дальше идти пешком сил уже никаких не было. Виктор посмотрел на карту. Отсюда до районного центра Бабаево больше ста километров, а то и все сто двадцать. А там уже поездом до Череповца часа три, не больше. Проходя мимо одного из домов, Виктор заметил бабушку. Она стояла, опершись на клюку, и смотрела на Виктора.

– Добрый вечер, – как можно вежливее поздоровался он.

– Добрый-добрый, мил человек, чего-то не узнаю, – прищурилась она, вглядываясь в лицо Виктора. – Из михайловских что ли? Степан ли? Или нет?

– Нет, бабуль, не михайловский, рыбак я, из города, – соврал Виктор. – Вот ходил на реку, – не зная, что еще сказать, собрался было идти дальше, но бабулька не унималась:

– Из города? Далёко же до города, тёмно уж. На машине хоть?

– Нет, я пешком, может, довезёт кто, пойду я, бабуль.

– Ой да кто же тебя довезёт, – старушка явно была из тех любителей поговорить, которым до всего есть дело. – Хотя вон, Колька, только что проехал, поди спроси, может, поедет он домой. Борисовский он сам. Воно туда пойдить, в девятом доме он живёт. Хотя вряд ли, на ночь-то. Ой, не знаю, ночью-то, – заохала бабулька.

Информация, конечно, была ценная, и возможно, если повезёт, то всё решится должным образом. Попрошавшись со старушкой, Виктор потопал дальше, в сторону указанного дома.

За поворотом, в небольшом переулке, с включёнными габаритами и открытым багажником стояла старенькая четвёрка. Паренёк, согнувшись напополам, копался в багажнике. На крыше стояла банка пива «Балтика». Вытащив большой белый мешок, парень ловко закинул его на плечо и собрался было пройти в открытую калитку, но Виктор окликнул его:

– Ты Николай, что ли?

Человек обернулся насколько позволял мешок:

– Ну я. Чо хотел?

– Да поговорить. – Виктор указал рукой на мешок: – Я подожду.

– Ага, я шас, – сказал паренёк и скрылся во дворе за забором.

Ярский снял рюкзак, поставил на скамейку, что стояла возле покосившегося деревянного забора. Огляделся. Одноэтажные домики, похожие друг на друга, обыкновенные деревенские, ничем не примечательные. Поёжился. Уже совсем стемнело и стало подмораживать. Пока шёл, было даже жарко. Как только остановился, пронизывающий холод предательски начал поддувать морозным воздухом. Николая не было минут пять. Обошёл машину, сразу заметил, насколько древняя она была. Сгнившие пороги неумело заляпаны шпатлёвкой. Обратил внимание на колеса. Даже при тусклом свете фонаря было видно, что все они разные. Прямо не машина, а сборная солянка.

Вышел Николай.

– Чё хотел? – не здороваясь, спросил он.

– Витёк, – протянул руку Виктор.

– Колян, – быстро и сильно ответил тот на рукопожатие. – Чё хотел? – в третий раз повторил он.

– Мне это, в Череповец, – Виктор решил начать без прелюдий и сразу перейти к делу. – Можешь отвезти?

– С хуя-ли? – Николай не особо выбирал выражения.

– Заплачу нормально, – Виктор решил не мелочиться и сразу пошёл с козырей.

– Да это понятно, – сказал Николай. – Я вообще-то не собирался сегодня, да и пива уже выпил. Завтра в Борисово поеду и бесплатно могу отвезти. Ты к кому приехал-то? Или на рыбалку?

Виктор замешкался. Ну вот что ему сказать, какой из него рыбак?

– Геолог я, – первое, что пришло в голову, сморозил он. – Думал, доберусь до Борисово засветло, а тут никто по пути не попался. Куда вот теперь ночью? Я заплачу хорошо, – опять повторил он.

Колян недоверчиво оглядел Виктора.

– И чего ты тут золото, что ли, искал, геолог? – хмыкнул он с улыбкой.

Ярский вздрогнул и поёжился.

– Ну тип того. Не совсем золото, камушки разные, породы, – как-то совсем неуверенно ответил он, проклиная себя за это своё неумение врать.

– В общем так, – Виктор решил не выдумывать – в конце концов, чё титьки-то мять. – Заплачу до Бабаево сто долларов – до Череповца, двести. Если пиво выпил, я могу за руль сесть, права есть. Поедешь?

Николай недоверчиво округлил глаза:

– Ты чего, олигарх, что ли? Двести баксов – это почти шесть тысяч. Гонишь.

– И ещё бак бензина заправлю, – решил добить Виктор. – Решай быстрее: едем, нет?

– Чё «быстрее», а то у тебя очередь из таксистов тут стоит! – ухмыльнулся Колян. – Ладно, поехали, чего там, до Череповца за шесть штук можно напрячься. Только деньги вперёд, – он недоверчиво посмотрел на странного пассажира.

– Половину – сразу, половину – когда в Черепе будем, – осадил его Виктор.

– Тогда бак сразу заправим, я на мели, – показал на крышку бака Николай.

– Лады. Замётано. – Виктор протянул руку.

Колян хлопнул по руке: – Погоди, документы возьму.

В общем, сторговались. Пока Колян ходил в дом, Ярский сунул руку в рюкзак, выудил оттуда пачку баксов. Вытащил несколько купюр, штук десять-пятнадцать, сунул в наружный карман куртки. Застегнул молнию. Пачку бросил обратно в рюкзак, тщательно завязав шнурок. Ладно, пока вроде всё по плану. Вышел Колян. Виктор протянул ему стодолларовую купюру. Тот взял в руки, посмотрел на свет, потёр пальцами. Интересная особенность: наверное, девятью девятью процентов россиян делают это, взяв в руки доллары или евро (прим. автора*).

– Настоящие хоть? – спросил Колян. – Рублей-то нет, что ли?

– Ну так договорились же на баксы. – Виктор улыбнулся своей самой доброжелательной улыбкой. – Зарплату долларами выдали, – пошутил он и добавил: – Заправлю тебя на рубли, не беспокойся.

– Ладно, поехали. – По Коляну было видно, что он явно не в восторге от такого странного пассажира, но желание заработать превысило беспокойство, и он, уверенно прыгнув на водительское сиденье, громко хлопнул дверью.

Виктор хотел поставить рюкзак на заднее сиденье, но, открыв дверь, увидел, что оно снято, а на полу просто лежал деревянный поддон. Виктор аккуратно поставил рюкзак прямо на этот поддон, но, как он ни старался, всё равно слитки предательски брякнули.

– Всё-таки золото у тебя там, – засмеялся Колян, указывая на рюкзак, когда Виктор забрался на переднее пассажирское сиденье.

– Ага, – честно сказал он. – Килограммов пятнадцать где-то.

– Да уж, – заводя мотор и улыбаясь, подтвердил Колян. – Было бы так, ходил бы ты тут по деревням с таким мешком.

– Может, я всё-таки поеду? – предложил Виктор.

– Сам справлюсь, – ухмыльнулся Колян. С хрустом включил заднюю передачу и шустро выехал на дорогу.

Ярский улыбался. Жизнь налаживалась. Машинка оказалась на удивление резвой. Снег почти везде сошёл, но, несмотря на раздолбанную в распутицу дорогу, Колян нажимал на газ, лихо объезжая лужи и проходя крутые повороты. Виктор смотрел на лучи дальнего света перед машиной и размышлял. Россия-матушка, почему нет нормальных дорог? Ведь такая богатая

страна, столько ресурсов, можно отстроить асфальтированные дороги до всех самых отдаленных деревень. В чём секрет? Может, в погоде, может, слишком большие расстояния. Но нет, взять любую европейскую страну, да хотя бы ту же Норвегию. Климат там не теплее нашего. Про Норвегию он много читал, что уровень жизни там чуть ли не на первом месте в мире, люди прекрасно зарабатывают и могут позволить себе отлично жить, практически ни в чем себе не отказывая. Сомнительно, что там есть хоть одна вот такая дорога. Подпрыгнули на очередной яме, Виктор опять ухмыльнулся. Ну как так-то?! Ведь несложно сделать подсыпку, пустить грейдер. Пусть не идеально, не асфальт или бетон, но вот эти ужасные ямы можно ведь засыпать, и стоять это будет не так дорого. Это должно быть кому-то надо, кому-то влиятельному. И богатому. Опять мысли вернулись к своему грузу. Он теперь богат. Не настолько, конечно, чтобы строить дороги, но он сможет, по крайней мере, устроить свою жизнь.

Наконец появилось твёрдое покрытие, Колян прибавил ходу. Время от времени попадая в ямки то одним колесом, то другим, матерился сквозь зубы, но не зло, а так, по привычке.

– Борисово-Судское, – сказал он, когда въехали в очередную деревеньку. – Дальше повеселее пойдёт.

– Не торопимся особо, – заметил Виктор. – Главное, чтоб доехала твоя беда, обратно же ещё тебе возвращаться.

– Не бойсь, – не обиделся на «беду» Колян. – Это она с виду такая стрёмная, там всё поменяно, всё работает, вот ща денег дашь – резину поменяю, побегаёт ещё.

– Ты в Борисово живёшь, я так понял, а работаешь кем? – спросил Виктор, просто чтобы поддержать разговор.

– Да я тока осенью с армейки пришёл, так на подхвате, постоянной работы нет. А жлыга от бати осталась, подшаманил, катаюсь. У дядьки мясная лавка в Бабаево, иногда вожу ему мясо от фермеров. Так чтоб на бенз да на пивас. Думаю в город перебираться, здесь точно нечего ловить. Мамке дом подправлю, немного деньжат подкоплю и уеду нахер отсюда.

– Куда поедешь?

– Да без разницы, не решил ещё. Кореш в Череп зовет. На «Северсталь» поможет устроиться. Там видно будет, может, осенью. Летом-то в деревке суперски, девчонки понаедут, – он озорно подмигнул.

Виктор кивнул и поднял большой палец. На заправке оплатил бензин, устроился поудобнее и задремал. Даже нет, походу, полноценно уснул. Спал, наверное, целый час, но, когда Колян замедлился и защёлкал поворотник, Виктор мгновенно проснулся, однако сидел с закрытыми глазами. Немного напрягся, когда машина остановилась.

– Всё, Витёк, садись за руль, меня рубит песец как.

– А где мы? – продрал глаза Виктор.

– Да Лентьево, сотка с копейками осталась, а я уж два раза обочину словил, быстро не едь, только девяносто, иначе жрёт бенз, как грузовик.

Виктор ехал небыстро, ехал и думал. За рулем он всегда думал о чём-нибудь. Сейчас почему-то думалось о российской глубинке. Вот сидит и тихо похрапывает Колька. Молодой пацан, вроде неплохой парень. Родился и вырос в селе, наверное, окончил какую-нибудь фэз-эуху. Не откосил, честно отслужил армейку. И вот чего ему там делать, ни работы, никаких развлечух. Ну, у этого хоть мысли правильные: хочет поехать в город, найти работу. Хотя с другой стороны, а кто там останется, кто будет заниматься сельским хозяйством? Народ в глубинке, за редким исключением, просто спивается. А как по-другому? Как сделать так, чтобы не уезжали? Не реально. А если в масштабах всей страны? Стало почему-то грустно от всего этого. Да пофиг, ему-то чего. Надо устраивать свою жизнь, а не мечтать о восстановлении постсоветских руин. Разве есть ему дело до этого Коляна? Пусть он живёт своей деревенской жизнью, а Виктор будет жить своей. У них договор, по которому он и так предложил оплату раза в три

больше, чем таксисту, так что доедем и разбежимся, а через пару дней он забудет, как его зовут. Всё честно. Всё по понятиям. Пацан сказал – пацан сделал.

Незаметно приехали, справа показался завод, дымили трубы, создавая перманентную жуткую вонь. Вот и любимый Череповец, воздух здесь – то ещё говнище. Как ни странно, но Череповец Виктор считал своим родным городом. Приехал он сюда, когда ему было всего пятнадцать лет, но Белозерск, где он родился и вырос, ну никак не был ему родным, а вот Череп сразу полюбился. Здесь прошли юношеские годы. Много всего было. Да и ладно, хватит с него. Теперь он точно свалит отсюда. Без вариантов. Питер – это будет следующий большой шаг в его жизни.

Когда подъехали к дому, было уже около двух ночи. Виктор припарковался на маленькой стоянке напротив своего подъезда. Как раз оставалось одно место. В последнее время с местами во дворах стало сложнее. Многие автолюбители как-то разом забили на платные стоянки и стали ставить свои авто во дворах. Время девяностых прошло, стало спокойнее. Колян мирно спал. Будить не хотелось. Ему ещё обратно пилить такую дорогу. Почему-то стало жалко парня. Вроде правильный пацан. Без разговоров согласился довезти незнакомого человека. Был бы Виктор на его месте, повёз бы? Вряд ли. Подумал бы, что развод какой-то. Опять вспомнил Сиплого, улыбнулся. Тот бы повёз. У Сани чувство самосохранения отсутствовало напрочь. Посмотрел на спящего Коляна, тронул его за плечо:

– Эй, пожарник!

– А, чего, приехали? – быстро встрепенулся тот.

Решение пришло мгновенно.

– Слышь, Колян, – сказал Виктор, – если хочешь, можешь у меня заночевать. Выспишься, утром поедешь.

– Да не-е, неудобно как-то, – Колян мялся, но видно было, что перспектива гнать обратно без отдыха особого энтузиазма не вызывала.

Виктор это заметил и уже безапелляционно заявил:

– Не обсуждается. Я один живу, не стеснишь. Давай, пошли.

Взвалил свой неподъемный рюкзак, подождал, пока Колян закроет свою колымагу. Пошли наверх. Пятый этаж пятиэтажки. Дома не был почти неделю.

– Заходи, будь как дома, – Виктор включил свет в прихожей. Стал разуваться.

– Но не забывай, что в гостях, – продолжил поговорку Колян.

– Точняк, – улыбнулся Виктор. – Шаришь.

Колян тоже разулся, повесил куртку на вешалку, огляделся:

– Ничё у тебя берлога, вроде двушка?

– Однушка, – поправил Виктор, – но большая, 125-я серия, если тебе это о чём-нибудь говорит.

– Ни о чём, – развёл руками Колян. – Но ничего так однушка, метров пятьдесят, поди?

– Ну да, сорок с чем-то. Для одного – за глаза. Есть чего-нибудь будешь или чай?

– Нет, спасибо, мне бы кости куда-нибудь кинуть, а то утро уже скоро, – Колян оглядывался по сторонам.

– Диван твой, – Виктор показал на большой угловой диван. – Бельё сейчас дам.

– Не, не надо ничего, не заморачивайся, – замахал руками Колян. – Сотку лучше дай, пока не забыл.

Виктор действительно совершенно забыл про оплату. Как-то скорешились по дороге, совсем вылетело из головы. Достал сто баксов, подал Коляну. Тот повертел в руках, опять посмотрел на свет, сунул в карман. Кивнул: спасибо, мол.

– Ладно, ты ложись, – сказал Виктор, – я тут ещё покопошусь немного.

– Окейно, – зевнул Колян и прямо в одежде завалился спать.

Вышел на кухню, поставил чайник. Сна не было ни в одном глазу. Ну да и ладно. В углу стоял, аккуратно замаскированный под гарнитур и прикрученный к полу на четыре огромных самореза, большой оружейный шкаф. Когда-то Виктор был заядлым охотником и хранил там два своих ружья: гладкоствольный ТОЗ двенадцатого калибра и нарезную «Сайгу». Потом к охоте он охладел, ружья продал, а шкаф остался. Для непосвящённого человека он выглядел как обычный кухонный ящик, но на самом деле это был неплохой сейф. В нём он и закрыл свой драгоценный груз.

Детство, проведённое в детдоме, многому научило Виктора. Чувство самосохранения и недоверие к незнакомым людям, выработанные до автоматизма, не раз выручали его. Попил чаю со сладкими пряниками и почти сразу почувствовал усталость. Надо было бы сходить в душ и завалиться в мягкую кровать, но опять же внутренний голос аккуратно намекнул, что... ну, не стоит. Сильно болели плечи. Видимо, всё-таки натёр лямками от рюкзака. Пока шёл – не замечал, а сейчас, когда расслабился, боль была ощутимая. Ладно, это мелочи. Пройдёт. Так и задремал, сидя на уютном диванчике за кухонным столом. Всё нормально. Будет ещё время выспаться.

Виктор проснулся за секунду до того, как Колян встал с дивана. Как у него это получалось, он сам не понимал. Это шестое или седьмое чувство, когда тебе не надо ни слышать, ни видеть, ты просто чувствуешь. Послышались шаги. Колян протопал в туалет. Виктор глянул на настенные часы. Почти восемь. Нормально. Пока Колян журчал водой в ванной, Виктор включил газ, достал медную турку, поставил вариться кофе. Рецепт у него был свой. Много кофе, чуть соли, чуть перца и чуть корицы. Аромат кофе пошёл по всей квартире.

– О-о, вкуснятина, – повёл носом Колян. – Доброе утро, Витёк, ты чего, не спал, что ли?

– Почему, нормально всё, выспался, сейчас кофе будет. Сам как?

– Да как убитый спал. Хорошо, что не поехал вчера обратно. Реально уставший был.

– А то! – Виктор разлил кофе, добавив сливки, сделал бутеры. Позавтракали.

– Ладно, я поехал тогда. – Колян засобирался. – Спасибо за кофе, ну, это... и за деньги тоже.

– Обращайся. – Виктор пожал протянутую руку. – Слушай, дружище, давай я тебе ещё на обратную дорогу дам?

– Да необязательно, – заулыбался Колян, – и так вроде хорошо заплатил.

– Нормально всё. – Виктор достал из кармана ещё двести баксов и протянул Коляну.

Тот ошарашенно смотрел на него и не брал. Видя, что Колян в замешательстве, Виктор засунул деньги ему в боковой карман куртки и добавил:

– Колёса поменяй, ведёт машину на скорости.

– Ну, это... Спасибо тебе, – промолвил Колян и добавил: – большое. А ты клад, что ли, нашёл, так деньгами бросаешься?

Виктор развёл руками и как-то по-отечески сказал:

– Ну давай, дуй отсюда.

Только когда дверь за Коляном закрылась, он смог по-настоящему расслабиться. Сбросив с себя одежду, загрузил всё в стиральную машину и долго стоял под душем, меняя воду, то на горячую, то на холодную. Потом безмятежно заснул на чистом белье, с чистой совестью и улыбкой на лице.

Глава четвертая

Середина апреля 2005

Продать доллары труда не составило. Курс был около двадцати восьми рублей за доллар. В банке спред между покупкой и продажей рубля полтора-два. У спекулянтов, которые уже второй десяток лет почти легально стояли на ступеньках СКЗ «Алмаз», разница была гораздо меньше. Многих ребят Виктор знал ещё с девяностых. Решил не светиться и продавать маленькими суммами, придумав легенду, что продал хату, а рассчитались долларами. Да кому, собственно, какое дело?

– Сколько у тебя? – поздоровавшись с Виктором, спросил бывший боксёр южных кровей, с перебитым в боях носом, а ныне уважаемый валютный спекулянт Толян.

– Десятка, – буднично ответил Ярский, думая, что тот сейчас скажет, что, мол, столько с собой нет и надо куда-то съездить, привезти наличку, но Толян просто уточнил: – Тысяч?

– Ну да, – улыбнулся Виктор.

– 27.50, – объявил Толян.

– Так в Сбере столько дают, – попробовал поторговаться Виктор.

– Не гони, Витёк, в Сбере копеек на пятьдесят меньше, ладно, 27.60 – это край, – Толян крутил в руках калькулятор, жестикулируя и объясняя, что, мол, это лучшее, что он может дать, и то по великой дружбе народов.

– Лады, давай.

Подожли к машине, запаркованной прямо около «Алмаза». В новеньком «Форд Фокусе» сидели ещё два человека. Толян сказал коллегам отсчитать 276 тысяч рублей. Виктор протянул доллары и убрал рубли в карман.

– Даже не пересчитаешь? – ухмыльнулся из «форда» Ганс – кореш и напарник Толяна.

– Верю. – Виктор попрощался, через плечо кинул: – На днях ещё зайду.

– Хорошо. – Толян пересчитал доллары и отдал парням в машину. – Позвони сначала, если сумма большая.

С золотом дела обстояли сложнее. Во-первых, слитки были с гербовым оттиском Советского Союза. Виктор понятия не имел о легальности происхождения жёлтого металла. Во-вторых, непонятна была цена, по которой продавать. Поинтересовался в ломбарде, почём они возьмут золото в слитках. Не стал говорить сколько, просто спросил цену за грамм. Сказали, что надо разговаривать, но около двухсот пятидесяти рублей. Залез в интернет. Цена на бирже была в долларах за унцию. Путём несложных математических действий вычислил цену в рублях. Получилось намного дороже. Около четырёхсот рублей за грамм. Получается, что всего у него было золота на сумму от четырёх до пяти с половиной миллионов рублей за всё. Не так уж и много, как показалось вначале. Это, конечно, большая сумма, но не такая уж и баснословная. Эйфория постепенно сменялась лёгким разочарованием. Вот как всё-таки устроен человек. Пару месяцев назад он был готов к любой вакансии, чтобы хоть что-то заработать, теперь, когда денег куча, спустя всего пару недель после его похода в леса эта куча не кажется такой уж огромной. Да ещё надо учесть, что деньги не все его. Виктор каждый день вспоминал, что надо собраться и хоть съездить к этим людям, но всё откладывал.

За несколько дней он продал девяносто тысяч долларов из ста, что были у него. Десять тысяч решил оставить, и он ни за что бы не смог ответить, если бы кто-нибудь спросил у него: почему продал не все сто? Золото продал местечковому олигарху и владельцу сети микрозаймов Артёму Левину. С Артёмом договорились по триста, и тот, забрав один слиток, буквально на следующий день перезвонил и сказал, что заберёт остальное. Это было немного дороже, чем принимал ломбард. Так же Левин не задавал лишних вопросов, что вполне устраивало Виктора. Сначала он хотел сбыть всё, но, подумав, решил продать половину. Получилось чуть

больше двух миллионов рублей. Пока хватит. Первым делом купил себе новейший телефон Nokia взамен своего старенького исцарапанного Simens. Причём особо не выбирал, а просто указал продавцу на самый дорогой, который был на витрине. Зашёл в магазин «Компьютерный Мир», что на Первомайской, и купил самый навороченный ноутбук. Свой старинный пентиум с допотопным монитором, от которого частенько рябило в глазах, вытащив жёсткий диск, безжалостно выбросил на помойку.

Приобрёл парочку автомобильных журналов, начал выбирать себе машину. После недолгих размышлений остались два варианта: либо Land Cruiser Prado, либо Mercedes ML – оба неплохие внедорожники, вернее, мерс вряд ли можно назвать внедорожником, хоть он и полноприводный. Не особо парился, подбросил монетку, выпал «мерседес». По рекламе позвонил в Питер, в первый попавшийся автосалон. Мягко говоря, был разочарован. Его очень вежливо послали, сказав, что машин нет, все под заказ и ждать чуть ли не год. Да ладно? Позвонил в Москву официальному дилеру. Там оказались сговорчивее, но ситуация примерно та же. Оставить предоплату, заключив договор, через какое-то время придёт машина. Но Виктору порекомендовали приехать и на месте поговорить, типа не по телефону. Было ясно – всё дело в цене. Что же, цена сегодня особо не имела значения. Всё-таки деньгами легко решается много вопросов.

Виктор сидел у себя на кухне, разглядывая очередную картинку БМВ новой модели, когда зазвонил телефон. Последнее время на городской звонили редко. Всё чаще и чаще люди стали пользоваться мобильной связью, почти у каждого школьника появились сотовые телефоны. Виктор уже подумывал, не отказаться ли от городского номера, но без номера не давали интернет. Поднял трубку, гадая, кто бы это мог быть.

– Слушаю.

– Привет, Витюша, – это была Анечка.

Даже по голосу Ярский слышал или чувствовал, что она улыбается. Он ненавидел, когда она его так величала. Она прекрасно это знала, но то ли из вредности, то ли по привычке время от времени продолжала называть его Витюшей.

– Привет, – лаконично ответил Виктор.

Не сказать, что он был не рад звонку, просто хотел выдержать паузу и послушать, чего это она вдруг надумала позвонить.

– Ой, какой серьёзный у нас Витечка, – делано детским голосом заговорила Аня. – Вроде и не рад совсем. Заметь, я первая позвонила. Как дела у тебя?

Виктор помолчал несколько секунд, сам не понимая, хочет ли он продолжать разговор. Не виделись и даже не созванивались почти пять месяцев. По правде сказать, позвонить желание было. Пару раз даже начинал набирать номер, но что-то останавливало. Уж больно легко и непринуждённо стало жить после ухода Аньки. Когда она забрала свои вещи, утащила всё, что он ей дарил, что естественно. Но ведь не поленилась взять тяжёлую кофемашину, не забыв прихватить с собой даже общий ноутбук, который почему-то считала своим. Виктор был не против. Он был даже рад. Сделав генеральную уборку, выбросил всё, что напоминало об их отношениях. И вздохнул свободно. Правда, через несколько дней стало невыносимо грустно. Захотелось вернуть Аньку назад, захотелось начать всё сначала. Ведь за два года, проведённых вместе, было всё не так уж плохо. Виктор её по-своему любил. Наверное, любил. Он не был в этом уверен, но с ней было хорошо. Если бы не этот её дурной командирский характер. Да, Анна, родившаяся и выросшая в Череповце, мечтала о хорошей жизни. Мечтала уехать жить за границу. Хотела пышную свадьбу с множеством фоток, хотела, чтобы её муж был успешным и зарабатывал большие деньги. А что в этом плохого? Но это был не его выбор, это она ушла. Ну и скатертью.

– Нормально дела, живу, – Виктор старался быть подчеркнуто дистанцированным, но он был рад, да, он был чертовски рад этому звонку.

– А я думала о тебе и решила позвонить, хоть узнать, как ты там. На самом деле, Витечка, я сильно соскучилась, – она сделала паузу, но Виктор молчал, потом добавила: – Если хочешь, я приеду.

Виктору показалось, что она даже всхлипнула. Но это только показалось. Анька несентиментальная. Хотел бы он, чтобы она приехала? Да, мать его, конечно бы хотел. Хотел бы начать всё заново? Здесь были вопросы. Да ладно, будь что будет.

– Приезжай, – сказал Виктор как можно безразличнее, хотя сердце бешено колотилось, потом добавил: – Если хочешь.

Через час они уже занимались сексом, изо всех сил скрипя кроватью. Потом заказали пиццу и, как два голодных любовника, не вылезали из постели до вечера.

– Хорошо, что я позвонила? – спросила покрасневшая и довольная Анька.

– Не то слово! – Виктор реально был счастлив.

– Мне остаться? – спросила она, легонько ткнув его в бок.

– Как хочешь, – улыбаясь, ответил он, жуя кусок пиццы, понимая, что никуда она уже не уйдет. Всё решено.

– Гад, – изобразила обиду Анька. – Ладно, надо будет вещи перевезти завтра.

Ну вот и закончилась холостяцкая жизнь. Опять в ванной будут полные полки всяких тюбиков, кремов и помад. Да и ладно. Переживём.

* * *

На самолёте до Москвы всего час. Сказано – сделано. Не стал объяснять Анне, зачем собрался в Москву, а она на удивление допытываться не стала. Видимо, решила поумерить привычку всё и всегда контролировать. Ну, это временно, в этом Виктор был уверен. И вот он уже ехал на свеженькой «Камри», по утреннему МКАДу, а весёлый и бодрый кавказец лихо играл в шашечки на скорости далеко за сто, умело обгоняя то справа, то слева легковушки и грузовики. Рассчитавшись с таксистом, Виктор вошёл в большой красивый автосалон «Авилон», официальный дилер «Мерседес-Бенц». Всё здесь пахло роскошью: от стеклянных стен помещения, роскошных автомобилей, блестящих своими лакированными поверхностями, до тщательно подобранного и вымуштрованного персонала.

Тут же к нему подошла симпатичная девушка лет двадцати пяти, одетая в строгий чёрно-белый деловой костюм, который нисколько не скрывал её фигуру, а наоборот, подчёркивал идеальные ножки, грудь. Длинные волосы были умело собраны и закреплены красивой, элегантной заколкой. Ну прямо хоть на подиум.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась она, обнажив ровные беленькие зубки. – Вам помочь?

– Доброе утро, Марина, – поздоровался Виктор, прочитав имя девушки на прикреплённом на очаровательной груди стильном бейджике.

– Я хотел бы приобрести в собственность автомобиль марки «Мерседес», – пошутил он и тут же пожалел. Как-то нелепо пошутилось.

Но девушка, ничуть не смутившись, не переставая очаровательно улыбаться, парировала:

– Тогда вы точно пришли по адресу. Мы как раз продаём «мерседесы» в собственность. Вот, присаживайтесь поудобнее, – она указала на шикарный кожаный диван с низким стеклянным столиком перед ним. – Я приглашу консультанта. Вам принести что-нибудь? Кофе, чай, сок?

– Кофе, пожалуйста. Сливки, сахар. Спасибо большое. – Виктор присел на мягкий удобный диван, взял глянцевый журнал с автомобилями, стал разглядывать картинки. Буквально через три минуты вернулась Марина, неся на маленьком блестящем подносе чашку с дымящимся кофе, сахар, сливки в мини-пакетиках и маленький кусочек пирожного, похожего

на венское печение. Кофе был идеальный. Вкус бесподобный. Сразу видно, что это не какой-то растворимый ширпотреб, а настоящий, только что смолотый хороший кофе. Настроение было великолепным. Немудрено: всё продумано. Сервис на уровне.

К слову сказать, ждать пришлось достаточно долго. Минут пятнадцать, не меньше, но Виктора это не напрягало. Он просто наслаждался, оглядываясь по сторонам. Людей в салоне немного. Утро. Но посетители были. Кто-то разглядывал машины, некоторые просто сидели за столом и что-то обсуждали с менеджерами. Наконец к Виктору подошёл мужчина. Он был примерно его возраста, одет так же, как и Марина, подчёркнуто строго и в то же время стильно.

– Доброе утро, я Руслан, – вежливо и услужливо он протянул руку, извинился за ожидание и спросил, каким автомобилем Виктор интересуется. Парень говорил с лёгким акцентом. Виктор объяснил в двух словах, что он хочет, а Руслан, глядя прямо в глаза, интенсивно с пониманием кивал и повторял:

– Да, да, конечно, да. Понимаете, большая очередь на эти машины. Вам придётся ждать несколько месяцев, но при дополнительной оплате вы можете уехать на машине хоть сегодня. Разница в цене будет существенная. Ну, вы же понимаете, – улыбнулся он.

Затем Руслан показал красивый ML-350 зелёного цвета. Открыл дверь, пригласил посидеть, посмотреть внутри.

– Смотрите, Виктор, эта модель уже с ПТС, можно прямо садиться и ехать. Мощность – триста сил, объем – три с половиной литра, бензин. Очень удачная модель. Вы спрашивайте, если что интересно.

Ярский сел на водительское сиденье, взялся руками за руль. И тут же влюбился. Всё было так удобно и чётко. Не хотелось вылезать.

– А белый такой есть? – спросил он Руслана.

Тот улыбнулся,

– Мы посмотрим. Давайте пройдем за стол, поглядим, что есть ещё в наличии и определимся с ценой.

Деловито и не стесняясь, Руслан называл цены. Столько-то стоит базовая модель, здесь доплата за цвет, здесь за диски, сигналку – допы, допы, допы. Даже за коврики была отдельная оплата. По итогу вышло два миллиона девятьсот тысяч. Но это если ждать полгода и более. Чтобы забрать машину сегодня, цена выросла сразу на пятьсот тысяч. То есть три миллиона четыреста. Да-а, за мечту надо платить. Видя замешательство Виктора, умный консультант сразу смекнул, что надо немного сбавить обороты.

– У меня есть к вам такое предложение, – не переставая улыбаться, Руслан взял чистый лист бумаги. – Это, конечно, против правил, и надо согласовать с начальством, но, если вы оставите предоплату миллион наличными, попробуем сделать цену чуть больше трёх миллионов. Но машина придёт где-то через полтора-два месяца.

Виктор посмотрел на бумагу, там было написано: на самом деле две-три недели. Улыбнулся. Ну что ж, везде свои нюансы. Всем хочется заработать. Взял у Руслана листок и дописал: «А гарантии» – и поставил большой знак вопроса. Но тот только улыбнулся и пожал плечами: мол, я и так делаю всё, что от меня зависит.

Домой улетел на вечернем самолёте. Глядел в иллюминатор на Рыбинское водохранилище. Острова, вода, опять острова. Красиво. Сверху всё казалось таким мультяшным и ненастоящим. В голове вертелись разные мысли. Виктор не был уверен, правильно ли он сделал, отдав миллион предоплаты за новую машину. Ведь он не глупый человек и прекрасно понимал, что деньги, так легко упавшие к нему на голову – это одноразовое явление. После того, как он купит квартиру, их не останется совсем. А на что жить? Не лучше ли было вложить в какой-нибудь бизнес, который принесёт пусть небольшой, но постоянный доход? А машина – это же очень дорогая игрушка, требующая дополнительных расходов. Сначала Виктор не учитывал

ни обслуживание, ни страховку, но уже в салоне к нему подошла девушка из страховой компании и предложила застраховаться у них. У него волосы на затылке зашевелились, когда она рассчитала ему полную страховку КАСКО. Это были сотни тысяч рублей в год. Но с другой стороны, это была мечта его юности. Мечта купить хорошую, дорогую машину.

Виктор пошёл по своему методу, подбросив монетку. Орёл – покупает машину, решка – не покупает. Выпал орёл. Собственно, всё и решилось само собой. А ещё теперь у него опять появилась Анна. И если один он мог прожить на копейки, не покупая себе ничего лишнего, то Анна – это была существенная статья расходов. Самолёт плавно шел на снижение. Внизу появилась река Ягорба и дачи. Он опять вспомнил про Николаса и его друзей, к которым надо обязательно съездить. Обязательно.

Анна повисла на шее у Виктора, как только он открыл дверь. На кухне красивой дымящейся горкой его ждали блины. Любимое лакомство. Варенье, из крыжовника, сметана, мёд.

– Голодный? Руки мыть и за стол, – скомандовала Анька. Она умела быть классной, доброй и заботливой хозяйкой. Когда хотела, конечно.

– Может, в душ сначала? Целый день на ногах. – Виктор только сейчас почувствовал, какой он голодный.

– Нет, блины остынут, садись лопать, потом помоешься, – сказала Анна тоном, не терпящим возражений.

Блины были великолепны. Умял, наверное, с десяток. Такая вкуснятина. Анька забралась на диван, подогнула под себя ноги, оперлась подбородком на свои миниатюрные ладошки и в упор смотрела, как Виктор с удовольствием жуёт.

– Вкусно, – с набитым ртом кивнул он. – Сама напекла?

– Дурак, что ли? В кулинарии заказала, привезли, – пошутила она, не переставая поедать его взглядом.

Похоже, она чего-то ждала от него, возможно, какой-то информации. Он молчал, думал. Вообще, пока они жили вместе, особых секретов у них друг от друга не было, но что-то подсказывало Виктору, что не стоит пока рассказывать Аньке про... Про что? Надо было рассказывать либо про всё, с самого начала, либо молчать как рыба. Зная её характер, можно было предположить, что, если он скажет даже самую малость, Анна вытянет из него все подробности. А он пока к этому был не готов.

– Нюра, а нафига я тебе? – внезапно спросил он без каких-либо прелюдий.

Виктор порой сам себе удивлялся: как он мог внезапно сказать что-нибудь такое, что заставляло собеседника врасплох. Но Анька не растерялась и как будто бы даже ждала такого вопроса.

– Ну как нафига? – улыбка моментально слетела с её лица. – Мне с тобой хорошо.

– Да я не про это, – Виктор решил расставить точки над «i». – Мне с тобой тоже хорошо. Но для этого не обязательно жить вместе. Ты же знаешь, что я не люблю врать. И не люблю, когда мне врут. Ты мне не звонила почти полгода – и вдруг. Можешь объяснить, с чего такая любезность, почему ты решила переехать обратно? И вообще...

– ...и где моя кофемашинка? – со смехом закончила за него фразу Анна.

– Да, кстати, где? – улыбнулся Виктор. – Но Анька, я серьёзно.

– Ладно, – Анна вдруг перестала улыбаться. – Хочешь на чистоту? Я случайно видела Ганса с Толяном. Мы обедали в «Трёх апельсинах» за соседними столиками. Он же знает, что мы расстались. Так вот, он сказал, что ты вроде как поднялся. То ли бизнес какой продал, то ли ещё чего. Мне, правда, стало интересно. Я стала спрашивать, но он больше ничего не сказал. Вот я и решила. Может, мы, ну... может, начнем снова.

– Я понял, – сказал он.

В голове сложился пазл, сложился чётко и ровно. Можно было выгнать её прямо сейчас, но Анькина прямота и в какой-то степени честность сгладили углы. Виктор тоже решил не лукавить.

– Хорошо, я думаю, зная меня как облупленного, – он тщательно подбирал слова, – ты должна была с этого начать. Это было бы, по крайней мере, честно. А не петь песни про то, как ты соскучилась. Так?

Она молча кивала, уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но он поднял руку и продолжил:

– У меня в жизни кое-что произошло. На меня как снег на голову свалилась большая сумма денег. Это не мои деньги, вернее, не совсем мои. Но часть из них моя. И у меня есть кое-какие обязательства. Это пока всё что я могу сказать. И я, вероятно, уеду из Черепа. Скорее всего, в Питер. И скорее всего, очень скоро, – Виктор замолчал и вопросительно посмотрел на Анну.

– Хорошо, – кивнула она, улыбнувшись. – Я всё поняла. Как блинчики?

Женщины правят миром. Мужики только думают, что они тут главные. Бог сделал Еву из ребра Адама. Как это понять? Что это за ребро было такое, что мы стали преклоняться перед ними? А ещё они называли себя слабым полом. Не-ет, женщины выют из нас верёвки. Априори. Ни один мужик не устоит перед чарами умной и красивой женщины. Мы можем быть сильнее физически, иметь социальное превосходство, но стоит женщине включить своё обаяние, немного хитрости и своего умения, и мужчина сделает для неё всё: пойдёт на любые жертвы, если надо, развяжет войну или добудет самый дорогой самоцвет из пасти дракона.

Как блинчики? Конечно, это было вкусно, но разве дело в этом! В этот раз Виктор не подбрасывал монетку. Он и так знал, что выпадет. Ладно, время рассудит.

10 Мая 2005

Мобильный зазвонил и выдернул Виктора из сладкого сна. Чтоб не разбудить, вылез из Анькиных объятий, вышел на кухню, плотно закрыв за собой дверь. Звонил Руслан:

– Виктор, доброе утро, ваша машинка пришла, можете забирать, могу скинуть копию ПТС, если надо.

– Не надо. – Он проснулся окончательно. – Когда можно забрать?

– Да хоть сегодня, – ответил Руслан. – перезвоните, когда будете готовы. Хорошего дня.

Ну вот и решилось. Как и обещал, меньше трёх недель. Виктор посмотрел на часы. Восемь утра. Аньку будить не стал. Быстро оделся, съездил на вокзал, купил два билета на вечерний до Москвы. Решил не мелочиться и взял СВ. Норм, ему без разницы, а Аньке понравится. Решил ничего не говорить про машину, пусть будет сюрприз.

Вечером Анна уже собиралась в ванную, смывать свои помады или чего там они смывают на ночь. Виктор притормозил её, предложив сначала выпить по чашке кофе.

– На ночь-то? – округлила глаза Нюрка. – Подожди тогда, я быстро.

– Не торопись. – Он, поставив турку на медленный огонь, сказал: – В Москву есть желание съездить?

– В смысле? Когда? – Анька высунулась из ванной, держа в руке флакончик с каким-то прозрачным волшебным зельем.

– Да сейчас прямо. – Виктор поднял голову на настенные часы: – Поезд через час.

– Ты! Ты с ума сошёл! А чего, заранее-то не судьба сказать?! Мне собираться только часа два.

– А ну ладно, я тогда один поеду. – Виктор прикалывался. Он знал, Анька любит такие фишки. Она была та ещё сорвиголова, и его всегда забавляло это её искреннее удивление. Анька гордо выпрямилась и многозначительно показала ему красивую фигу. Затем она подбежала и повисла у него на шее.

– Ты гад, – она поцеловала его в губы. – Ты настоящий гад, но я тебя всё равно люблю. За это ты будешь пить свой кофе один, я пошла собираться.

Через несколько минут из комнаты донеслось:

– Мы надолго?

– На один день, – громко сказал Виктор, отпивая горячий кофе, и, улыбаясь, добавил: – Утюг и термос брать не надо.

К слову сказать, собралась она быстро. Даже успела состряпать парочку аппетитных сэндвичей. Виктор вызывал такси, когда Анна уже вертелась перед зеркалом в своем элегантном плаще, юбке-мини и полусапожках цвета вишни. У двери стояла внушительных размеров дорожная сумка.

Посмотрев на сумку, он, покачав головой, пробурчал:

– Я же сказал, на день, а не на две недели.

– Ну ты меня удивил! – Анька смотрела в окно на удаляющийся ж/д вокзал. – Сто лет не ездила в эсвэшке. Как удобно здесь! Блин, Витька, ты такой молодец всё-таки! Вот ведь сюрприз! А если бы мне завтра на работу?

Он пожал плечами. Честно говоря, об этом даже не подумалось. Анька достала свои запасы, когда принесли чай.

– А мы зачем в Москву? – спросила она наконец, откусывая кусочек от бутерброда с сыром.

– Да так, по делам, – уклончиво ответил Виктор. – Завтра увидишь.

– Деловой ты мой. – Анька закатила глаза, откусывая очередной кусок. – Я, оказывается, такая голодная...

Виктор смотрел на довольную подругу и втайне, как бы украдкой, поблагодарил Бога за всё, что у него есть. Вероятно, это как раз и называется счастьем.

* * *

Москва. Волгоградский проспект.

– Зачем мы сюда пришли? – спросила Анна, оглядываясь по сторонам. – «Мерседес», что ли, покупать собрался? – в её голосе слышались нотки то ли настороженного смятения, то ли даже испуга.

Всё вокруг сверкало роскошью.

– Посмотрим, – лаконично ответил Виктор. – Ты посиди здесь пока, – он указал на диванчик, где недавно сам ожидал менеджера. Оформление заняло всего несколько минут. Рассчитался наличными. Тут же оплатил страховку ОСАГО. От полного покрытия КАСКО отказался, чем откровенно удивил страхового агента.

– Не бойтесь? – изумлённо округлил глаза паренёк из РЕСО-страхования. – Машина-то новая.

– Не боюсь, – отрезал Виктор тоном, не терпящим возражений, и паренёк тут же потерял к нему интерес.

Руслан поздравил Виктора с покупкой, вручил красивую кожаную сумочку с логотипом салона «Авилон» и знаком «Мерседеса», куда положил страховку, договор купли-продажи, ПТС и еще несколько разноцветных брошюр.

– Наслаждайтесь, – сказал он с улыбкой, протягивая ключи с красивым мерседесовским брелоком. – Пойдёмте, я вам расскажу немного про машину.

Анечка разглядывала глянцевого журнал с картинками, когда Виктор позвал её, подав руку. Она всё ещё, походу, не догадывалась, зачем они здесь.

– Машину покупаем, – шёпотом сказал Виктор ей на ухо, когда они подходили к беленькому красавцу ML-350.

– Девушка, присаживайтесь сюда. – Руслан с улыбкой открыл переднюю пассажирскую дверь. – Виктор, вы, пожалуйста, за руль.

Он сел в удобное кожаное кресло, мягкое и в то же время плотное. Оно было такое удобное, что Виктор как будто стал с ним единым целым. Глянул на Аньку. Она смотрела на него такими огромными глазами, что ему стало смешно. Руслан объяснил основные функции машины. Нюансы управления, память сидений, особенности трансмиссии, какие переключатели для чего. Вежливо, но настойчиво он рассказал всё, что, видимо, было положено по инструкции. Ещё раз поздравив с покупкой, он с пульта открыл роллированную дверь и пожелал счастливого пути.

И вот они уже ехали по Ярославке, слушая «Скорпионс», хором подпевали, – Time, It needs time, To win back your love again, I will be there, I will be there...

Для этого стоило жить. Для этого стоило тратить деньги. Разве можно какими-нибудь словами описать то временное, переполняющее обоих чувство радости? Конечно же, нет. Пройдут недели, быть может, всего лишь дни, Виктор понимал, что оно притупится. Нет, не пройдет совсем, но та эйфория, тот выброс эндорфина исчезнет. Не будет уже такого острого чувства радости. Но сегодня, сегодня это было бескрайнее счастье. Свершившаяся мечта детства. Виктор даже не заметил, как у него потекли слёзы. Анька, достав платок, вытерла их. Он взял её руку и поцеловал.

– Мне кажется, что я тебя... может быть... Может быть, люблю, – сказал он, преисполненный чувств.

Это, походу, была правда.

– Не истери, – с улыбкой и как-то прагматично парировала Анька, – я знаю. Я тоже тебя люблю. Но только без «может быть», – она сжала его руку, и они долго ехали молча, слушая:

– If we'd do again, All the way from the start, I would try to change, The thing that killed our love...

Ехали и молчали. Каждый думал о своём. Виктору было очень комфортно с Анькой. С ней можно вот просто так молчать, зная, что она здесь, рядом, и она его понимает и в принципе ничего не требует. Почему-то опять вспомнился Сиплый. Где он сейчас? Жив ли хоть? Виктор порой осуждал сам себя за то, что приложил не так много усилий, чтобы разыскать своего, наверное, единственного лучшего друга. Иногда он злился на Саню, что тот не мог послать даже весточку. В отличие от Сиплого, Виктор не менял адрес вот уже много лет, и при желании отыскать его проблем бы не составило, но от Сиплого не было никаких известий.

Посмотрел на Анну. Она сидела с закрытыми глазами, откинувшись назад. Красивая молодая девчонка. Немного со своими тараканами, но ведь она классная, она вроде надежная, и, в конце концов, их многое связывает. Почему он никогда не задумывался, чтобы сделать ей предложение? Он всегда считал, что всё это временно: эта жизнь в Череповце, эта работа и эта его девушка, Анна. Ему всегда казалось, что рано или поздно он всё бросит, переедет куда-то и там будет всё по-настоящему. А это всё ненастоящее, всё временно. Всё, включая Аньку. И только сейчас, глядя на неё, мирно спящую в этом шикарном мерсе, он вдруг осознал, что неправ-то был он, не предлагая ей чего-то большего, чем просто секс. Девушки хотят стабильности и определённости, а Виктор не хотел или не мог предложить ни того ни другого.

Глава пятая

**1 июня 2005, д. Пустошка Бабаевского р-на,
Вологодской области**

Анька работала. Виктор поехал один. На самом деле он был даже рад этому. При всей той идиллии в их отношениях, которая сложилась в последнее время, он так и не рассказал ей всего, что произошло с ним за то время, пока они были не вместе. Он не знал, что его там ждёт, в этой бабаевской глуши. Он даже толком не знал, как представиться этим знакомым Николаса, с которыми так или иначе ему предстояло встретиться. Дорога была, мягко говоря, не очень, но мерсик плавно проходил все неровности и ямки, создавая иллюзию, что всё не так уж плохо. Пока ехал, придумал какую-никакую легенду. Что, мол, ищу дом в ваших местах, хочу купить. Денег куры не клюют. Люди порекомендовали к вам обратиться. Вы, мол, здесь давно живёте, может, что подскажете. Попахивало бредом, но, за неимением лучшего, пойдёт. Приехал по адресу. Ожидал увидеть покосившуюся хибару с заросшим бурьяном участком, но вместо этого Виктор обнаружил добротный двухэтажный дом. На участке стояла бревенчатая шикарная банька, рядом – большая теплица из поликарбоната. Всё было по-хозяйски красиво и аккуратно. Пожилая женщина копалась в огороде. Виктор припарковал машину недалеко от дома, взял пакет с тульскими пряниками и печеньем, купленными в магазине «Каравай», и прогулочным шагом подошёл к калитке. Постоял немного, пригляделся. Женщина его заметила, выпрямилась. Вроде кивнула. Виктор громко поздоровался. Она подняла большое эмалированное ведро с сорняками и медленно стала пробираться между ровными грядками.

– Здравствуйте, – ещё раз громко повторил он.

– Здрасте, я не глухая небось, чего кричать-то, – ответила женщина с характерным вологодским оканьем.

– А, извините, – Виктор улыбнулся. – Хозяин дома? Поговорить бы.

– Коля, до тебя пришли, – громко позвала она в сторону дома и обратилась уже к Виктору: – Да ты заходи, не стой у ворот-то.

Виктор зашёл на участок, закрыл за собой калитку. По листочку, который он получил от Николаса, он знал их обоих по именам. Женщину звали Мария Ивановна Полякова, а её мужа Николай Васильевич Поляков. Видимо, адрес правильный. Через минуту подошёл невысокого роста, коренастый, плотный мужчина с виду лет семидесяти, дружелюбно поздоровался, протянув руку. Виктор пожал руку, спросил:

– Вы Николай Васильевич?

– Да, точно, – мужчина с интересом посмотрел на Виктора и, повернувшись к жене, добавил: – Я там чайник поставил на плите, посмотри, а то я забуду.

– Я дом себе присматриваю в ваших краях. Мне знакомые порекомендовали у вас спросить. Говорят, вы здесь старожил. Так ведь?

– Ну, мы здесь с женой уже лет сорок как живём, даже больше, – оживился мужик. – Я как по молодости сюда приехал, так и остались. И дом вот сам построил. Да, а что за знакомые-то у тебя, из местных кто?

– Да не, – в тон ему ответил Виктор, сам не замечая, как он копирует местное наречие. – Из бабаевских мужики сказали

– А-а, ясно, а сам-то откуда? Не бабаевский вроде, – прищурился дед.

– Череповецкий я, а родился в Белозерске, – не стал врать Виктор.

– Понятно. А чего, места у нас хорошие, что в лес – по грибы, что на охоту. Дорога только плохая, но если на «Ниве» или уазике, то проедешь даже по распутице. А зимой чистят, всю деревню. И дальше. Не знаю только, кто у нас продаёт. Вона, смотри, через дорогу – дом

с красной крышей. Это Петровича, а следующий за ним, бурьяном заросший, – там дачники. Оне только летом приезжали, но уже года два, даже, поди, более не было никого. Вот, может, оне могут продать. Но это я не знаю. Надо, вон, у Маши спросить, может, телефон их есть.

– Спасибо, – Виктор понятия не имел, о чём беседовать с Поляковым, не касаясь его основной цели приезда. Вот задал ему задачку Николас!

Огляделся. Не зная, что ещё можно сказать, стоял, переминался с ноги на ногу. Но тут выручила жена Николая, появившись с большим дымящимся чайником:

– Может, чайку?

Виктор улыбнулся:

– Да, с удовольствием.

– Ну, так, вон, присаживайтесь, – хозяйка кивнула на небольшой деревянный столик возле дома.

Присели. Над столиком был по-хозяйски натянут тент из светло-зелёного брезента. По бокам стояли самодельные, гладко обструганные деревянные скамейки.

– Меня Виктор зовут, – представился он.

– Я Николай, – кивнул хозяин, – жена моя – Мария Ивановна, – он указал рукой на хозяйку, разливающую чай.

Виктор выложил на стол свои сладости.

– Так, а всё-таки кто сказал-то, чтобы к нам зайти? – опять спросил дед.

Ну вот что ему сказать? Виктор вообще представления не имел. Да будь что будет! Если не знаешь, что сказать, говори правду. Хотел уже сказать, что знакомого его зовут Николас, что тот передавал большой привет. Может, даже выложить на стол пачку денег и сказать, что просил передать. Хотя нет, это было бы как-то неправильно. Николас же попросил его не упоминать, и это, походу, было основное во всей этой теме.

– Да знакомый один сказал. – Виктор провёл рукой вокруг, улыбаясь: – А хороший участок у вас. Всё так добротно. Баньку сами строили или заказывали? Уж больно шикарно выглядит.

– Сами, конечно, – дед вроде даже слегка обиделся. – Кто же, если не сами. Заказывать, эвоно какие деньжищи надо платить. А так лес выписал, нам бесплатно положено. Сам спилил, мужики помогли вывезти. Всё как надо, брёвна выдержал, высушил. Долго простоит. Да нам-то чего, на наш век хватит. Могу показать, как внутри сделал. Тута ко мне уже многие приходили опыт перенимать, – явно с гордостью ухмыльнулся дед.

– Да, я бы с удовольствием глянул. – Виктор был рад. Разговор налаживался.

Чай был очень вкусным, ароматным, с пряными лесными травами. Мария Ивановна из пузатого чайника заботливо подливала Виктору в большую красивую кружку. Он поблагодарил:

– Спасибо большое. Вкусно очень. – И снова обратился к Николаю Васильевичу: – Летом, наверное, много людей в деревне?

– Ну а как, конечно. Много дачников будет, и детишек на каникулы привозят. Да, летом людно. Зимой вот скучновато. Но мы привыкли.

– У вас есть внуки? – вежливо поинтересовался Виктор.

– Нет, мы с Машей вдвоём живём, не дал нам Бог внуков, – дед вздохнул. – Доченька Настя умерла давно. Сколько уж. Скоро двадцать лет как будет. А больше детей и не было. Так вот и живём. Да, а куды деваться, привыкли.

– Сожалею. – Виктор, заметив, как, наклонив голову, сразу загрустила Мария Ивановна, чувствовал себя ужасно, вытаскивая неприятные воспоминания.

– Ладно, – вздохнул Николай, глянув на жену, – это дело давнее, чего ворошить. Пошли, баню покажу.

Виктор ещё раз поблагодарил за чай, встал и пошёл за дедом в сторону бани. Баня была большая. Сруб шесть на шесть метров. Нижние брёвна, по полметра в диаметре, проложены толстым слоем мха. Выше размер брёвен немного уменьшался, но все были ровненькие, одно к одному. Зашли в предбанник. Даже нет, не предбанник, это была скорее деревянная пристройка.

– Это хозблок, – сказал Николай Васильевич. – Чтоб зимой тепло сохранить, да и дровяник здесь же.

В так называемом хозблоке вдоль стены стояли большой стол со столярными инструментами, два кресла, маленький журнальный столик, скамейка вдоль стены. С другой стороны – во всю стену поленница из берёзовых дров. На полу – коврики.

Дед открыл толстую деревянную дверь. Зашли в следующее помещение.

– Здесь топочная, – он показал на печь. – Сама печь в парилке, а здесь только знай дрова подкидывай, – улыбнулся он.

Виктор открыл красивую дверцу из прозрачного стекла. Такого раньше не видел.

Дед увидел его восхищение и пояснил:

– Огнеупорное стекло. Все любят смотреть, как дрова горят, а открывать печку негоже. И дыму напустишь, и горит хуже. А так и любуйся, и закрыто. У меня и в доме так же сделано, – не без гордости пояснил он. – А знаешь, какая толщина металла должна быть в печке?

Виктор пожал плечами:

– Шестёрка, наверное, такие обычно варят?

Николай Васильевич улыбнулся:

– Не-ет, у меня двенадцать миллиметров. Я специально заказал потолще. Один раз протопил – и будет тепло долго держать. Ладно, здесь разувайся.

Виктор снял ботинки, прошёл в следующее помещение.

– Здесь помывочная, а это парилка, – дед открыл дверь из серого матового стекла. Вдоль двух стен в два ряда – широкие полки из белой осины. На стенах – вагонка, досочки одна к одной. Всё по-хозяйски основательно и настолько аккуратно, что Виктор реально захотел себе такую же баню.

– Здорово, – искренне похвалил он. – Вы прямо зародили во мне новую мечту.

– Да, – махнул рукой в сторону двери Николай Васильевич, – пойдём. Не ты первый ужо. Тут у меня намерении фотографировать приходили... эти, как их? Ну, в интернетах пишут. Целое кино сняли, всё расспрашивали, что да как.

– Блогеры, – подсказал Виктор.

– Ну, может, они. Тоже хвалили, сказали, что такой красоты не видели ещё. Ну, если себе будешь строить, приходи, я тебе много секретов могу рассказать. Как удобно воду сделать, вентиляцию. Чтоб баня не гнила, чтоб зимой был пол тёплый. Ой, да много тут всего. Хорошую баню сделать – это целая наука.

Вышли в предбанник. Дед достал трубку, открыл коробочку с табаком, стал набивать.

– Куришь? – спросил он и, чиркнув длинной охотничьей спичкой, стал раскуривать.

– Не-е, я бросил давно, – Виктор улыбнулся.

Николай Васильевич присел на лавку, что стояла вдоль стены, Виктор сел рядом в кресло. Самое время было спросить про Настю, но дед его опередил:

– Некому только это всё оставить. Детей нет.

– А что с дочкой вашей случилось? – подталкивая к разговору, спросил Виктор.

Дед помолчал немного, вздохнул:

– Да убили её. Почти двадцать лет назад.

Виктор молча ждал. Расскажет дед ещё что-нибудь или нет, не перебивал. Николай Васильевич опять вздохнул:

– Молодая совсем была, только двадцать пять исполнилось. Отучилась в институте и вернулась домой. Я ей говорил: «Наська, в городе-то больше возможностей!» Нет, вернулась зачем-то. А она на переводчицу училась, языки иностранные хорошо знала. С парнем познакомилась, с иностранцем. Он её к себе на работу и взял. Зарплата хорошая и работа видно интересная. А потом у них конфликт вышел с местными. Она тутойть в соседнем леспромхозе доски пилили. Чего-то, видно, не поделили. А парень-то этот, тёзка мой, Колька тоже, только она его по-иностранному называла. Николас вроде. Он такой тоже боевой был. Всё дрались с местными. Никак мирно не жили. Наши-то их прогнать хотели. Уж и пугали его, и пилораму поджигали. Он: нет, не уйду – и все. Говорил: мы с Настюхой сами всё создали, сами построили. Будем защищать. Ну, эти видят, что Колька не боится ничего, решили дочку припугнуть. Ну и так получилось, в общем, Настеньку застрелили, – дед замолчал.

– Как так-то? – Виктор хоть и слышал уже этот рассказ от Николаса, но из уст деда он звучал совсем по-другому. – Ну и что с ними стало? Их хоть осудили потом? – спросил он.

Николай Васильевич затянулся, медленно выпустил дым, потом продолжил:

– Да, суд состоялся, подозреваемых было пять человек, но всех оправдали. Не доказали ничего. Свидетелей не было, никто ничего не видел.

– А этот? Ну, Колька чего? – спросил Виктор.

– А его потом и обвинили. Адвокат этих упырей на суде так и сказал, что Колька приревновал Настю и убил. А он же сразу после смерти Настеньки куда-то пропал, его даже в розыск объявили. Потом пришёл ко мне через месяц, наверное. Упал на колени, извинялся. Говорил, что всё из-за него случилось. Прощения просил. Клялся, что это не он убил.

А я ему тогда сказал: «Не говори глупостей, я знаю, что не ты, но ты в розыске, найдут – точно посадят». – Дед посмотрел на Виктора: – Любил он ее сильно. Это же видно было. Пылинки с неё сдувал. Больше я его и не видел. Не знаю, может, к себе уехал. Он где-то в тёплых краях жил. В Греции, кажется. Он мне тогда говорил: мол, Васильич, я тебе такие места покажу, закачаешься. На рыбалку съездим на море. А вишь, как судьба-то распорядилась.

– Ну а с этими, ну, с упырями чего, так и сошло с рук? – Виктор посмотрел на деда.

– А всех пятерых и убили. Почти сразу, как Колька ушёл, через несколько дней и убили. Ко мне тоже следователь потом приходил, вопросы задавал. Видимо, и меня подозревали. Но я не стал говорить, что Кольку видел, может, и его это работа, не знаю. Причём нашли их всех в конторе, на пилораме у них. Валялись по углам мёртвые. У четверых – ни царапины, ни синяков, а у одного грудная клетка сломана, как будто под молот попал. И на лицах у всех, менты говорили, прям ужас застыл. Ужас и удивление. Как будто сидели, мирно разговаривали, и вдруг что-то их напугало. Я не ведаю, но неспроста это. И уж что там произошло, теперь не узнаешь. Ну, они получили то, что и заслужили. Вот так бывает.

Николай Васильевич встал, как будто бы опомнившись от воспоминаний:

– Ладно, пойдём уж, дело прошлое, мы с женой стараемся об этом не вспоминать, а то она и так все слёзы выплакала в первое время. Ты телефон свой запиши, если кто дом продавать будет, я тебе позвоню, а так, да, правильно, что у нас в деревне дачу присматриваешь, места здесь хорошие.

– А я хотел сказать еще... – Виктор подождал, пока дед остановится и повернётся к нему: – Может, и вам помочь чем? Вы мне помогите дом найти, а я вас отблагодарю. Или деньгами, или ещё как. Я человек самодостаточный, меня не затруднит.

– Не надо никакой оплаты, – замахал руками дед. – И не выдумывай, а то сейчас обижусь. У нас с Марьей две пенсии, а мы и одну не проедаем. Как ты сказал, Витя тебя зовут?

Виктор кивнул.

– Я тебе помогу не за оплату, а потому что, обратись я к тебе, и ты бы мне помог, верно?

– Конечно, – кивнул Виктор.

– Ну вот, а коли самодостаточный, подумай, может, там, в администрациях, знакомых каких найдёшь. Нам бы дорогу подсыпать, а то к нам даже автобус не всегда проедет. Вот это было бы хорошее дело, – дед грустно улыбнулся. – Да пустое поди, тоже небось не так просто у них. Ну да ладно, ты ещё и дом не купил, а я уж тебе про дорогу.

Распрощались как хорошие друзья. Мария Ивановна предлагала ещё чаю, но Виктор вежливо отказался. Ехал медленно, аккуратно объезжая ямы, которые были, к слову сказать, везде. Думал о Поляковых. Хорошие люди, добрые, отзывчивые. Вот почему всё так несправедливо? Ведь могли бы жить счастливо, большой семьёй, наверное, с кучей внуков. А из-за каких-то, как он сказал, упырей, всё перевернулось. Но этот Васильич вроде не унывает. А куда деваться? Времени прошло много, видимо, переболело. Вспомнил странную историю с убийством этих парней. Как-то всё необычно получается. Прямо мистика. Было бы неплохо снова встретиться с Николасом. Пообщаться и в конце концов рассказать ему всё, как есть. Пусть скажет, как сделать, либо пусть сам поедет к деду и даёт ему денег. Но в тот же миг внутренний голос намекнул Виктору, что вообще-то он бессовестно пользуется подарком Николаса, а своё обещание не выполнил ни на грамм. Так что включи мозг и думай. Прояви сообразительность и выполни свою часть работы, кстати, не такой уж и сложной.

Надо просто найти подход. Дед дорогу подсыпать хочет. Можно попробовать. Хотя бы поспрашивать у знающих людей, кто вообще этим заведует. Наконец он выехал на бетонку и прибавил газу. Несколько раз нажал на кнопку, добавив громкости. На Ретро FM что-то испанское задорное ритмично ударяло в диафрагму, и Виктору стало весело и радостно. Какое же это всё-таки удовольствие – ехать на хорошей машине по хорошей дороге. Не прошло и десяти минут, как он напрочь забыл и про деревню, и про Поляковых, и про Николаса.

Вернулся домой засветло. Дома вкусно пахло жареным мясом. На плите стоял противень с чем-то очень аппетитным. Анна сидела за кухонным столом и разглядывала журналы.

– Чего там интересного? – кивнул Виктор на яркие картинки.

– Витечка, а поехали на море, – Анька выпятила губу, изображая обиженного ребёнка.

– Да не вопрос, поехали. Ты куда хочешь? – Виктор даже сам удивился, как он быстро согласился. Вроде пока никуда не планировали.

– А вот, смотри. Я уже тур насмотрела. В Италию на три недели. Первая линия от моря, пять звёзд, свой пляж, всё включено. Отдохнём.

«От чего?» – хотел пошутить Виктор, но только пожал плечами:

– Вообще-то там сейчас жарко.

– Поехали-поехали, – не унималась Анька. – Я уже всё продумала. Возьмём тур. Пляж, море, солнце. Там можно машинку в аренду взять, покатаемся по Италии. Обязательно поедем по аутлетам, пошопимся, позагораем. И я хочу побывать в Венеции. Всегда хотела посмотреть на эти каналы, там ещё эти лодки с длинными носами, как их?..

– Гондолы, – вспомнилось откуда-то слово.

– Точно, а парни, которые гребут веслом, гондольеры, – Анька жестикулировала, как будто сама гребла.

– Надо подумать. – Он взял журнал в руки, разглядывая предложения.

– Не надо ничего думать, давай паспорт, я завтра отнесу в турбюро, чтоб сделали шенген, и сразу оплатим путёвки. Я уже звонила, сказали, нам ещё скидку сделают при полной оплате. – Анька повисла на шее у Виктора, обхватив обеими руками, и шёпотом, по слогам сказала: – По-е-ха-ли! Будет здорово, я тебе обещаю. А сейчас мыть руки и за стол. Кормить буду.

Вот как так она умела? Ярский не заметил, как опять попал в зависимость от этой самоуверенной красавицы. Ел вкуснейшее мясо, умело отбитое и такое сочное, что просто ах! На столе стоял большой запотевший бокал пива. Анька умела сделать красиво, уютно и вкусно. Да ладно, сколько той жизни! Когда ещё выдастся возможность шикарно отдохнуть. Если бы это был его выбор, то вряд ли это была бы Италия, пять звёзд. Это были бы, скорее всего,

бюджетная Турция либо Египет. Ну, или Крым. Да вообще, какой отдых? Хотелось переехать в Питер, на остатки денег купить какую-нибудь квартиру, уже не пентхауз с видом на набережную, а обычную двушечку в спальном районе. Найти нормальную работу и в конце концов обрести хоть какую-то стабильность. Анька же своей импульсивностью взрывала все планы. Всё опять шло наперекосяк, и Виктор, соглашаясь, ничего не мог с собой поделать.

На следующий день поехали в туристическую контору «Акварели». Отдали паспорта. Решили сделать не итальянскую визу, а финскую. Говорят, быстрее и проще. Полностью оплатили трёхнедельный тур. Девушка-турагент быстро и профессионально оформила документы и объяснила некоторые нюансы. Картинка вырисовывалась следующая: до Финки – на своём мерсе, потом – самолетом из финской Лаппеенранты до итальянского Бергамо, там – арендованным автомобилем до курортного Лидо. Названия Виктору ни о чём не говорили, но цена – да. Цена говорила. В любом случае, сказано-сделано. Анька просто пищала от восторга. Виктор смотрел на неё и вроде тоже был счастлив.

На следующий день позвонил Левину. Предложил остатки золота по той же цене, и тот сразу же согласился, как будто ждал звонка. Договорились на завтра. Посчитал деньги. После продажи золота будет чуть больше трёх миллионов. Решил поехать в Питер и на месте определиться, что можно взять на эти деньги. А уж потом, продав свою однушку в Черепе, рассчитаться с друзьями Николаса. Анька тоже напросилась в Питер. Виктор был не против.

Питер, 12 июня 2005

Выехали ранним утром в воскресенье. Настроение было отличное. Анька не переставая трещала про Италию. Виктор даже слегка удивился, как много она знает про Милан, про Рим и про древнюю историю. Он слушал в пол-уха, думая в основном о предстоящей покупке квартиры. У него уже было несколько интересных вариантов. Стоило ему позвонить по паре объявлений, и теперь питерские риэлтеры целыми днями предлагали квартиры. Как оказалось, множество квартир было в обмене, и Виктор с оплатой наличными был как раз востребованным звеном в цепочке. Если сильно не копать, то сделку можно проводить хоть на следующий день. Но торопиться не хотелось. Всё-таки было желание выбрать квартиру по душе. Остановились в гостинице недалеко от центра. Виктор позвонил девушке-риэлтеру, но все просмотры были назначены только на завтра. Что ж, не удивительно. Летний Питер в воскресенье не подразумевал никакой работы.

– Это же здорово, – Анька просто сияла от счастья. – Сейчас же белые ночи. Мы будем гулять всю ночь. Витька, ты такой молодец, что вытащил меня сюда!

Бросили вещи в номере, приняли душ. Даже попытались немного вздремнуть, но не получилось. Решили где-нибудь перекусить. Анька хотела прогуляться пешком, но тут возник вопрос: что с деньгами? Оставлять в номере или в машине не хотелось. Таскать с собой тоже большого желания не было. При том, что Виктор плотно и аккуратно упаковал пачки с тысячными купюрами, всё равно получился достаточно большой свёрток. Поехали на машине. Накапавшись по набережным, приглядели неплохой ресторанчик с прекрасным видом на Неву. На другой стороне красовался шпиль Петропавловской крепости. Парковки, конечно же, не было. Виктор встал под знак, включил аварийку. Ну да, гулять по центру Питера на машине – то ещё удовольствие. Тут же к ним подошёл паренёк в жёлтой светоотражающей жилетке поверх одежды. Появился, как джин из бутылки.

– Уважаемый, – вежливо обратился он, – парковочку ищите?

– Хотелось бы, – Виктор недоверчиво оглядел паренька.

Выглядел тот жуликовато, но на жилетке был приколот большой значок с надписью «Охрана».

– Места платные, сто рублей в час. Минимум двести, – опять вежливо и с улыбкой пояснил тот.

– Да не вопрос, – Виктор показал рукой впереди лобового стекла. – А где?

Парень махнул рукой, и из старенькой «Лады», запаркованной прямо перед окнами ресторана, показалась довольная физиономия.

– Вот он сейчас отъедет, и на его место поставите, а двести рублей мне, пожалуйста, и если будете гулять дольше, то лучше оплатите сразу. – Паренёк написал на бумажке время, протянул Виктору и сказал: – Под стекло положи.

– Два часа хватит, – сказал Виктор.

Прикольно, как в девяностые попал. Каждый зарабатывает, как может. Рассчитался с парковщиком. Мужик на жлыге тут же отъехал, и Виктор занял его место. Прямо под окнами. Удобно. Парковщик, получив деньги, тут же удалился. Пакет с деньгами лежал под водительским сиденьем. Виктор уже потянулся, чтобы вытащить его и взять с собой, но что-то оставило его. Так не хотелось тащить этот пакет в ресторан. Да пусть лежит, чего ему будет. Всё же на виду. Хватит уже параноить. Кому есть дело до «мерседеса» в центре Питера? Это же не в деревне какой-нибудь. Здесь полгорода ездит на таких иномарках.

– Пойдём? – Анька, подвела губы, глядя в зеркало на солнцезащитном козырьке, довольная и по-летнему неотразимая.

– Пошли. – Виктор нажал на сигналку, мерс грозно пикнул и с мягким приятным звуком закрыл все двери.

Ресторан оказался вовсе не ресторан, а хорошая, дорогая кафешка. Ну и неплохо. Взяли по салатику, два больших капучино и несколько разных пирожных. Сладкое Виктор любил, поэтому был рад такому разнообразию всяких разноцветных бисквитов. У окна столики были заняты, но с их мест машину было прекрасно видно. Он наконец позволил себе расслабиться и наслаждался вкусняшками, потягивая капучино. Ладно, сегодня надо ни о чём не думать, а просто отдыхать. Думать будем завтра. Надо посмотреть несколько квартир, чтобы иметь хоть какое-то представление о ценах и предложениях на рынке. Даже если первая квартира понравится, всё равно будем ходить и выбирать. Торопиться некуда. Будем считать, что это не деловая поездка, а настоящий отпуск, прогулка по Северной столице. Виктор боковым зрением увидел, как на улице прохожий мужчина с любопытством разглядывал его «мерседес». Сначала осмотрел спереди, потом медленно обошёл машину, встал со стороны водительской двери и достал из кармана мобильный телефон.

– Мне нравится Питер, – сказала Анна, маленькой блестящей вилочкой ловко поддевая кусочек десерта, – я бы переехала сюда.

– Ты же за границу хотела, – как-то механически ответил Виктор, не отрывая взгляд от мужика за окном. Тот стоял возле машины, чего-то жестикулировал одной рукой, во второй держал телефон и с кем-то разговаривал. Станный холодок пробежал по телу. Вроде бы ничего особенного, но внутренний голос уже подсказывал ему, что что-то не так. Мужик не смотрел на машину, но стоял так близко, что почти касался водительской дверки. Ярский напрягся, а внутренний голос уже вопил благим матом, что, что-то явно не так.

– Витечка, ну ты меня не слушаешь совсем, – Анька, видимо, задала какой-то вопрос, а он не среагировал и даже не услышал.

– Погоди, Ань, я сейчас, – сказал Виктор, отодвигая стул и не сводя глаз с человека возле машины.

В следующую секунду мужчина поднял голову и через окно, даже с большого расстояния, Виктор увидел, что тот смотрит прямо на него. И не просто смотрит, а уже держится за ручку двери, открывая её.

Бегом до входной двери кафе, огибая столики, у Виктора заняло не больше двух-трех секунд. Чуть не сбив с ног молодую парочку на выходе, он выскочил на улицу, больно ударившись плечом о дверной косяк. До машины – метров двадцать. Ярский как спринтер рванул изо всех сил и преодолел их в несколько прыжков. Он бежал не к водительской двери,

а к пассажирской. Подказала интуиция: так ближе. Парень уже сидел на водительском сиденье, а значит, и правая дверь была не заперта. В тот момент, когда он уже протянул руку к дверной ручке, мощно рыкнул мотор. Этот знакомый приятный рык спорткаров, который всегда так возбуждающе действовал на нервную систему, в этот раз прозвучал обреченно и грустно. Дёрнул ручку двери. Заблокировано. Уже замахнулся, чтобы со всей силы ударить по стеклу, но в этот момент, повернув передние колёса почти на сорок пять градусов, «мерседес» резко со свистом рванул влево, и Виктор, ударив кулаком уже по касательной, потерял равновесие и рухнул на асфальт.

Он в кровь разодрал коленку и руку до локтя, но, не чувствуя боли, вскочил на ноги, смотря вслед быстро удаляющемуся «мерседесу», мгновенно набравшему скорость, обгоняя машины, белой птицей летевшему в сторону Дворцовой набережной. Через несколько секунд он скрылся из виду, унося красивую мечту и три миллиона за так и не купленную квартиру. Подошли две молодые женщины, которые всё видели, чего-то говорили про милицию. Выбежала из кафе испуганная Анька, показывала на разодранные джинсы, кровь на руке. Виктор слышал всё как в тумане. Как так-то! Ведь этого не может быть! Такое бывает только в кино. Почему это случилось именно с ним? Через несколько секунд, когда оцепенение прошло, он не заметил, как в кровь прикусил губу, и вдруг громко рассмеялся. Почему-то стало так смешно над своей глупостью. Это был страшный, надрывный смех, почти истеричный. Виктор схватился руками за голову и продолжал ржать, пугая окружающих и Аньку. Когда в шутку говорят, что кто-то рвёт на себе волосы, это не так уж далеко от истины. Он правда несколько раз дёрнул себя за волосы, словно стараясь проснуться от кошмарного сна. Это немного помогло. Мозг снова стал работать чётко. Виктор вернулся в кафе, попросив счёт, расплатился.

– Где у вас здесь отделение милиции? – спросил у официантки.

Она покопалась в записях, написала адрес и телефон. Отделение было совсем рядом, на Дворцовой.

– Ань, пошли, – сказал он, выходя на улицу. Анька понуро семенила рядом.

– Мы куда? – грустно спросила она.

– В ментовку, – ответил Виктор как можно бодрее, но голос дрожал. Он взял её за руку и как-то неуверенно сказал: – Всё будет хорошо.

В отделении милиции их встретили буднично. Виктор в двух словах объяснил ситуацию старлею в дежурке. Тот кому-то позвонил, сказал номер кабинета, махнув рукой: мол, вам туда, прямо по коридору, найдёте.

Обычный кабинет госучреждения. Всё уныло и аскетично. Капитан предложил присесть за стол и написать заявление. Написал всё как есть. Особо расписывать не стал. Но изложил всё по чесноку. Про деньги тоже написал.

– Документы на машину с собой? – спросил капитан.

– Да, конечно, – Виктор достал свидетельство о регистрации и страховку.

– КАСКО есть? – спросил капитан, делая копии на старинном ксероксе.

– Нет, не стал делать, я аккуратно езжу, – ответил Виктор.

– На такие дорогие машины КАСКО делается не от повреждений, а от угона. Вы как сегодня родились, – капитан с лёгкой улыбкой посмотрел на Виктора.

Сразу вспомнились слова страховщика в московском автосалоне: «Не бойтесь?»

Тогда он не придавал этому особого значения. Подумал о каких-нибудь царапинах, вмятинах, но никак не об угоне.

– Ну, теперь ждите звонок. – Капитан снял фуражку, заложил руки за голову и откинулся на спинку кресла. – Угонщики на днях могут позвонить.

– А как? Откуда они номер мой узнают?

Виктор, видимо, выглядел настолько глупо, что капитан, как-то иронично покачав головой, совсем по-отечески, продолжил:

– Эти товарищи угоняют машины по наводке. У них есть доступ к базам страховок. Если бы машина была застрахована, то её вряд ли стали бы угонять, а так вам позвонят и попросят денег за возврат машины. Сколько стоит машина? Два с половиной миллиона?

– Около трёх. – Ярский только сейчас начал понимать схему угонов. Конечно, у них будет его телефон. Найти номер проблемы не составит. Вот он лошара деревенский!

– Значит, попросят примерно полтора. Сразу звоните мне. В любое время. Ну, и с вашими деньгами, что были в машине, думаю, стоит распрощаться, – как-то уж совсем буднично заметил капитан.

– А вы? Вы хоть будете искать? – с надеждой в голосе спросил Виктор.

– Ну конечно, будем, – капитан зевнул. – Сейчас внесём данные в базу. Будем работать.

Взглянул на Аньку, молча стоящую около стены, провёл по ней взглядом сверху донизу, дольше, чем предполагали приличия, потом сказал, разведя руками:

– Сожалею, девушка. – И уже обратившись к обоим: – Ну что, будет информация, позвоню. Не будет – тоже позвоню. – Он встал, давая понять, что разговор закончен.

Когда вышли на улицу, Анька как-то совсем по-деловому заметила:

– Зря ты ему про деньги сказал. Если они найдут машину и там всё ещё будут деньги, они заберут их себе. А ещё милиция тоже может быть в доле. Я слышала, что в больших городах они так и работают: жулики и милиция.

– Анька, откуда ты всё это знаешь? – Виктор остановился, удивляясь своей деревенской наивности. Но она только молча развела руками.

В Питере прожили почти неделю. Никакие квартиры, конечно же, смотреть не пошли. Каждый день ходили в отделение милиции справляться, как дела. В конце концов капитан сказал, что не надо приходить и мешать работать. Ярский был настолько расстроен и подавлен, что просто не знал, что дальше делать. С Анькой отношения натянулись как струна. Она вроде сдерживалась, но, похоже, тоже особой радости от дальнейших прогулок по Питеру не испытывала. Ни о каких развлечениях даже речи быть не могло. Из угонщиков так никто и не позвонил. В субботу на вечернем поезде уехали в Череповец. Виктор даже не удивился, что по приезду Анька сказала, что хочет несколько дней пожить у себя. Дело хозяйское, он был не против.

По дороге домой зашёл в магаз, взял две поллитровки первой попавшейся водки, накидал в корзинку разных сосисок, сыра, ещё какой-то снеди, что подвернулась под руку. Дома на скорую руку сварганил закуску, налил грамм сто прямо в кружку, залпом выпил. Физически ощутил, как медленно, но приятно алкоголь горячей жидкостью пробирался в желудок. Почти сразу повторил, чувствуя, как лёгкий хмель разливается по всему телу. Оставшиеся полбутылки убрал в холодильник. Хватит. Алкоголь притупляет проблемы, уменьшая их; вернее, не уменьшая, а создавая иллюзию, что их нет. Но это только кратковременно. На самом же деле проблем не становится меньше, они просто отодвигаются на некоторое время. Виктор это прекрасно знал и не пытался залить их вином. Просто хотелось немного расслабиться, ни о чём не думая, просто побыть одному. Собственно, а что случилось? Ему, как снег на голову, упал подарок. Он неумело им распорядился, но это же не конец света. По большому счёту он ничего не потерял. Да, у него остались неисполненные обязательства перед Николасом, но это всё решаемо. Так что нечего себя жалеть, надо сделать выводы и постараться извлечь урок на будущее. Где-то он слышал, кажется, еврейскую поговорку – когда теряешь деньги, надо говорить: «Бог, спасибо, что взял деньгами, а не здоровьем». Эта поговорка как раз подходила под его случай. Ну вот и славно. Достал из холодильника бутылку, налил ещё соточку.

– Не парься, Зевс, всё будет хорошо, – сказал он сам себе, опять вспомнив своего друга Сиплого.

Уныло перебирая в руке кружку с водкой, задумчиво смотрел на содержимое. Водка маслянистой жидкостью перекачивалась по краю кружки. Пить больше не хотелось. Выплеснул в раковину, поставил кружку на стол. Вот почему всё так? Почему Бог, если он вообще есть,

допускает такие вещи? Где та справедливость от Всевышнего, о которой так много говорят верующие? Походу, нет никакого Бога. Выдумки всё это. Пожалуй, прав был Дарвин со своей теорией эволюции. Выживает сильнейший. Виктор не был сильнейшим, кто-то оказался хитрее и умнее – и вот результат. Он опять сидит в своей однокомнатной квартире в провинциальном городе, а кто-то гоняет на его мерсе и никакой ответственности за кражу, скорее всего, не понесёт. Это несправедливо. Но это жизнь. Конечно, он знал точно, что он не пропадёт. Найдёт новую работу, пусть не высокооплачиваемую, но приемлемую, чтобы жить. Вот только мечты о дальних странах, о шикарных курортах и дорогих вещах опять становились только мечтами. Виктор посмотрел в окно на чистое голубое небо, такую редкость для Череповца. Вот как люди могут верить в Бога? Зачем они вообще ходят в церковь? Это какую же слепую веру надо иметь, чтобы, не видя Бога, просто верить, что будто бы Он есть. Виктор улыбнулся и вдруг вслух сказал:

– Ну что, Бог, есть ты где-нибудь? Дай мне простой и понятный знак. Ну, так, чтобы я в тебя поверил. Как можно в тебя верить, если ты никак себя не проявляешь? – Помолчал, выдержав паузу, затем уже с явным сарказмом продолжил: – Ну да, ну да, я так и думал. Если ты и есть, то от тебя одни неприятности. Так что всё мне с тобой ясно. Нет тебя, и никогда не было. Сказки это всё. Если бы ты был, то ты бы точно сейчас сделал какое-нибудь чудо, видя, что я хоть как-то пытаюсь с тобой говорить. Хоть что-нибудь простое. Ну, пусть хоть телефон зазвонит хотя бы.

Виктор посмотрел на лежащий на столе мобильник, слегка ухмыльнулся и покачал головой.

В следующую секунду он вздрогнул и почти подскочил с дивана от внезапного звонка. Нет, это был не мобильный, это звонили в дверь. Виктор давно уже хотел поменять звонок на входной двери, так громко и пронзительно он звучал, но всё никак руки не доходили. Открыл. За дверью в чёрной длинной рясе, держа за ручку большой дорожный чемодан на колёсиках, стоял поп и улыбался. На груди у него красовался огромный медный крест на толстой цепочке. Это был сосед по лестничной площадке отец Роман.

Отец Роман принадлежал к тем новомодным священникам, которые жили в духе современного времени. Он был всего на несколько лет старше Виктора. Высокого роста и приятной внешности мужчина, с длинной, но очень аккуратно ухоженной чёрной бородой. Отец Роман пользовался мобильником, ездил на свеженькой Toyota Corolla и, вообще, если бы не ряса, которую он, кажется, никогда не снимал, то скорее походил бы на успешного бизнесмена, чем на священника. Он был женат. Жена, тоже высокая, красивая женщина, интеллигентная и приветливая, всегда вежливо здоровалась с Виктором, но никогда не вступала в разговор. Детей у них, скорее всего, не было, по крайней мере, Ярский не видел. Самое интересное, что каждый год отец Роман поздравлял Виктора с днём рождения. Просто так, без всяких подарков, позвонит в дверь и скажет: «Виктор, с днём рождения, сосед. Здоровья и всех благ». Виктор даже пару раз спрашивал: «Отец Роман, а когда у вас день рождения?» Тот говорил, но Ярский всякий раз тут же забывал и, к своему стыду, даже примерно не помнил.

– Виктор, добрый день, – приятным басом поздоровался отец Роман и протянул руку.

Ярский сделал символический шаг вперёд, чтоб не через порог, и тоже поздоровался, пожав руку. Вдруг вспомнил, что у попов вроде целуют руку, но да пофиг, это не его случай.

– Здравстуй, – машинально ответил Виктор, мгновенно забыв о внезапном звонке в дверь сразу после его просьбы к Богу о каком-нибудь знаке.

– Виктор, я извиняюсь, можно у вас оставить чемодан? А то я вернулся из монастыря Кирилловского, а, как оказалось, ключ от квартиры с собой не взял. А матушка Татьяна на машине уехала и вернётся только к вечеру. Не бродить же по городу с вещами.

– Да, конечно, заходите, – Виктор широко распахнул дверь, приглашая войти.

Отец Роман помешкал немного, но всё же вошёл, оглядываясь по сторонам. Виктор был очень рад неожиданному гостю.

– А чего только чемодан? И сами заходите. Если никуда не спешите, проходите на кухню, чарку налью да хлеб-соль предложу, – Виктор, неумело, но от души пытался предложить своё гостеприимство.

Отец Роман задумался на секунду, но тут же согласился. Разулся, поклонился невидимому Богу и широко перекрестился. Виктор по-быстрому подогрел уже остывшие сардельки, с горкой накидал попу в тарелку, добавил зелени, что нашёл в холодильнике, и крупно, размашисто нарезал чёрного хлеба большими неровными кусками. Порезал на дольки два больших апельсина, пару яблок. Затем достал две красивые хрустальные рюмки и налил обоим водки до краёв. Отец Роман присел на табурет и скромно, но с интересом наблюдал, как Виктор суетится, накрывая на стол.

– Ну что, с приехалом, – поднял свою рюмку Виктор.

Отец Роман привстал, кивнул, сел обратно на табурет, перекрестился сам, перекрестил стол, сказав:

– Очи всех уповают на Тя, Господи, и Ты даёшь нам пищу в своё время, открываешь руку Твою и насыщаешь всё живущее по благоволению, – поднял рюмку и, чокнувшись с Виктором, отпил половинку. Затем, аккуратно поставив рюмку на стол, взял вилку в левую руку, а нож в правую. Виктор исподволь наблюдал, как отец Роман с достоинством, интеллигентно вкушает пищу. Отрезая ножом маленькие кусочки от сардельки, он отправлял их в рот и долго, вдумчиво пережёвывал. Виктору даже стало смешно, но, не желая обидеть гостя, он сделал вид, что не обращает на того внимания и налил ещё по рюмке. Себе – целую и попу тоже долил до краёв.

– Ну, с богом, – сказал Виктор, чокаясь.

Отец Роман кивнул, выпил до дна, перевернул стопку и перевёрнутую поставил на стол.

– Благодарствую, достаточно, – пробасил он и взял дольку яблока.

– Виктор, вы очень гостеприимный хозяин, всё было очень вкусно. – Отец Роман положил нож и вилку на тарелку и, оглядываясь по сторонам, сказал: – Хорошо у вас здесь, уютно. Давно уже как соседи, а первый раз к вам зашёл. В какой храм ходите? Я вас у нас на службе ни разу не видел.

– Да я, собственно, ни в какой не хожу, – как будто бы извиняясь, сказал Ярский. – Не совсем я... Ну, типа, не совсем верующий. Да что там, скорее, совсем не верующий.

– Ничего, это нормально, – отец Роман кивнул, соглашаясь. – Значит, ещё не пришло ваше время. Каждый приходит к Богу, кто-то раньше, кто-то позже.

– Где он, этот Бог? – в сердцах сказал Виктор уже изрядно захмелевший. – Посмотрите вокруг. Столько несправедливости. Если бы этот ваш Бог хотел, он бы всё сделал как надо, а не так, что у кого-то есть всё, а у кого-то ничего.

Отец Роман огладил бороду, улыбнулся, ничуть не смутившись, и спокойно сказал:

– Да, конечно, в мире много боли и страданий, но мы же не знаем, каков замысел Всевышнего. Вот вы, Виктор, молодой, здоровый мужчина, живёте в замечательной квартире, – он обвёл рукой вокруг, – и сетуете, что всё не так, как надо. А кто-то живёт без рук, без ног или ещё Бог знает в каком недуге и радуется жизни. Всё относительно. Приходите в храм на службу, и вы найдете там много ответов. Я вам обещаю.

– Ну не зна-а-аю, – протянул Виктор с лёгкой иронией, – вряд ли соберусь. А вот у меня к вам такой вопрос. Вот как сделать так, чтобы люди жили честно, не воровали, не грабили, не обманывали друг друга? Где тот Бог, который может сделать так, чтобы я поставил машину у дома и был уверен, что ночью её никто не угонит? Да можете не отвечать, нет такого Бога. А вы говорите идти в храм. Да пустое это всё.

Отец Роман выслушал Виктора, кивая и как будто бы соглашаясь, подождал, пока тот выговорится, потом неторопливо и спокойно сказал:

– Да, я вас понимаю, но вы же даже не попробовали. Как вы можете судить о том, чего не ведаете? Насчёт машины я вам так скажу. У меня нет никакой сигнализации, я всегда ставлю машину у дома, порой даже забываю закрывать. А на ваш вопрос, как сделать мир лучше, я вам отвечу так: вы просто сделайте лучше себя, и этого будет достаточно. Никого не обманывайте, желайте людям только добра, не присваивайте чужого, ну и, – он сделал паузу, – в первую очередь, возлюбите Бога и уповайте на него. И обязательно приходите на службу. – Отец Роман встал из-за стола.

– Ещё раз благодарю за угощение, Виктор, – он слегка поклонился, затем неторопливо обулся и, попрощавшись, сказал, что заберёт чемодан вечером.

Через неделю депрессивного валяния на диване к Виктору понемногу начал возвращаться интерес к жизни. Несколько раз набирал Аньке, но та трубку не брала. Решил прогуляться. Купил у старенькой бабушки на автобусной остановке огромный букет полевых ромашек и поехал к Аньке на работу. В управлении образования, бывшей старой школе на Первомайской, как всегда, было немногочленно. Несколько человек сидели возле кабинетов, ждали своей очереди на приём. Два риэлтера стояли в сторонке и вполголоса спорили про опеку, обмен и ещё чего-то. Виктор прошёл в конец коридора, где находился Анькин кабинет. Дверь была открыта. Анна с кем-то громко разговаривала по телефону. Он остановился напротив, поднял букет с ромашками и стоял улыбаясь. Анька держала мобильный телефон в согнутой руке на уровне груди и разговаривала со своей подругой по громкой связи. Она любила говорить по громкой связи, всегда повторяя, что нельзя держать трубку близко к голове. Где-то вычитала, что это очень вредно. Мол страшно вредные излучения влияют на мозг.

– Ну, у меня-то нет мозга, – всё время шутил Виктор, – поэтому мне не вредно.

Анна стояла спиной к Виктору, смотрела в окно и, разговаривая, не видела его появления.

– ...да не хочу. Мы с ним совершенно разные, – услышал он конец фразы.

– Но ты же говорила, что любишь его, вместе же собирались в Питер переезжать, – голос Анькиной подруги был знакомым, но, как звать её, Виктор не знал.

– Куда переезжать? У него ни кола ни двора. Он бесперспективный, – совсем обыденно сказала Анька.

– Ой, Анют, где ты сегодня перспективного найдёшь, все уже заняты давно, а Витя твой хоть мужик нормальный, сама же говорила, что вам хорошо вместе.

– Ну, хорошо-нехорошо, это другое, – сказала Анна, протягивая руку, чтобы прикрыть окно. – Всё! Расстались мы, не хочу больше ничего. А знаешь, стоит мне только свистнуть, мужики в очередь станут, так что давай не будем больше об этом.

Виктор сделал два шага назад и на пару секунд задумался. Осознание сказанного Анной пришло не сразу. Полученная информация загружалась медленно. Мозг словно отказывался принимать услышанное. Однако, когда загрузка завершилась, решение пришло мгновенно. Развернулся и медленно пошёл к выходу. Бросив букет в железную урну, стоявшую около входной двери, вышел на улицу. Вдохнул свежий летний воздух, улыбнулся и зашагал по проспекту Победы в сторону дома. На удивление, всё вокруг стало ярким и радостным. Было такое чувство, как будто он тащил на себе большой тяжёлый мешок и вдруг сбросил его. Сразу стало легко – как физически, так и морально. Даже дышать стало легче. Виктор не злился на Аньку, наоборот, он был ей благодарен. Какое приятное чувство свободы она ему только что подарила! Шёл по улице и широко улыбался. Понемногу созревал новый план. Теперь он постарается сделать всё правильно.

Глава шестая

15 июля 2005

В этот раз дорога была намного легче. Виктор практически на одном дыхании совершив марш-бросок по тому же направлению, что и три месяца назад, подошёл к знакомому дому в чаще леса. Солнце уже зашло, но было ещё светло, когда он тем же способом, что и в прошлый раз, отпер знакомую дверь. Не мешкая, открыл погреб, спустился со своим скарбом вниз и сноровисто начал копать. Не прошло и получаса, как чёрный пластиковый ящик оказался у него в руках.

Теперь, зная, что нужно делать, Виктор даже не стал поднимать его наверх. Снял крышку, достал оставленные в прошлый раз два килограмма золота и двадцать тысяч долларов. Закрыв ящик, бросил на дно ямы и быстро стал закапывать. Заровнял за собой следы, побросал свои пожитки в вещевой мешок и выбрался из погреба. Вся процедура заняла чуть больше часа. Лихо. Виктор был доволен собой. На улице стемнело, и он совсем по-хозяйски завалился спать на знакомую кровать. Спал он плохо. Снились кошмары. За ним бегали страшные чудики и всё пытались забрать у него деньги. Потом приснился Николас. Он был очень сердит и обижен на Виктора. Говорил, что тот так и не выполнил своего обещания. Виктору правда было стыдно, да так, что, когда проснулся, первое, что решил сделать, это поехать в Пустошку и любым способом всучить деньги Николаю Васильевичу.

Но это был только мимолётный порыв. По пути обратно, пока он шёл козыми тропами, родилась новая идея. Идея была настолько простая и в то же время бредовая, что поначалу Виктор просто усмехался своим фантазиям. Однако к тому времени, когда он вышел на дорогу, начал вырисовываться какой-никакой план и появился даже некий азарт: а сможет ли? Он решил съездить в администрацию Бабаевского района и попробовать порешать с подсыпкой дороги, а если не получится, то сделать, насколько это будет возможно, за свой счёт. Вернее, правильнее сказать, за счёт Николаса. Денег, конечно, оставалось немного, но их почему-то было совсем не жалко.

Как только добрался до Череповца, позвонил Артёму и предложил два килограмма золота. Левин, не скрывая удивления, пошутил: не мог бы тот показать ему, где берут золото килограммами? На что Виктор с абсолютно серьёзным лицом сказал, что нашёл формулу некой алхимии в учебнике восьмого класса. Цена золота за эти три месяца немного выросла, и продать удалось уже по четыреста. Продав доллары, посчитал свой капитал. Чуть меньше полутора миллионов.

По объявлению купил свеженькую «Ниву-Шевроле». Машине меньше года, она была почти как новая. Конечно, после «мерседеса», «Лада» выглядела убогой, ехала тупенько, подвеска жёсткая, но это была какая-никакая машина. Виктор, не торгуясь, выложил двести пятьдесят тысяч. Фактически это была цена нового автомобиля, но его всё устраивало. Купил новенький одноосный прицеп марки «Спутник». Дёшево и сердито. Позвонил в администрацию. Там долго не могли понять, чего он от них хочет. Сказали, что грейдер проходит раз в месяц, выравнивая дорогу, на большее средств не выделено. Что и требовалось доказать. Решил, не мудрствуя лукаво, найти в районе самосвал, взять несколько гастарбайтеров с лопатами и просто закидать крупные ямы на дороге, хотя бы на подъезде к деревне. Пока звонил по объявлениям, быстро изучил новый для себя вопрос, чем подсыпать. Вник в новые для него названия подсыпки, такие как: гравий, щебень, бой асфальта, кирпича, бетона. Через пару часов Виктор уже знал примерные цены на материалы, где какие карьеры, сколько стоит аренда самосвала и оплата рабочей силы. Чем дальше он углублялся в вопрос, тем интереснее становилось. Цена не была такой уж запредельной, как он думал вначале. При должном подходе, инвестировав те деньги, которые у него остались, а также потратив своё время и энер-

гию, можно было достаточно много сделать. Виктор выписывал на листок очередной номер телефона, когда зазвонил мобильный. Звонила Анна. Поднял трубку – даже нигде не ёкнуло. Вообще ровно.

– Соскучился? – игривым голосом спросила она.

– Да не особо, – как можно равнодушнее ответил Виктор.

– Ну-у, а как настроение? – Анька, казалось, даже немного растерялась от такого откровенного, не наигранного равнодушия.

– Да нормально всё, ты-то как? – Виктор зажал телефон плечом, а сам листал рекламную газету «Спутник», разглядывая объявления.

– Я хорошо, – Анна, кажется, совсем растерялась, не понимая таких внезапных перемен всегда покладистого и легкоуправляемого Виктора. Помолчала несколько секунд, потом добавила: – Визы готовы, можно ехать в Италию.

Блин, Италия совсем вылетела из головы. Для Аньки это было что-то из ряда вон. Как морковка для ослика, как светящийся огонёк, на который летят мотыльки. Какие они с ней всё-таки разные. Ему же эта предстоящая поездка была даже немного в тягость. У Виктора не было никакой неприязни к своей уже бывшей подруге, никакой обиды или злости после случайно подслушанного разговора. Было полнейшее равнодушие, поэтому, не желая играть ни в какие игры, он просто и честно сказал:

– Анечка, слушай, у меня тут многое поменялось, поэтом, в Италию я с тобой не поеду. Возьми какую-нибудь подругу. Если есть возможность, поменяй мои билеты на её имя. Думаю, вам понравится. Будет весело. А мне надо поработать.

– А как так-то? Ты же вроде... мы же хотели...

Но Виктор перебил её вопросом:

– Ань, скажи честно, мы же расстались?

Она выдержала паузу и невнятно сказала:

– Вроде того. – И потом добавила неуверенно: – Но ты нормально?

– Да я вообще супер, – голос Виктора был неподдельно бодрым. – Ладно, давай, а то мне некогда. И да, если нетрудно, мой паспорт занеси мне. И ключи от квартиры.

– Хорошо, занесу, – тихо ответила Анька.

Но он уже отключился и продолжил смотреть объявления о работе. Предложение и спрос. Сегодня его интересовал спрос. Разнорабочего можно было спокойно найти за сто пятьдесят рублей в час. То есть бригада из пяти человек обходилась около семи тысяч за смену. Это же вообще даром. И это в Череповце. В районе, скорее всего, зарплаты были ещё ниже. Виктор позвонил по нескольким объявлениям. В основном это были товарищи, готовые упорно трудиться в течение дня, затем, получив оплату наличными, тут же отнести её в ларёк. Потом – пара дней беспробудного веселья, и затем, после бутылочки пивка, опять на работу. Такие работники Виктора не интересовали, поэтому он сразу поднял планку, предлагая за десятичасовой рабочий день две тысячи рублей на человека, плюс еда и проживание. Тут же нашлась уже сформированная бригада из четырёх человек, готовых начать хоть сейчас. Правда, только один из четверых говорил по-русски. Звали его Афшин. Говорил Афшин с сильным южным акцентом, изрядно коверкая слова, но в целом очень даже неплохо. Встретились. Молодые парни, все слегка за тридцать, были из Таджикистана. Они на днях приехали к своему родственнику Афшину, жившему в Череповце уже третий год, и ютились вчетвером в снятой комнате в коммуналке. Виктор объяснил примерную суть их обязанностей, акцентируя внимание на том, что оплата будет только по завершении работы. Ребята громко обсуждали на родном языке по поводу зарплат. Ярский понимал, что оплата по завершению пугала гостей с юга своей неопределённостью. Парни уже были научены недобросовестностью российских работодателей, когда по завершению работы их просто кидали, не платя ни копейки. Виктор был неумолим и не поддавался ни на какие предложения платить хотя бы часть каждый день.

– Только так или никак, – сурово сказал Виктор Афшину. – И никакого алкоголя, – добавил он, входя в роль начальника.

Тот кивнул.

На следующий день опять позвонила Анька. Виктор как раз собирался уходить, когда она подъехала к его дому. Встретились во дворе. Анна была со своей подругой. Они сидели в белом «Рено-Логане», обе красивые и жизнерадостные. Анькина подруга сидела за рулём, и из машины через открытые окна сочно голосил Стас Михайлов. Анька, увидев Виктора, направляющегося к своей серенькой «Ниве», тут же выскочила и подбежала к нему.

– Твоя? – заинтересованно глядя на «Ниву», спросила она.

– Да, взял на днях, – Виктор дружелюбно улыбался.

Анька протянула паспорт и ключи.

– Не обижаешься на меня? – спросила она, улыбаясь.

– Нет конечно, вроде не за что. – Виктор открыл машину. – Удалось поменять билеты? – он кивнул на подругу.

– Чего? А, да, на следующей неделе с Алёнкой летим, – в голосе Виктор уловил лёгкие нотки сожаления. Анька как будто бы оправдывалась. – Вить, ты точно не обижаешься?

– Да с чего мне обижаться? – абсолютно искренне, с улыбкой сказал он. – Мы вроде в верности не клялись. Хорошего вам отдыха. – Он сел в машину, открывая с кнопок оба окна.

В машине было жарко.

– Ладно, бывай, – махнул он рукой и плавно начал выезжать.

Перед тем как выехать на дорогу, бросил взгляд в зеркало заднего вида. Анька продолжала стоять у реношки и смотрела ему вслед.

– Вот и расстались навсегда, – вспомнились слова из песни Боярского. Настроение было отличное. На завтра запланировали выезд.

Выехали, как только забрезжил рассвет. В прицеп побросали лопаты, новенькую тачку и ещё кучу всякого барахла, что могло пригодиться. Машинка на удивление неплохо тянула. Конечно, пять человек в «Ниве» – это что-то! Набились, как шпроты в банку. Парни были невысокого роста, жилистые и худощавые, как и множество южан, но, когда загрузились со своим скарбом, Виктор почувствовал, что один явно лишний. Пока ехали, опять стали появляться сомнения: правильно ли он делает? Зачем принялся городить этот огород добрых дел? Как какие-то тимуровцы они ехали делать то, за что любой здравомыслящий человек просто поднял бы их на смех. И это в лучшем случае. Но внутренний голос, подбадривая Виктора, подсказывал, что надо доделать то, что задумал. Это внушало немного уверенности.

Остановились в гостинице «Уют», что в Бабаево. Виктор дал парням денег, чтобы пообедали и купили какой-нибудь еды на вечер. Сам же не слезал с телефона. Нашёл частную контору, у которой было несколько самосвалов, договорился с хозяином, что тот выделит два КамАЗа. Они по очереди будут возить щебень из карьера, а парни, по-простому, лопатами, будут засыпать ямы. Транспортное плечо от карьера было небольшое, а вот от гостиницы, где они остановились, до места – километров сто, не меньше.

Рано утром следующего дня выехали на место. Когда закончился асфальт и пошла грунтовка, Виктор заметил следы от грейдера. Он, конечно, заровнял кое-какие ямы, и дорога казалась лучше, чем в прошлый раз, но это всё равно был тихий ужас. Чем дальше они ехали, тем больше он понимал, насколько бредовой была его идея с подсыпкой дороги за свой счёт. Здесь нужны большие вложения, много техники и спецоборудования. Виктор понимал, как убого они будут смотреться со своими лопатами и тачкой, но, по большому счёту, ему было плевать. Его никогда не волновало, как он выглядит в глазах других. Приехав на место, решили начать с конца деревни. Почти сразу подъехал первый КамАЗ. Из него выскочил водитель Генка, деревенского вида усатый мужичок лет сорока. Поздоровался со всеми за руку и спросил, куда

высыпать грунт. Когда Виктор объяснил ему, что надо приподнять кузов и парни будут вручную скидывать подсыпку на дорогу, ухмыльнулся: – Вы так полдня машину будете разгружать.

Виктор развёл руками: мол, посмотрим, может, и дольше.

На самом деле всё оказалось не так уж медленно. Генка подъезжал к яме, что побольше, двое парней лопатами скидывали гравий, а один подставлял тачку. Хотя сверху и сыпалось больше мимо, чем в тачку, всё равно получалось продуктивно. Виктор тоже ходил с большой совковой лопатой, закидывая щебень в ямки, что поменьше. Через час, когда подъехала вторая машина, с первой скидали меньше половины. Работали практически без перекуров. Время было утреннее, но вскоре к ним стали подходить люди. Здоровались и с интересом наблюдали за происходящим. На вопросы Виктор отвечал односложно, не вдаваясь в подробности. Пожилой разговорчивый мужичок сетовал, что уж и писали, и звонили в администрацию с просьбами подсыпать дорогу, а воз и ныне там. И тут нате вам – прислали пять мужиков с лопатами. Да разве это дело! Надо трактор, спецтехнику, а не вручную разгребать. Виктор ограничился лишь тем, что сказал:

– Будет вам и трактор. Но позже.

Мужик покачал головой, махнул рукой и пошёл к себе на участок, что-то бормоча под нос. К обеду разгрузили первую машину, и Генка уехал загружаться. Виктор посмотрел на результаты своего труда. Засыпали, конечно, мало, но красиво, ровно. Дорога в корне отличалась. Но надолго ли такая роскошь? Возможно, до первого хорошего дождя, а может, и дольше постоит. Он понятия не имел о технологии дорожных работ. Парни начали работать со вторым самосвалом, когда возле них, подняв облако пыли, резко остановился внедорожник Mitsubishi Pajero. Из него бодро вышел грузный человек лет пятидесяти, опрятно одетый и гладко выбритый. Человек не был похож на кабинетного работника, скорее всего, из бывших братков.

– Кто главный? – не здороваясь, спросил он.

– Главный – в Кремле, – сходу пошутил Виктор, – а мы так, подмастерье.

– Шутник, да? Серьёзно, вы из какой организации? – мужичок немного сбавил тон.

– Мы своими силами, не из какой не организации. Вот, скинулись по сто рублей и, видишь, гребём. – Виктор хотел пошутить, что выиграли тендер или что-то в этом роде, но был не силен в этих делах. Да и зачем наводить тень на плетень? Мужик походил вокруг, посмотрел, попинал ногой щебёнку, потом сказал:

– Ладно, занимайтесь, я подъеду ещё попозже, – сел в машину и уехал.

«Не поверил, – подумал Виктор. – Да и чёрт с ним».

Виктора окликнул знакомый голос. Он обернулся. Это был Николай Васильевич. Тот стоял, улыбаясь, раскинув руки в стороны:

– Виктор, а ты даром времени не теряешь. А мне сосед говорит: там дорогу ремонтируют, а я думаю: дай гляну, кто это. А это ты. Ну, молодец. И бригаду сколотил, – он кивнул парням. – Как тебе удалось-то? Хорошее дело, ай молодцы!

Поздоровались. Сказал Полякову, чтоб тот сильно не радовался, что возможности не такие уж большие. Уж насколько хватит. Но тот, взяв у Виктора лопату, повертел в руках, разглядывая:

– Да-а, раньше таких не делали, лёгкая какая, – вернул лопату Виктору. – Главное ведь начать, народ подтянется, поможем. Дело-то общее. Вы обедали?

– Да мы вроде как без обеда пока. – Виктор и не подумал про обед, но, возможно, парни уже проголодались.

– Давайте все к нам. Я сейчас хозяйке скажу, чтобы стол накрыла. Давайте, давайте. – он заглянул в КамАЗ: – Кто там? Вроде лицо знакомое, Серёга, ты? Давай тоже, пошли, Марья покормит.

Водитель высунулся из окна:

– Не, Василич, я тут подремлю, спасибо.

– Ну, как знаешь, а вы, парни, давайте, через десять минут жду. Витек, дом помнишь?

Виктор кивнул, и дед быстрым шагом почкапал прочь.

После обеда работалось уже не так споро. Ребята устали, Виктор тоже. Потом на помощь пришёл Николай Васильевич и привёл с собой ещё паренька. Вернулся первый самосвал, и Виктор решил ограничиться тремя машинами. Больше было уже не осилить. Отсыпали почти полдеревни. Прицеп с барахлом отцепили у деда, а сами поехали в гостиницу в Бабаево. Парни молчали всю дорогу. Видимо, устали как собаки. Виктор не понимал, о чём они говорили во время работы, но нетрудно было догадаться, что даже они, привыкшие к физическим нагрузкам, не ожидали, что труд будет такой рабский. Вероятно, будут просить больше денег. Ладно, денег не жалко. За машины Виктор заплатил тридцать тысяч. По десятке за рейс. Уж как там они рассчитывались за щепень, он не знал, у них там свои расчёты. А вот парням надо явно было прибавлять. Ну да ладно, это нормально. Не ленились, претензий к ним не было. Виктор угадал. Когда подъехали к гостинице, мужики на заднем сиденье засуетились, запереговаривались, и Афшин сказал:

– Поговорить надо.

Но Виктор его опередил:

– Да, я тоже хотел поговорить. Передай парням, что договаривались по две тысячи за смену. Но я буду платить по четыре. То есть в два раза больше. Завтра начнём не так рано, как сегодня. Будьте готовы к девяти часам. – Виктор сделал паузу, пока Афшин перевёл коллегам, потом добавил: – Скажи парням, что они молодцы. Поработали хорошо сегодня.

Парни радостно зашумели на своём, и Афшин сказал:

– Не обманешь, Виктор?

«Ну что ж логично, – подумал Виктор. – Обещать – не значит жениться», – а вслух произнёс:

– Не обману.

Достал деньги, отсчитал шестнадцать тысяч, протянул Афшину:

– Это за сегодня.

На следующий день желание работать упало до нуля. Ярский еле встал с кровати. Физическая нагрузка была огромная. Виктор улыбнулся, вспомнив занятия спортом в детстве. Тогда было что-то подобное. Когда приехали в деревню, там уже работало пять человек. Один КамАЗ стоял полный, второй почти разгрузили. Виктор непонимающе хлопал глазами, а Николай Васильевич, поздоровавшись со всеми, сказал:

– Долго спите, товарищи. Вишь, я тоже бригаду сколотил.

Голь на выдумку хитра. За день раскидали пять машин и почти закончили деревню. Виктор сгонял в соседний посёлок, где был магазин, и закупил полный багажник продуктов. Набрал колбас, сыров, круп, банок с консервами. Взял целую коробку мороженого. Продавщица даже немного растерялась, когда он скупил полмагазина. Привёз всё это жене Василича. Она заохала: мол, куда это всё девать. Холодильника не хватит.

– Слопаем, – махнул он рукой.

И действительно, слопали.

На третий день работали на дороге за деревней. Все уже наловчились, и получалось гораздо быстрее. В конце дня опять подъехал товарищ на Рајеро. На этот раз с ним были ещё двое: пожилая полная дама и молодой человек. Дама была строгая, скорее даже сердитая, с ярко накрашенными губами, синими тенями на глазах и с высоким шиньоном. На толстых бёдрах, явно не по размеру, натянута чёрная юбка. Блузка с блестящими пуговицами и кружевным воротником была на два размера меньше и плотно стягивала огромную грудь. Несуразно длинный паренёк был одет в голубую «двойку» с клетчатым ярко-красным галстуком. В общем, цирк уехал, а клоуны остались. Все трое уверенным шагом направились к работающим.

Виктор пошёл к ним навстречу, поздоровались. Улыбнувшись, он пошутил:

– Вы помогать приехали али как?

– Вы ответственный за мероприятие? – громко и с выражением спросила дама.

– Да, я здесь главный, – продолжая улыбаться, в тон ей ответил Виктор.

– Меня зовут Елена Сергеевна. Я зам начальника ООО «Доржилстрой». Кто вас авторизовал на ремонт федеральной трассы? – дамочка говорила как по заученному тексту. Голос был чётко поставлен, хоть и выдавало вологодское оканье.

– Да никто не авторизовывал, – Виктор нарочито по слогам выговорил слово. – Мы с парнями решили своими силами выровнять дорогу, а то жёсть какая задница. Ведь яма на яме.

– Вы не можете заниматься ремонтом федеральной трассы. Это противозаконно, – дама смешно погрозила толстым указательным пальцем. – Вы можете на своём участке хоть всё в асфальт закатать, но дорога – это не ваша собственность. Даже если вы думаете, что делаете лучше, на самом деле только всё портите. В следующем году область выделит деньги, и трасса будет отремонтирована профессионально, а не кустарно, как вы сейчас. Поэтому сейчас же сворачивайте свою лопатную деятельность – и брысь по участкам садить картошку, или чем вы там занимаетесь! – Тётка, кажется, даже ногой притопнула, или это просто ему показалось.

– Елена Сергеевна, – Виктору реально стало смешно. – Я понимаю, что вы переживаете за свою компанию, которая, вероятно, имеет долю в этой теме. Уверяю вас, что от нашей работы вам не будет никакого убытка, только профит. Мы никем не финансируемся и никаким образом не пытаемся отнять кусок от вашего пирога. Мы просто выровняем несколько километров дороги, заметьте, за свой счёт, и вы нас больше никогда не увидите. Разве это плохо? Если хотите, вы даже можете записать потом всё это в свои расходы.

– Те чо непонятно? – неожиданно резко подал голос молодой парень. Виктор думал, что он интеллигентный офисный молчун, но ошибался. – Сворачивайтесь, и нахер с пляжа! Вроде же ясно сказано. – Парень был лет тридцати, худощавый, длинный. Костюм ему был маловат, рукава пиджака явно короче, чем нужно.

Ярский мельком глянул на руки. Жилистые, крепкие кулаки уж точно не принадлежали работнику умственного труда.

– Погоди, Жека, не кипишись, – вступил в разговор хозяин Раёго и уже обратился к Виктору:

– Нам просто интересно, кто финансирует ремонт дороги. Я понимаю, что, может, гребёте вы и бесплатно, но вы же не сами оплачиваете транспорт.

– Получается, что сами, – Виктор развёл руками, переступая с ноги на ногу.

Даже не заметил, как машинально стоял в стойке, сбалансировав основной вес тела на левую ногу, на всякий случай высвободив правую для удара длинному наглецу, если тот ещё чего-нибудь вякнет.

Тут в разговор опять вступила толстая Елена Сергеевна:

– Не надо самовольничать. Есть проект. Есть смета. На следующий год выделяют деньги из бюджета, и дорога будет ремонтироваться профессионалами. Надо соблюсти все допуски и правила дорожного ремонта. Поэтому, если завтра я увижу вас здесь, то вызову участкового и он составит на вас протокол. Придётся отвечать по всей строгости, – развела она пухлыми ручками.

Подошёл Поляков, поздоровался.

– Лена, ты уже который год обещаешь и ничего не делаешь. Вы там просиживаете штаны в конторе, а вон, Виктор взял и организовал сам. Смотри, за три дня сколько выровняли, пройди и посмотри, чем шуметь здесь.

– В общем, что сделали – хорошо, – немного смягчилась женщина. – Но, как я и сказала, всё, сворачивайтесь – и адъёс. Хотите продолжать, делайте всё по закону: подавайте заявку,

участвуйте в тендере, как все делают. Разговор окончен. – И, не прощаясь, строго сказала своим коллегам: – Всё, поехали.

Когда разгрузили последнюю машину, Поляков пригласил к себе на чай.

– Ничего не меняется, – с грустью сказал он. – Как было двадцать лет назад, так и сейчас.

– Не понимаю, им-то какая разница? – спросил Виктор.

– Как какая? – искренне удивился дед. – Они же у кормушки. Проедет сметчик, а дорога ровная. Ну и зачем тогда деньги вкладывать? Отдадут в другой район, а этим мимо кассы. А деньги-то, знаешь, там какие, ого-го! Миллионы и миллионы. Поэтому и злятся. Вы картинку портите. Зря я, наверное, тебя сбаламутил. Закругляйтесь-ка вы, действительно, сворачивайте всё и поезжайте домой. И так много сделали. Вас уж здесь многие хвалят.

Виктор думал. На самом деле, а зачем это ему надо? Как Тимур и его команда, придумали тут балаган добрых дел. Можно было, конечно, продолжить, но зачем? Кому и чего доказывать? Как всегда, решение пришло само собой.

– Уезжаем в Череп, сегодня, – сказал он, вставая из-за стола.

Когда все уже уселись в машину, Виктор подошёл к деду. Мария Ивановна протянула ему большой бумажный пакет:

– Это вам, Виктор, смотрю, уж больно чаёк любите.

– Что это, чай? – улыбаясь, спросил тот, беря пакет.

– Чайный сбор. Там травушки разные. И вкусно, и полезно, пейте на здоровье, – сказала Мария Ивановна.

– Ладно, приезжай, гостем будешь, – улыбаясь, протянул руку дед. Виктор протянул ему свёрток:

– Бери, Василич, это тебе от одного хорошего человека. Только давай договоримся, что откроешь завтра утром.

– Да? А чего там? – заинтересовался Николай Васильевич. – Пряники, что ли? Тяжёлый-то какой.

– Бери, потом узнаешь. Ладно, бывай, – Виктор обнял деда как родного.

«Вот sentimentalный стал», – подумал он. Развернулся и быстро вышел за ворота.

В свёртке, туго перевязанные липкой лентой, лежали десять банковских пачек тысячных купюр. Миллион рублей. Всё. Худо-бедно, он выполнил просьбу Николаса. Кривенько, не на сто процентов, но выполнил. Виктор с чувством выполненного долга нажал на газ. Впереди триста километров дороги к дому. Он опять был почему-то счастлив. Когда остановились на заправке в Бабаево, Виктор рассчитался со своими работниками, дав каждому по десять тысяч.

– По договору было четыре за смену. Я заплатил вам по пять, – пояснил он. – Норм?

Парни на заднем сиденьи довольно перешёптывались.

– Да, всё хорошо, спасибо большое, – сказал Афшин. – Тебе, если надо будет чего, Виктор, ты на нас можешь всегда рассчитывать. С тобой очень приятно работать, – и он, видимо, перевёл свои слова парням, которые тут же закивали.

Виктор тоже кивнул головой: – мол, такая же фигня.

Ехали шумно. Парни громко и эмоционально спорили на родном. Виктор думал о своём. Жили в районе всего четыре дня, а казалось, что прошла целая вечность. Всё это время он почему-то даже не задумывался: а что же делать дальше? Денег осталось тысяч двадцать, не больше. По финансам он опять вернулся к той точке, от которой и началась эта история, когда он познакомился с Николасом. Ах да, зато теперь у него была машина. Он улыбнулся. Ну и прицеп. Найти работу в Череповце можно было без труда. Единственное, чего не хотелось, это быть привязанным к какому-то месту, а также времени. Но он понимал, что по-другому никак. Начиная работать на кого-то, ты теряешь свободу, обретая иллюзию материальной защищённости. Виктор ценил свободу, поэтому и не торопился с выбором. Как же всё-таки

бездумно он распорядился упавшими на него деньгами! Не раз слышал истории, как люди, выигравшие в лотерею сотни миллионов, через какое-то время становились не только нищими, а ещё и по уши в долгах. Да, вот как оно бывает. О чём он не жалел, так это о потраченных деньгах на эту дорогу. Он опять усмехнулся. Казалось бы, получилось всё спонтанно и где-то даже топорно, но было приятное чувство востребованности. Как будто он прикоснулся к чему-то большому и нужному. В некотором смысле это было даже приятнее, чем покупка «мерседеса». Возможно, он мог бы быть неплохим начальником. Каким-то прорабом или мастером. А может, и нет. Слишком мягким он был и слишком легко расставался с деньгами. Плохая черта, как для предпринимателя, так и для руководителя. Вспомнил Аньку. Может, надо было не строить из себя умника, а поехать с ней на море? Всё оплачено. И наплевать, что потом они не будут вместе. Возможно, и надо было. Но теперь уже чего, уже проехали.

Когда Виктор высадил своих пассажиров, было уже за полночь. Подъехал к дому, места не было. Сначала хотел заехать в гараж, отцепить прицеп, но было как-то лениво. Это всё завтра. Проехал вдоль дома и припарковал машину прямо на дороге под окнами. Когда Виктор вышел, потянулся, расправляя затекшие ноги, он опять, уже, наверное, в третий раз за последнее время, словил это непонятное чувство озарения. Глубокий вдох. Потянув носом прохладный ночной воздух с ароматом каких-то цветов или цветущих деревьев, ощутил осознание всего сущего. Всё вокруг на мгновение стало понятным и логичным. Так, наверное, собака, обнюхивая что-либо, получает полную информацию о предмете. Он не мог описать данное чувство, так же и не мог понять, что это. Это длилось не более одной-двух секунд. То ли приходило понятие о прошлых жизнях, то ли становилось всё ясно о смысле этой.

– Невероятно – шёпотом сказал Виктор. – Это что-то невообразимое.

Он постоял ещё немного возле машины, прислушиваясь к себе, но чувство прошло так же мгновенно, как и возникло. Попробовал дать ему оценку. Как будто ты смотришь на мир с заложенным носом, с берушами в ушах, а на глазах у тебя большие матовые очки, через которые не видно предметов, а лишь слабые их очертания. И вдруг ты снимаешь всё это и начинаешь чётко всё видеть, слышать и осязать. Даже в этом случае человек не ощутит такую огромную перемену в своём восприятии мира. Появилось сильнейшее желание испытать это чувство снова, задержать его и понять природу такого явления. Если бы Виктор был верующим, это можно было бы назвать Божьей Благодатью. Постоял ещё немного и медленным шагом направился к дому.

Наутро решил съездить в гараж, отцепить прицеп и отвезти накопившиеся дома ненужные вещи. Купил он его давно, в начале девяностых. Кирпичный кооперативный двухэтажный гараж находился в северном микрорайоне, в народе называемом Фанерой. Использовался он больше как склад всякого ненужного хлама, который и выбросить было жалко, и «может быть, когда-то пригодится». Виктор любил минимализм, поэтому дома не держал ничего лишнего, только основное. А вот в гараже был настоящий склад. Иногда Виктор наводил там порядок и безжалостно выбрасывал разный хлам, но со временем он как-то копился снова. Вот и сейчас он сложил в коробки ненужную одежду, обувь. Коробка с пустыми стеклянными банками. Зачем? Может, пригодится.

«Варенье буду варить», – подумал он. Взял рюкзак, в котором не так давно лежало целое состояние. Тоже – в гараж, чего будет здесь валяться. Проверил внутри – пусто. Случайно рукой что-то нащупал в кармашке. Отстегнул застёжку. Достал тёмно-зелёный кулон на серебряной цепочке. Он как-то совсем про него забыл. Когда вернулся из леса, всё так стремительно закрутилось, что эта маленькая, приятная на ощупь вещичка совсем вылетела у него из головы. Виктор опять стал разглядывать необычную вещь. На дорогое украшение она не походила, скорее, это был некий религиозный предмет, типа крестика у христиан или полумесяца у мусульман. Виктор не носил никаких украшений: ни цепочек, ни перстней. У него не было даже наручных часов. Кулон, лёгкий на вес, был симпатичный и не выглядел вызывающе. Яркий

машинально надел его на шею, взял свои вещи и направился вниз к машине. Спускаясь по ступенькам, держа перед собой две картонные коробки, Виктор заметил соседа, закрывающего дверь в свою квартиру. Костик, шустрый паренёк лет двадцати, жил с родителями на втором этаже, дымил как паровоз. Каждый раз, когда они где-то пересекались, у того в зубах была сигарета. Вот и сейчас он сначала прикурил, щёлкнув зажигалкой, а уж только потом стал закрывать замок на двери.

– Костян, привет, сосед! – кивнул ему Виктор, выглядывая из-за своих коробок.

– О, Витёк, дарова, дружище, погоди, ща подсоблю! – Он сбежал на этаж ниже впереди Виктора и, открыв дверь, придержал её, давая тому пройти.

– Пасиба, – кивнул Виктор.

– А ты в какую сторону направляешься? Может, по пути, так я присоедюсь с тобой.

– На Фанеру. Поехали, если по пути. – Виктор направился вокруг дома, к машине.

– О, чётко, а я на Кирилку. Повезло. Тогда я с тобой.

– Лады, – кивнул Виктор. – Только в машине не курят.

– Замётано. – Костян жадно затянулся пару раз и двумя пальцами стрельнул сигарету далеко на газон.

– Чё мусоришь? – укорил его Виктор.

– Сорян, – сказал Костик на самом деле без малейшего сожаления.

Виктор хотел сказать ещё чего-то нравоучительное. Типа, чисто, не где убирают, а где не мусорят, но понял, что бесполезно, и промолчал. Костик был из тех товарищей, что никогда не закрывают рта. Он болтал без умолку, знал сотни анекдотов и разных историй. Вот и сейчас он оживлённо рассказывал своё очередное приключение, а Виктор молча ехал, изредка поглядывая в зеркала на прицеп.

На пересечении улиц Архангельская и Краснодонцев круговое движение. Перекрёсток оживлённый, дорога двухполосная. По правилам, въезжая на круг, ты пропускаешь уже едущих по кольцу и занимаешь правый ряд, если тебе надо на выезд, либо внутренний ряд, если продолжаешь двигаться по кольцу дальше. Но также не запрещено продолжать движение по кольцу и по внешнему ряду, соответственно включив левый поворот. А вот из внутренней полосы на выезд ехать нельзя. Сначала надо перестроиться, а уж потом выезжать. Но кто их соблюдает, эти правила? И уж тем более редко кто включает сигналы поворота. Виктор много раз видел, как особо одарённые выезжали с кольца из внутреннего ряда, и если авто, едущее в этот момент по внешней полосе, продолжало движение по кольцу, то создавалась аварийная ситуация. По правилам, виноват, конечно, тот, кто вырывается с внутренки. И по правилу правой руки, и по всем канонам ПДД, но каждая ситуация рассматривалась отдельно, и каждый водитель мог оказаться как виноватым, так и правым. Зависело это и от инспектора, оформляющего протокол, и от осведомлённости и хитрости участников. В общем, так себе перекрёсток.

Ярский, слушая Костяна вполуха, включил сигнал поворота, пропуская едущих по кольцу, собрался уже влиться в поток, и тут произошло нечто. Позже Виктор не раз анализировал эту ситуацию, пытаясь понять, где было начало того необычного эпизода: во время его въезда на кольцо или чуть раньше.

Костик споткнулся на полуслове и замер, уставившись в лобовое стекло. Нет, он не замолчал, просто тембр его голоса изменился до хриплого баса, а слова растягивались в заунывную песню. Как будто запись голоса проматывали на скорости раз в десять медленнее обычного. Виктор оглянулся по сторонам. Всё вокруг стало статичным, как на картинке. Хотя нет, все двигались, но двигались со скоростью медленно ползущего ленивца. Холодный озноб прошиб Виктора от нереальности происходящего.

– А-а-а-а я-а-а-а та-а-а-ако-о-ой...., – Костян медленно растягивал слова.

И тут Виктор увидел самое главное. «Нексия», которую он только что пропустил, по черепашьи медленно тащиась по внешнему ряду кольца, а с внутреннего на выезд, тоже

медленно, но явно раза в два быстрее полз «Джип-Чероки». Тот, даже не утруждая себя включением правого поворота, шёл наперерез «нексии», направо, в сторону Фанеры. Даже в таком замедленном темпе было понятно, что аварии не избежать. Виктор уже почти выехал на кольцо, когда увидел столкновение. Правым передним крылом тяжёлый «джип» врезался прямо в водительскую дверь «нексии». Медленно, как в заправском блокбастере, полетели стёкла и куски пластмассы. «Нексию» стало разворачивать направо, и в то же время левые колёса оторвались от земли. Виктор однозначно знал, что сейчас тот перевернётся. Избегая столкновения, машина, двигавшаяся по внешней полосе, резко взяла вправо и стала приближаться к «Ниве» Виктора. Ещё доля секунды – и «нексия» уже лежала на крыше, а чиркан, вылетев на встречу, врезался в рейсовый автобус. Отскочив от него, как пружина, «джип» подпрыгнул и остановился прямо посередине полосы. Обычно в экстренных ситуациях работают интуиция и реакция. Здесь же у Виктора появилось время обдумать ситуацию. Прицеп, конечно, сильно ограничивал маневр. До произошедшей аварии он намеревался сделать правый поворот и выехать вправо на Архангельскую, в сторону Фанеры, но там, на выезде, уже лежала перевернутая «нексия», чуть левее, выпуская клубы пара, уныло стоял сморщенный «джип». Слева на них надвигался внедорожник со знаком «Рено» на решётке радиатора. Тормозить было уже поздно, и Виктор вдавил газ до пола, вывернув руль вправо, уходя от столкновения с реношкой, подождал, пока реноха поравняется с прицепом, и вывернул руль влево, уходя левее на Красnodонцев. Бросил взгляд в левое зеркало. Реношка прошла в сантиметрах от прицепа, чудом не задев его, и со свистом тормозов, со всего маху уткнулась в бордюр около «нексии».

Правые колеса прицепа уже поднимались, начиная переворачиваться. Тогда Виктор снова крутанул руль вправо, проползая правыми колесами почти по бордюру вдоль Красnodонцев. Прицеп дёрнулся, но не перевернулся. Виктор снял ногу с газа, посмотрел на спидометр – скорость почти восемьдесят, и это на неуклюжей, неповоротливой «Ниве»!

– ...и-и-и-иду себе, никого не трогаю... – продолжал фразу Костян, вернувшись на свой прежний темп речи. – Бля-а-а-а, Витёк, чё это было? бля-а-а-а, – он оглянулся назад. Движение остановилось, кто-то сигналил, кто-то бегал около машин.

Виктор остановил «Ниву» метрах в двухста от круга. Вышел посмотреть. Ни царапинки. Обошлось. Костик тоже вышел уже с дымящейся сигаретой в зубах.

– Бля, Витёк, ну ты точно ас, а я такой смотрю, всё, думаю, нам точно пиздец, а ты как-то р-раз, – он показал руками, – и вырулил. Вот, что значит мастерство.

Но это было не мастерство. Виктор точно это знал, но пока не мог поверить. Это было... Да, это было чудо. Две-три секунды для него растянулись на тридцать, а то и сорок секунд. И это не какая-то там иллюзия, это была реальность. На этот раз он был в этом уверен.

Вечером у себя на кухне Виктор опять вспоминал те несколько мгновений, растянувшихся почти на минуту. Время как бы замедлилось, давая шанс на принятие правильного решения, а «Нива» так ускорила, словно гоночный болид Формулы один. Как такое могло быть? Ведь он находился в здравом уме, да и Костян – свидетель. Хотя Костян, похоже, ничего не понял. Он был уверен, что их спасло от аварии мастерство Виктора, ну и пусть. Пусть он так думает. А Виктору надо было как-то с этим разобраться. Но как? Мозг как будто бы упирался в неведомую стену, когда он пытался сосредоточиться на ситуации с аварией.

Раздался звонок, заставив Виктора вздрогнуть.

– Надо уже поменять его в конце концов, – огрызнулся он. Посмотрел в глазок. Там стоял довольный Костян с улыбкой шире лица. Лёгко на помине. Открыл. Костик держал в одной руке картонную коробку с шестью бутылками пива, в другой – огромного вяленого леща.

– Витёк, я к тебе, – радостно сообщил он. – Если не сильно занят. Обмоем удачный день?

– Да с удовольствием, – Виктор широко открыл дверь, пропуская соседа.

Надо сказать, он был рад гостю. Интересно послушать версию происшествия, увиденную глазами Костяна. Днём Виктор был в такой растерянности, что когда Костян, поблагодарив его, вышел из машины, они даже словом не обмолвились о происшедшем.

Надо отдать должное: рыбец оказался зачётный. Не пересоленный, не пересушенный, огромный и жирный лещ был то, что надо. Виктор порезал его поперек на ровные дольки и аккуратно сложил на большую тарелку. Поставил два высоких стакана с толстым дном. Словом, накрыл эстетично. Костян тут же откомментировал:

– Блин, Витёк, ну ты прям как в ресторане накрыл. Я бы газету постелил да руками рыбец пополам. Ну вот, сразу видно – интеллигенция, – он поднял вверх два больших пальца.

– Ну а чего, аккуратно же, и есть удобно.

Виктор открыл пол-литровую бутылку светлого Carlsberg и разлил по стаканам. Костян уважительно наблюдал, пока Виктор открыл вторую бутылку и долил в стаканы почти до краёв.

Костик взял свой стакан, зачем-то подул на обильную пену, поднял:

– За благополучную развязку.

– Точно. Будем, – Виктор поднял свой стакан.

Чокнулись. Пиво было прохладное, но не очень холодное. Прямо самое то. Виктор с удовольствием отпил большой глоток и принялся за леща.

– Мы в рубашке родились, конечно, – сказал Костян, отрывая от рёбрышек яркий шмат жирной икры. – Я до сих пор не понимаю, как тебе это удалось. Я такой смотрю: этот дуст на нас летит на «рено». Уже сжался такой, думаю: вот сейчас удар, жду, жду. Смотрю, а он уже сзади. Ты так ускорился, как-то быстро. «Нива» у тебя шустрая, оказывается, я и не думал, что так бывает.

Он говорил, а Виктор вдруг отчётливо увидел всю картинку. Как в кино, кадр за кадром, ярко и чётко. Он попробовал сосредоточиться на странном ощущении. Такое впечатление, что где-то в его голове натянули экран, а глаза – это проектор. И этот проектор, как в кинотеатре, прокручивал фильм, проецируя изображение прямо в мозг. Чёткое, идеально точное изображение. Причём Виктор так же слушал Костяна, нисколько не отвлекаясь на просмотр этого своего внутреннего фильма. Он даже мог участвовать в беседе. В нём как будто присутствовали два человека, параллельно делающих два разных дела. Необычность и в то же время простота и ненавязчивость не только не испугали Виктора, наоборот, он с удовольствием с головой ушёл в новое для себя необычное состояние.

– А я целый день на работе всё думал про эту аварию, – продолжал Костян. – И такой думаю: дай-ка вечером к тебе загляну.

– Да, повезло нам, это уж точно, – кивнул Виктор, отрывая чешую от смачного куса леща. – А ты всё там же, на складе, работаешь?

– Да, второй год уже. – Костян отпил пиво и продолжил жевать икру. – Думал, временно поработаю, пока чего-нибудь лучше не найду, а потом попривык как-то.

И тут Ярский даже вздрогнул от внезапной вспышки на своём внутреннем киноэкране. Там чётко нарисовалась картина большого склада с высокими стеллажами и Костян, который управлял электропогрузчиком. Вернее, Виктор и был этим человеком. Он видел глазами Костяна. Он подъехал к высокому стеллажу, поднял поддон с коробками и, поставив на полку, стал отъезжать задним ходом. Потом Костян разговаривал с опрятно одетым человеком, похоже, с начальником. Тот дал ему конверт, и картинка опять сменилась. Виктор понял. Он фактически видел то, о чём сейчас думал Костик. Как это могло быть? Он мог читать его мысли. Причём это было так просто и исподволь, что казалось даже обыденным. Виктор сделал небольшое усилие, и внутренний экран погас. Он даже мог этим управлять.

– Похоже, зарплату сегодня дали? – с улыбкой спросил он.

– Точняк, – оторвался от рыбы Костян, – угадал, – улыбнулся он, вроде даже не удивившись такой проницательности Виктора. – Думаю, дай угощу соседа с полочки.

Виктор поддерживал разговор, хотя это особо не требовалось. Костян болтал без умолку. Ему, походу, было без разницы, слушают его или нет. Видимо, просто нравилось говорить. Виктор же сосредоточился на этом новом, непонятном для него чувстве. Попробовал опять напрячь сознание и подключиться к этому внутреннему видеозэкрану. Не получилось. Но зато получилось прочитать, вернее, предвидеть то, что говорил Костян. Он знал наперёд, что тот сейчас скажет. Как будто Костян говорил по написанному тексту, а Виктор, как в караоке, уже прочитал его. Невероятно, но, похоже, он даже мог изменить этот текст. Попробовал вставить просто любую первую попавшуюся фразу, к примеру, «корова на лугу». Нажал воображаемый «ввод». Воображаемый текст тут же изменился.

– ...и мы, короче, с парнями растянули сеть, сами пока разожгли костёр, корова на лугу, пивасик пьём такие. Думали, на уху как раз вытащим...

Но тут Виктор перебил его:

– Какая корова на лугу?

– Какая корова? – не понял Костян.

– Ну ты только что сказал: корова на лугу. – Виктор чувствовал себя как доктор-мозгоправ с подопытным пациентом, но надо было обязательно с этим разобраться.

– При чём тут корова? – опять не понял Костян и как-то странно посмотрел на соседа. – На берегу сидели, на Рыбинском, откуда там коровы?

– Блин, слышалось, – засмеялся Виктор.

Было понятно, что ничего не понятно. После этого он постарался отключить всё своё видение. Доели вяленого леща, допили пиво, и Костян засобирався домой. Виктор поблагодарил его и, когда тот ушёл, решил вновь вернуться к своей новой странной возможности то ли гипноза, то ли предвидения. Страх не было, не было и никакого диссонанса, что это невозможно. Только огромный интерес разобраться в том, как этим управлять и что можно было из этого извлечь. Но тут его ждало полнейшее разочарование. Как он ни напрягал мозг, как ни пытался что-то уловить, ничего не ощущал, кроме лёгкого чувства хмеля после выпитого пива. В конце концов после нескольких безуспешных попыток Виктор с разочарованием забрался под одеяло, включил телевизор и почти сразу же заснул, оставив всё идти своим чередом. Ночью опять приснился Николас. На этот раз он был довольным и приветливым. Похвалил Виктора за инициативу с подсыпкой дороги. Звал к себе на острова в гости. Виктор отказывался, ссылаясь, что надо сначала с работой решить, а уж потом об островах думать.

На следующий день проснулся в отличном расположении духа. Из головы никак не выходили вчерашние опыты с работой мозга и чтением мысли. Наутро это уже не казалось таким реальным, как вчера. Больше смахивало на лёгкое помешательство или даже шизофрению. Сварил кофе. Вспомнил про письмо, которое он нашёл в погребе. Не без труда отыскал послание Николаса, перечитал. Тот упоминал о каком-то даре. Что за дар такой? Сейчас это не казалось таким уж безумным, как тогда, в лесу. Может, и впрямь существуют какие-то ещё не изученные законы природы? Николас явно знал об этом больше Виктора.

«Надо обязательно его увидеть, – пронеслось в голове. – Это же так очевидно. Какая на фиг Италия! Греция – вот куда надо было ехать отдыхать. А заодно и встретиться со своим загадочным знакомым».

Достал паспорт. На страничке разноцветной голограммой блестела финская виза со сроком на год. Нашёл скомканный листок бумаги с адресом Николаса. Адрес был странный: ни улицы, ни дома. Просто написано: Vai, Toplou (Вай, Топлу), Nikolas Kostas. Виктор покопался в интернете и нашёл место. Это был монастырь на самом краю острова Крит. Да уж, этот Николас полон загадок. Но тут на листке он увидел написанное неразборчивым почерком: New Valamo Monastery in august. Начал припоминать, и вдруг чётко всплыла перед глазами картинка. Точно, он же сказал, что собирался погостить в этом монастыре в августе! Ещё сказал,

что будет много вопросов, а он там будет паломничать. Типа приезжай, поговорим. Как в воду глядел. Вопросов реально много. Значит, не Греция, а Финляндия. Ну, это намного ближе.

Залез в интернет, открыл Map Quest и не без труда нашёл Ново-Валаамский монастырь. Это место находилось примерно в двухсот семидесяти километрах севернее Выборга, среди озёр и лесов, где-то в глубинке Финляндии. Виктор целый час на листке А4 тщательно рисовал подробную карту дорог и переправ юго-восточной части Финляндии, и когда карта была готова, голова уже кружилась от названий финских городов и деревень.

– Язык сломать можно, – ухмыльнулся он.

Теперь созрел чёткий план, что надо делать. Ехать, конечно же, на машине. Настроение поднялось. Бывает такое, когда сам не осознаёшь почему, но всё вокруг прекрасно. Захотелось сделать что-то хорошее и полезное. Для начала надо свезти машину на ТО, поменять масло, ну и посмотреть, чтобы всё было в норме перед дальней дорогой.

Включил телевизор, который висел на стене в кухне, зажёл газ, привычным движением насыпал в турку две ложки кофе. Взял со стола пульт, стал щёлкать, перебирая каналы. Хотел найти какой-нибудь знакомый фильм, просто чтобы шёл фоном. Ничего путёвого не было. Одна реклама. Остановился на канале РБК. Там опрятный ботан в галстук тараторил про цены на акции, индексы, валюты. У него получалось складно и даже интересно. «Тимофей Мартынов, финансовый аналитик», – прочитал Виктор на экране. Парень рассказывал грамотно, чётко поставленным голосом. Было видно, что он не просто читает по суфлёру, а выдаёт свои мысли. Виктор не особо понимал в этих биржах, но и не был совсем далёк от этого. Пару лет назад он открыл счёт у брокера Финам. Покупал и продавал акции и даже чего-то там умудрился заработать. Потом это всё ему наскучило, и он, продав всё, закрыл счёт. Иногда, правда, интересно было послушать, чего там творится в финансовом мире. На бегущей строке заметил курс евро к рублю – тридцать пять. Надо заехать к Гансу и купить евры. Виктор задумался. Вот как-то неправильно он всё-таки живёт. Все чем-то занимаются. Ганс, вон, валютой барыжит, кто-то просто на заводе работает, кто-то бизнесом занимается. А ему уже за тридцать и ведь ничего в жизни не добился. Ни семьи, ни детей. Ну да, основное есть. Квартира, гараж, машину вот купил. Но это всё не то, как-то всё течёт мимо него. Вроде ведь и не лентяй он, и не дурак совсем, а место своё найти не может. Вот и сейчас: зачем он собрался в эту Финку:? Сиюминутное решение. Час назад даже не думал – и вот. На последнее – без сдачи, как говорится. Глупо как-то всё.

В турке начала подниматься густая пена, и Виктор, выключив газ, принялся за изготовление бутербродов. Употребление кофе – это целый ритуал. Кто-то пьёт с сигаретой, кто-то без сахара, Виктор же любил крепкий, сладкий и либо с молоком, либо со сливками. И обязательно с бутерами. Доставая из холодильника масло и сыр, обнаружил, что нет молока. Обычно всегда стояло на полочке в двери. Забыл купить. Вроде мелочь, но нет, без молока, кто бы что ни говорил, кофе становился просто горьким, хоть и ароматным пойлом. «Ну, тут дело вкуса», – скажете вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.